

ЛЕВ БЕЗЫМЕНСКИЙ

АПН
БИБЛИОТЕЧКА
АПН

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

ПРОТИВ
ВТОРОГО
ФРОНТА

ЛЕВ БЕЗЫМЕНСКИЙ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

**ПРОТИВ
ВТОРОГО
ФРОНТА**

Издательство АПН
1987 год

ББК 63.3(062)
Б 40

Рецензенты: доктор исторических наук *В. М. Кулиш*,
доктор военных наук, профессор *Р. Симонян*,
А. А. Урбан

ВВЕДЕНИЕ

Джозеф Половский и его завещание

Я познакомился с ним в Москве в 1955 году. В то время для американца поехать в Москву, да еще с дружественной миссией было делом непростым, почти героическим. Вовсю бушевала «холодная война», и гражданин Соединенных Штатов Америки, открыто объявивший, что хочет возродить дух боевого сотрудничества с Советским Союзом, рисковал многим. Джозеф Половский и в годы войны не боялся риска. Сержант американской дивизии, высадившейся на берегу Нормандии в памятный день 6 июня 1944 года, он прошел весь боевой путь до немецкого городка Торгау, где 25 апреля 1945 года стал одним из первых американцев, обнявших советских солдат на берегу Эльбы. Вечером этого дня Москва вспыхнула огнями салюта, воздав дань долгожданному соединению войск стран антигитлеровской коалиции.

В зале старинного особняка на Кропоткинской улице, где долгие годы размещался Советский комитет защиты мира, Джозеф Половский и его друзья — члены организации «Ветераны встречи на Эльбе» — рассказывали об апрельском дне сорок пятого так, как будто это было лишь несколько недель назад. Прошедшие десять лет не стерли воспоминаний — не стерли они и памяти о клятве на Эльбе, которую дали тогда советские и американские солдаты. Перед собравшимися в зале советскими ветеранами войны и журналистами Половский зачитал текст совместного заявления ветеранов:

«Дорогие друзья! Мы, советские и американские ветераны, участники исторической встречи двух союзных армий на реке Эльбе в 1945 году, собравшись в Москве по случаю десятой годовщины этого знаменательного события, торжественно заявляем, что мы не забыли дружественного союза, сложившегося в период военных лет.

Встреча наших войск на Эльбе останется в истории человечества символом дружбы, доброй воли и взаимного уважения наших народов. Сегодня, как и десять лет назад, мы заявляем о своей решимости трудиться для дела дружбы между советским и американским народами, за установление мира во всем мире.

Мы выражаем надежду, что эта наша встреча станет традицией, что и впредь американские и советские ветераны будут в день встречи на Эльбе обмениваться дружескими приветствиями и будут собираться вместе, как друзья».

Признаться, эти слова звучали в 1955 году необычно. О дружбе и сотрудничестве между народами Советского Союза и Соединенных Штатов тогда за океаном было просто немыслимо говорить. Да и у нас для этого не было особенных оснований: годы администрации Трумэна ознаменовались подлинным разгулом антикоммунизма и злобных антисоветских кампаний. Не только кампаний: именно тогда в Пентагоне тщательно готовились планы атомной агрессии против Советского государства. И хотя они были предметом строжайшей тайны, на страницы американской печати нет-нет да и выплескивались сообщения, заставлявшие нас быть вдвойне бдительными.

Джозеф Половский не был политиком в традиционном смысле этого слова. Он не занимал государственных постов, созданная им организация была невелика и не располагала достаточными средствами для влияния на американскую политику. Однако шофер такси из Чикаго воплощал в себе то, что принято называть здравым смыслом. Зная ужасы и тяготы войны и умея ценить солдатский труд—будь он американский или советский,—Половский просто не мог себе представить, что вражда и неприязнь должны навеки разделить народы, показавшие в годы войны умение воевать вместе за правое дело. Он так и говорил нам на пресс-конференции, так не раз писал своим друзьям в Москву.

Часто приходили из Чикаго конверты с письмами, на

которых я сразу узнавал характерные строки Половского, написанные тонким черным фломастером. Он сообщал о деятельности своей организации, о встрече с советскими ветеранами на американской земле, о своих планах. Потом письма стали приходить реже и реже, пока в одном из них не пришлось прочитать поистине драматическое сообщение:

«24 января 1983 года,— писал он,— меня поместили в Лейксайдскую больницу для ветеранов войны в Чикаго. 10 дней спустя, 3 февраля, мне сделали серьезную операцию, в ходе которой выяснилось, что я поражен далеко зашедшей раковой опухолью. После операции врачи сказали, что мне осталось жить около трех месяцев. Возможно, что я доживу до лета».

Но не таков был солдат Половский, чтобы просто принять этот приговор. Он начал необычную борьбу: решив, что должен быть похоронен в Торгау — на месте исторической встречи на Эльбе, в оставшиеся недолгие месяцы жизни стал добиваться, чтобы его завешание не осталось на бумаге. Половский делился своими заботами: его средств не хватало, чтобы оплатить перевозку скорбного груза в Европу. Сперва он обратился за помощью в министерство обороны США, в управление по делам ветеранов войны. Вскоре пришел ответ (его копию Половский вложил в одно из последних писем). Некий чиновник из ведомства министра обороны США Каспара Уайнбергера на бланке, снабженном гербом «секретаря по делам обороны», вежливо сообщал, что министерство не располагает средствами для похорон ветеранов. Тогда Половский напечатал письмо в газетах и разослал послания своим друзьям. Я рекомендовал ему сообщить о его последней воле посольству ГДР в Вашингтоне — ведь Торгау находится на территории Германской Демократической Республики. Дипломатические представители первого в истории государства немецких трудящихся немедленно ответили согласием. В последнем письме Половский писал, что хочет напомнить всему миру о клятве на Эльбе, которой останется верным до самого конца.

Письма из-за океана порой идут долго. Получилось так, что очередное письмо из Чикаго пришло уже тогда, когда в Торгау состоялась торжественная траурная церемония. Гроб с телом Джозефа Половского в сопровождении почетного караула советских и американских солдат был опущен в могилу недалеко от берега Эльбы. «Джо-

зеф Половский, участник второй мировой войны и советско-американской клятвы на Эльбе 25 апреля 1945 года» — такую надпись сделали на надгробии, ее составил сам Половский. Приехали в Торгау советские и американские ветераны второй мировой войны. Последний долг бесстрашному солдату воздали и многочисленные делегации общественных организаций ГДР. Прозвучали над могилой слова клятвы 1945 года. Я уже прочитал об этом в газетах, а крупными, почти печатными буквами (видимо, перед смертью Половскому было трудно писать) он сообщал мне, что все в порядке, деньги на похороны собраны и завещание будет выполнено...

И опять-таки: насколько не соответствовала миссия Половского в Москву тону американской печати 1955 года, настолько не сочетались сообщения о церемонии в Торгау с тоном западной печати 1983 года. Смерть Половского совпала с периодом нового взлета международной напряженности, злобного «крестового похода» американской реакции против социализма. Но, видимо, в том и заложена высшая правда и подлинная диалектика нынешней истории, что вопреки тону, задаваемому буржуазной пропагандой, на поверхность вырываются глубинные, соответствующие подлинным интересам народов настроения. Завещание, которое оставил своим современникам простой чикагский шофер, стоит куда больше, чем многие выпренные речи лидеров Запада. Оно означает: опыт сотрудничества, накопленный в трудные годы войны и оплаченный священной кровью, не должен остаться втуне!

Чем проще истина, тем сложнее бывает ее восприятие. Минувшие после окончания войны годы оказались такими насыщенными, столь полными крупнейшими и порой драматическими событиями, что простые и, казалось, бесспорные уроки войны стали порой уходить в тень. Замысел германского империализма не сводился лишь к захвату чужих земель вообще (этого добивались и иные агрессоры) — для него главным был захват земель **советских**, ликвидация первого в мире социалистического государства. Именно этот главный замысел оказался сорванным. Социализм выстоял, причем в условиях, в которых любое другое государство, базирующееся на иных основах, пало бы.

Но вот, казалось бы, парадокс: социалистическое государство не только отстояло себя, но спасло от порабо-

щения многие государства, принадлежащие иной, противоположной социальной системе. Американская газета «Вашингтон пост» в далеком 1943 году красноречиво писала: «Охватывает дрожь при одной мысли, что могло бы произойти, если бы Красная Армия рухнула под напором наступающих германских войск и если бы русский народ не проявил такого мужества и бесстрашия». Какой полезный урок всем, кто — начиная от президента Вудро Вильсона и кончая рейхсканцлером Адольфом Гитлером — объявлял Советскую страну «угрозой» для мировой цивилизации. А она эту цивилизацию спасла!

Еще более красноречив был факт успешного сотрудничества государств с различными системами — СССР, США и Англии — в рамках антигитлеровской коалиции. Это было, если можно так выразиться, «мирное сосуществование в военных условиях». Сотрудничество сложное, трудное, порой стоявшее на грани невозможного. Но принесшее победный итог.

Вот что приводит в неистовство и бессильную злобу апостолов антикоммунизма и их приспешников! Для них вторая мировая война становится одним из очередных объектов идеологической «переинтерпретации», в ходе которой белое должно стать черным, справедливое — несправедливым, закономерное — случайным. Идеологи новых антисоветских походов хотят лишить человечество тех общих ценностей, которые оно завоевало, пожертвовав за это 50 миллионами своих сынов и дочерей.

Если кто-нибудь и сомневался в существовании подобных намерений, то ему следовало бы вспомнить, как отметила и «переинтерпретировала» империалистическая пропаганда недавнюю сороковую годовщину Великой Победы над фашизмом. Исторические даты обладают важным свойством: они высвечивают события сегодняшнего дня, делают их необычайно рельефными. Этому помогает «временная дистанция», которая позволяет взглянуть на давнее более пристально, а самое главное, с куда большей документальной обоснованностью. То, что много лет назад составляло предмет высшей государственной секретности, сегодня можно прочесть в опубликованных сборниках, в мемуарах государственных деятелей и иных непосредственных участников событий.

Сорокалетие разгрома фашизма, сорокалетие победы антигитлеровской коалиции стало своеобразным крите-

рием оценки нынешних событий, понимания целей политики государств в середине 80-х годов нашего бурного века. Да будет позволено так перефразировать известное изречение: «Скажи, как ты отметил 40-летие Победы,— и я скажу, кто ты».

Официальная Америка заранее определила свою линию в вопросах, связанных с окончанием второй мировой войны. Это стало ясно уже в 1984 году — в дни годовщины высадки американских и английских войск в Европе. Тогдашняя поездка президента Рейгана в Нормандию, его выступление, а также неисчислимое количество статей в прессе США по этому поводу показали, что была начата широкая кампания с прозрачной политической целью: принизить значение вклада Советского Союза в победу и соответственно изобразить США в качестве главного действующего лица. Дело доходило до анекдотов. Например, при публикации датированного 1944 годом приказа генерала Эйзенхауэра в 1984 году в Вашингтоне вычеркнули строки, в которых генерал воздавал должное роли Советских Вооруженных Сил в борьбе с Гитлером. Линия на замалчивание роли СССР вызвала недовольство даже в лагере союзников США: это, в частности, нашло свое отражение в некоторых выступлениях президента Франции Франсуа Миттерана.

Но то, что как бы лишь намечалось в 1984 году, стало генеральной линией администрации Рейгана в год 40-летия окончания второй мировой войны. Игнорирование роли Советского Союза и в то же время безмерное преувеличение роли США и Англии, клевета в адрес Советской Армии стали стандартным набором во всех документах правительства — исключая, пожалуй, послание Р. Рейгана советскому руководству, в котором он был вынужден говорить об «общих усилиях». Однако эти признания с лихвой компенсировались в других заявлениях президента (к примеру, в его речи в Страсбуре 8 мая 1985 года) — не говоря уже о неприглядной демонстрации, предпринятой им совместно с канцлером ФРГ Гельмутом Колем на кладбище солдат вермахта и СС в западногерманском городке Битбурге.

Администрация США оценила события второй мировой войны, мягко выражаясь, крайне односторонне. Все свелось к утверждению, будто свободу и независимость мир обрел лишь благодаря США и Англии. А если действия советских войск и имели место, то, мол, они

несли не свободу, а «новое порабощение». Советской стране вменялось в вину невыполнение союзнических обязательств, ряда важных решений (в том числе принятых в Ялте и Потсдаме), неверность самому духу великой коалиции. Совершенно замалчивались при этом исторические факты, связанные с умышленной задержкой открытия второго фронта в Европе, с подлинными нарушениями духа и буквы союзнических соглашений военного времени Соединенными Штатами и Великобританией.

Одним словом, подход американской администрации и основных органов печати США к событиям 40-летней давности невольно подтвердил то спорное определение истории, согласно которому она является «политикой, опрокинутой в прошлое». Искажение исторических фактов, их произвольная интерпретация становятся составной частью антисоветского курса администрации США.

Попытки разделить победы на «нашу» и «вашу» не имеют ничего общего с подлинными событиями. Не делили победу советские воины в самые трудные месяцы и годы войны, когда им, стиснув зубы, приходилось слушать многочисленные обещания открыть второй фронт. И хотя песня Булата Окуджавы родилась в послевоенные годы, но мы могли петь и в годы войны:

...И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех. Мы за ценой не постоим!

Думаю, что и Джозеф Половский мог присоединиться к этим словам. Но общая победа не только не исключает, но настойчиво требует точного анализа, соответствующего не пропагандистским замыслам, а подлинным фактам истории, — как победа родилась, как складывались факторы, ее обеспечившие. Совместный ратный труд воинов союзных армий, партизан и отрядов Сопротивления имел свою «точную привязку» к географической карте мира — он совершался не «где-нибудь», а во вполне определенном месте. И хотя в военных сводках часто — по понятным соображениям — говорилось об «энском направлении» или «городе N», смерть ожидала солдата в месте, имеющем определенное название. Но от политических и военных руководителей западных стран антигитлеровской коалиции зависело — где, когда и куда они посылали в бой своих солдат.

Советским Вооруженным Силам не пришлось выбирать и не пришлось раздумывать — где им стать на защиту своего государства. Они делали это там, где их на рассвете 22 июня 1941 года застал чудовищный по силе удар агрессора. У них не было времени на сборы, как это могли делать Англия и Франция в период «странной войны». Им не суждено было оказаться в тысячах километров от полей сражений, как это выпало Соединенным Штатам Америки. Советскому народу пришлось полной мерой испытать, что такое удар агрессора — сильного, умелого, готового на все.

Вот почему, когда советские люди слышали в июне 1941 года ободряющие слова от лидеров западных стран, они восприняли их искренне, с надеждой — независимо от того, что им приходилось слышать от тех же лидеров в былые годы. Медленно, но верно шло становление антигитлеровской коалиции. Чем же оно определялось? Нам хотелось думать, что это будет союз «без задних мыслей», коалиция честных и откровенных, соглашение во имя низвержения гитлеризма. Впрочем, это намерение было закреплено и в дипломатических актах, в которых их участники торжественно обещали вести борьбу до победного конца и не вступать в сепаратные переговоры с противником.

Ловлю самого себя на мысли: да разве можно мерить политиков и политику наших западных партнеров мерками морали, честности, откровенности, дружбы? Как-то М. С. Горбачев напомнил забытые слова лорда Пальмерстона о том, что «...у Англии нет вечных друзей и нет вечных врагов, а есть только вечные интересы»¹.

Давайте же ограничимся лишь анализом интересов США и Англии? Но нет. Послушайте лидеров и пропагандистов Запада: как истово и часто клянутся они моральными принципами, высшими идеалами справедливости и любви к ближнему. Послушайте, как охотно и усердно они обвиняют всех приверженных идеям социализма и коммунизма в нарушении принципов морали — вплоть до того, что объявляют коммунизм заведомо аморальным мировоззрением, а само наше общество — аморальным, «империей зла». И хотя старинная мудрость не советует тем, кто живет в стеклянном доме, бросать камни, приверженцы «западного образа жизни»

¹ Правда, 1985, 22. 11.

не находят ничего лучшего (вплоть до своих прямых обращений к советской аудитории), чем клясться в своей извечной приверженности высшим принципам морали, честности и т. д.

История — хороший пробный камень, своего рода лакмусовая бумажка для проверки подлинных качеств общественных формаций. Происходившее в годы второй мировой войны в рядах (и за кулисами) антигитлеровской коалиции выразительным языком фактов рассказывает совсем не о том, что хотели бы внушить общественности Запада те, кто рассматривает историю со своих антикоммунистических позиций сегодняшнего дня. Не о подогнанной под «решающий вклад США» картине дипломатических и военных событий, а о реальной, весьма противоречивой и подчас драматической картине, о которой, подозреваю, Джозеф Половский и другие честные американцы и понятия не имели.

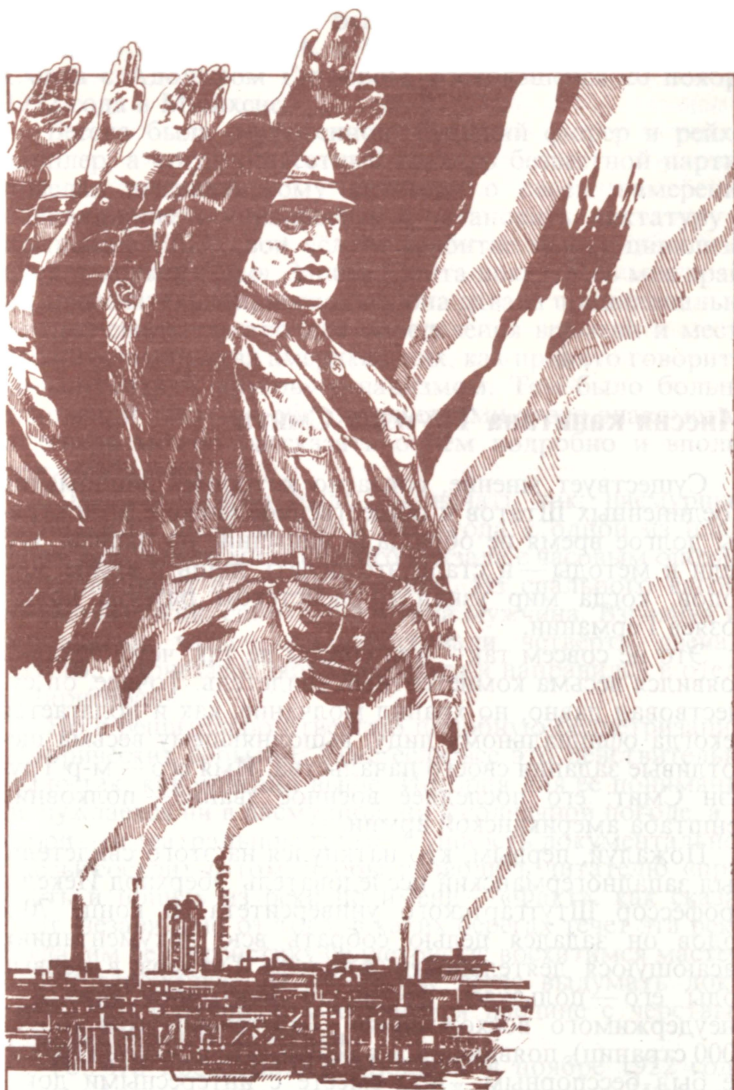
Тем важнее анализ подлинных фактов и реальных ситуаций эпохи второй мировой войны и ее кануна, столь рьяно искажаемых сегодня на Западе. К числу этих фактов принадлежит система многочисленных секретных контактов между представителями США и гитлеровской Германии, имевших место на самых различных уровнях и прямо противоречивших букве и духу соглашений стран антигитлеровской коалиции. По понятным причинам эта сторона событий военного времени сперва оставалась слабо освещенной. Однако работы ряда советских и западных исследователей внесли в эту проблематику достаточно определенность, позволяющую дать политическую оценку фактам, некогда казавшимся разрозненными, а ныне встающим в весьма логичный ряд. Этот ряд дает нам полное право поставить вопрос: а не существовал ли в годы войны некий тайный фронт — но не второй фронт против Гитлера, а «второй фронт», направленный против Советского Союза?

Ответу на этот вопрос и посвящена настоящая работа.

Разумеется, это не исчерпывающая история второго фронта. Последней посвящены фундаментальные исследования — в первую очередь созданная советскими учеными 12-томная «История второй мировой войны 1939—1945», а также работы многих советских историков — В. М. Кулиша, Д. М. Прохтора, В. И. Дашичева и других. То, чем будет заниматься автор, можно назвать «анти-историей» второго фронта, ибо внимание в некотором

смысле будет сосредоточено на тех политических, экономических и иных факторах, которые мешали созданию второго фронта и укреплению антигитлеровской коалиции — этого выдающегося военно-политического феномена нашего века.

Я не впервые обращаюсь к этой теме. Но таково своеобразие документального поиска: он то и дело приносит новое. Так, вместе с сравнительно известными материалами в книге будут впервые использованы интереснейшие документы из американских архивов, равно как находки, сделанные в документах «третьего рейха», и свидетельства разысканных мною участников событий.

ИСТОКИ

Миссия капитана Трумэна Смита

Существует мнение, согласно которому дипломатия Соединенных Штатов и общественное мнение этой страны долгое время не обращали внимание на нацизм, его цели и методы — и стали это делать лишь в конце 30-х годов, когда мир узнал о расистском разгуле новых хозяев Германии.

Это не совсем так — или совсем не так, чему недавно появился весьма компетентный свидетель. Точнее, он существовал давно, но хранил молчание, как и полагается некогда официальному лицу, выполнявшему весьма щекотливые задания своего начальства. Имя его — м-р Трумэн Смит; его последнее военное звание — полковник генштаба американской армии.

Пожалуй, первым, кто наткнулся на этого свидетеля, был западногерманский исследователь Эберхард Йекель, профессор Штутгартского университета. В конце 70-х годов он задался целью собрать всю документацию, касающуюся деятельности Адольфа Гитлера в первые годы его — пользуясь формулой Бертольта Брехта — «неудержимого восхождения». Толстенный том (более 1000 страниц), появившийся в результате поисков Йекеля, не был бесспорным — ибо вместе с интересными документами там было много «мусора истории», в том числе и продукция небезызвестного Конрада Куяу, прославившегося фабрикацией «дневников» Гитлера. Но одна из находок Йекеля бесспорна, ибо была сделана не в «магазине военных реликвий» Куяу, а в США, в архиве Йель-

ского университета. Это была запись беседы помощника военного атташе США в Германии капитана Трумэна Смита с Адольфом Гитлером, состоявшейся 20 ноября 1922 года в Мюнхене.

Беседа была откровенной: будущий фюрер и рейхсканцлер, а тогда безвестный главарь безвестной партии поведал американскому визитеру о своем намерении «ликвидировать большевизм», установить диктатуру и предлагал США свои услуги в «битве между цивилизацией и марксизмом». Запись Смита показалась мне крайне примечательной, поскольку она давала принципиально важное свидетельство для определения времени и места первого знакомства американских, как принято говорить, «компетентных кругов» с нацизмом. Тем было больше оснований заняться обстоятельствами этого знакомства, и теперь можно рассказать о нем подробно и вполне документально.

...Рассказ можно было бы начать так: пасмурным ноябрьским днем далекого 1922 года к одной из платформ огромного мюнхенского вокзала с часовым опозданием подошел поезд из Берлина. Из спального вагона вышел высокий, спортивного типа мужчина. Взглянув на вокзальные часы — они показывали четверть двенадцатого, — приезжий зябко поежился и направился в отель «Мариенбад»...

Но я решительно отвергаю подобную беллетризацию исторических событий, даже если все это действительно было так, как описано выше. История для ее понимания не нуждается ни в пасмурной, ни в солнечной погоде, а ее герои — в театральном гриме. Сущность документальной прозы состоит в том, чтобы позволить читателю «припасть и попить из реки по имени — «Факт», как сказал поэт, независимо от того, в каких берегах течет эта река. Отдадим беллетристику беллетристу; восхитимся мастерством версификатора, которому легче выдумать документ, чем его найти, и останемся наедине с черствым хлебом документалистики.

То, что произошло в Мюнхене в ноябре 1922 года, можно восстановить с достаточной точностью. Ибо, кроме записи, обнаруженной в архиве Йельского университета, существуют более подробные данные, содержащиеся в дневниках и документах того же Трумэна Смита. Они хранятся в другом архиве, а именно в знаменитом Гуверовском институте проблем войны, революции и мира

Стэнфордского университета и были опубликованы в очередном документальном сборнике в 1984 году.

Кто же такой капитан Трумэн Смит, и почему он оказался у Гитлера? Архивные материалы и мемуары самого Смита могут дать ответ на этот вопрос. Смит — в будущем один из видных деятелей военной разведки США — тогда еще только начинал свою карьеру. Боевой офицер, участник экспедиции в Мексику и первой мировой войны, он после ее окончания остался в рядах американских оккупационных войск в Германии. А именно — в составе отдела по гражданским делам штаба 3-й американской армии в Кобленце в качестве главного политического советника. Впоследствии, в 1920 году, этот отдел стал частью американской дипломатической миссии, возглавлявшейся Эллисом Дризелом. Миссия выполняла важнейшие задания, поддерживая тайные контакты с представителями немецкого генералитета и промышленности, интересуясь их оценкой положения в послевоенной Европе, в том числе и отношениями Германии с Советской Россией. Так, в одном из донесений (10 января 1919 года) Дризел сообщал секретарю делегации США на Парижской конференции Джозефу Грю о таком предложении одного из ведущих немецких финансистов: «Нациями, предназначенными для наведения порядка в России, безусловно, являются Германия и Америка... Америка не сможет одна выполнить эту задачу, а Германии до этих пор этого также не удавалось, потому что ей не хватало опыта в обращении с русским народом и она была слишком занята войной в других странах... Америка тоже не сможет этого сделать, если будет действовать одна, потому что не разберется в существующих в России условиях. Но Германия приобрела теперь необходимый опыт, и, объединившись, оба правительства смогут навести порядок во всей России и развить ее ресурсы».

Миссия Дризела была одним из многих средств осведомления руководящих кругов США о европейской ситуации. Тем же, что и Дризел, занимался полковник Артур Конжер. Например, еще в 1918 году он вел переговоры с командующим 3-й немецкой армией и его уполномоченным — майором фон Штюльпнагелем, который выяснял, «в какой мере можно рассчитывать на поддержку со стороны бывших противников для совместного сокрушения большевиков». Конжер оказался весьма восприимчивым к идее «сокрушения большевиков» и да-

же показал своим немецким собеседникам письмо некоего американского солдата, который писал своему отцу: «Мне кажется, что мы нанесли удар не по той нации, по которой надо было». И в дальнейшем Конжер был членом специальных миссий, которые вели секретные зондажи в Германии, выявлявшие позиции крупного германского капитала. В 1919 году он беседовал с директорами фирмы ГАПАГ, обещая им, что «сближение с Америкой после войны не будет представлять никаких трудностей».

Что касается миссии Дризела, в которой Смит занимал пост помощника военного наблюдателя, то она продолжала свои закулисные контакты до 1922 года; в это время ее передали прибывшему в Берлин первому послевоенному посольству США во главе с Алансоном Хьютоном. В посольстве Смит занял должность помощника военного атташе и, по его собственным словам, стал «авторитетом по вопросам послевоенной германской армии». Однако круг его связей был не только военным — в него входили, например, и обербургомистр Кёльна Конрад Аденауэр, и глава рейнских сепаратистов Дортен, и папский нунций Ратти — будущий папа Пий XI, и многие другие.

Видимо, эти обстоятельства побудили осенью 1922 года посла Хьютона дать именно Трумэну Смиту серьезное задание — отправиться в Мюнхен и собрать данные о новой партии, появившейся на политическом горизонте тогдашней Баварии, — о национал-социалистской партии (НСДАП), возглавлявшейся Адольфом Гитлером. Смит должен был не только собрать необходимые данные о партии у официальных представителей баварских властей, но и побеседовать с самими лидерами НСДАП, чтобы определить ее возможности и перспективы. Кроме того, Смит предстояло дать ответ на ряд других вопросов, в том числе об угрозе отделения Баварии от Германии, об опасности «нового коммунистического бунта» (ведь только недавно была потоплена в крови Баварская Советская Республика). Может ли Гитлер захватить власть? — вот что интересовало посла США.

За несколько дней — с 15 по 22 ноября — Смит успел побеседовать со многими — сначала с американским консулом Робертом Мэрфи (будущим видным дипломатом), чиновниками баварских министерств иностранных и внутренних дел, генералом Крессом фон Крессенштейном, кронпринцем Рупрехтом, журналистами. Затем он подступился к самим нацистам: первым оказался «духовный

отец» нового движения генерал Эрих Людендорф, потом Альфред Розенберг (тогда — главный редактор нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер»), ближайшие сподвижники Гитлера Эрвин фон Шейбнер-Рихтер и Эрнст Ханфштенгль и, наконец, сам «фюрер».

Пожалуй, самую развернутую программу нацизма изложил Смит Людендорф. Вот что Смит записал с его слов:

«1. Германия заражена марксизмом.

2. Война с Россией продолжается в пропагандистской форме.

3. Советская пропаганда поддерживает марксизм в Германии и мешает немецкому народу возродить свое политическое здоровье, обрести национальный дух.

4. Людендорф раньше считал, что большевизм, до того как его уничтожат в Германии, сначала должен быть уничтожен в России. Теперь он изменил свое мнение и полагает, что сперва надо разгромить большевизм в Германии.

5. Если марксистский большевизм продолжит свой победный марш, то Англия, Франция и Америка одна за другой станут его жертвами.

6. Все союзные державы должны быть заинтересованы в борьбе против большевизма. В наступающие годы Германия станет плацдармом этого сражения.

7. Союзники должны поддержать **сильное** германское правительство, способное разгромить марксизм.

8. Такое правительство не может возникнуть в нынешнем парламентском хаосе.

9. Сильное национальное правительство в Германии должно быть сформировано патриотической личностью.

10. За этим сильным национальным правительством должны стоять соответствующие вооруженные силы».

Далее следовали откровения, касавшиеся Франции, Англии и Италии, после чего Людендорф прямо обратился к США: «Америка должна понять, что только сильное националистское правительство в Германии может спасти страну от хаоса и обеспечить выплату репараций союзникам».

Итак, как бы воплощая духовную связь между кайзеровской экспансией и воззрениями новых, нацистских экспансионистов, последний начальник «большого генштаба» кайзеровской Германии развернул перед своим американским собеседником программу политической

демагогии, призванной привлечь симпатии «западных демократий» к гитлеризму. Это была программа, о которой В. И. Ленин говорил: «Германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им: вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться»¹. Можно лишь поражаться, с какой прозорливостью определял великий мыслитель самые потаенные намерения германских империалистов, ибо именно о том, что Германия «может пригодиться в борьбе с мировым большевизмом», говорил Людендорф Смит. Об этом твердили другие, более влиятельные политики кайзеровской и веймарской Германии — и эта идея осталась на вооружении гитлеровского государства вплоть до второй мировой войны!

Наконец, 20 ноября Смит посетил тогдашнюю квартиру Гитлера на Георгенштрассе, 42 в Мюнхене. В своем официальном докладе Смит зафиксировал следующие программные высказывания Гитлера:

«Движение представляет собой союз деятелей физического и умственного труда против марксизма...

...Парламент и парламентаризм следует ликвидировать. Только диктатура может поставить Германию на ноги.

...Для Америки и Англии будет гораздо лучше, если решающая битва между нашей цивилизацией и марксизмом разыграется на немецкой земле, а не на американской или английской. Если мы (Америка) не поможем германскому национализму, то большевизм захватит Германию. Тогда не будет никаких репараций, а Россия совместно с германским большевизмом ради самосохранения нападут на западные нации».

Эта декларация достаточно красноречива, хотя, как свидетельствует сам Смит, беседа продолжалась несколько часов и, очевидно, содержала много иных «красот», не зафиксированных на бумаге. Сам Смит был скуп в оценках: он ограничился записью о том, что Гитлер произвел на него впечатление «логически мыслящего фанатика».

Здесь можно Смита немного дополнить, благо в нашем распоряжении имеются воспоминания д-ра Эрнста Ханфштенгля — одного из соратников Гитлера на первом

¹ Ленин В. И. ПСС., т. 37, с. 133.

этапе деятельности НСДАП. Ханфштенгль — широко известный под кличкой Путци — учился в США (в Гарвардском университете), откуда вернулся на родину в 1921 году и обосновался в Мюнхене. Когда приятель по Гарварду советник посольства США в Германии Уоррен Робинс попросил его помочь Смиту познакомиться с видными политиками баварской столицы, Путци выполнил просьбу, устроив Смиту несколько встреч и бесед.

На прощание капитан Смит, поблагодарив Путци, сказал:

— Все эти серьезные господа ни к черту не годятся. Они ничего не смыслят, и у них нет никакого представления о том, что делать дальше. Только один из них меня заинтриговал. Уверяю вас, это тот еще фрукт! Он знает, чего хочет, и за ним — будущее! Может, еще не сейчас, но, пожалуй, время его не за горами!

Безусловно, он имел в виду Адольфа Гитлера.

Конечно, сегодня нельзя без некоторой иронии читать записи Трумэна Смита, отдаленные от нас более чем шестьдесятю годами. Прошедшее время показало подлинную цену заботы Адольфа Гитлера о «нашей цивилизации» и его обещанию «истребить большевизм» — не говоря уже о совсем не юмористических аналогиях между антисоветскими аргументами будущего диктатора о «красной опасности» и аргументами нынешних пропагандистов НАТО. Но для нас важно другое: столь раннее (1922 года!) свидетельство точной информированности военно-дипломатической службы США о целях и методах Гитлера. Кстати, Смит был не единственным, кто узнал о планах Гитлера. В числе собеседников фюрера были американский журналист Карл фон Виганд, корреспондент журнала «Америкэн мансли» Джордж Фирек и некий корреспондент американской газеты «Уорлд». Последнему Гитлер заявил: «Америка — американцам, Германия — немцам... поэтому мы никогда не будем сотрудничать с коммунистами... Правительство должно править силой». Все это Гитлер твердил и Трумэну Смит.

Так в долгой и противоречивой истории отношений официальной Америки к нацизму мы можем зарегистрировать некую исходную позицию. Это только начало, скорее его своеобразный срез. Но как симптоматично, более того, как символично, что на этом срезе явственно проступает главное: глубокое сродство антикоммунисти-

ческих настроений и прямое, ничем не замаскированное стремление нацизма спекулировать на этом «сродстве душ». И пока в политическом курсе Соединенных Штатов восторжествовали подлинные интересы этой великой державы, диктовавшие ей участие в антигитлеровской коалиции, должно было миновать немало времени — времени напряженной политической борьбы, в которой гитлеризм использовал все методы — от спекуляций на «сродстве душ» до прямой антиамериканской деятельности.

Где искать «пятую колонну»?

Напомню, что такое «пятая колонна». Нам, представителям военного поколения, помнящим драматические события 1936—1939 годов в Испании, этого понятия разъяснять не надо. Однако время идет, события громоздятся одно на другое, политические понятия рождаются и умирают, а подчас просто забываются. Понятие «пятая колонна» родилось в дни наступления на республиканский Мадрид франкистских войск и их германо-итальянских опекунов. Тогда командующий наступавшей группировкой генерал Мола хвастался: кроме четырех колонн, двигавшихся на столицу, у него есть «пятая колонна» — фашистские группы в самом Мадриде. О генерале сейчас уже позабыли, а понятие «пятая колонна» как символ предательства осталось в политическом обиходе.

Была ли у Гитлера «пятая колонна» в Соединенных Штатах? Конечно, была. Однако распознать ее было не так просто, ибо со временем ее облик претерпевал изменения, равно как менялась тактика гитлеровской Германии по отношению к Соединенным Штатам.

Если обратиться к начальной стадии этой тактики, то здесь был применен прием, хорошо испытанный в странах Западной и Восточной Европы и базировавшийся на расистских принципах нацистской идеологии. Прием этот состоял в использовании немецких национальных меньшинств в различных странах. Занималась ими специальная Заграничная организация НСДАП (сокращенно АО).

Отношение гитлеровской Германии к немецкому национальному меньшинству в США представляло собой смесь самых различных элементов: унаследованных еще от кайзеровских времен пангерманских претензий, политических замыслов нацизма, расистских замашек и, без-

условно, интересов подготовки к будущей войне. Конечно, ни Розенберг, ни сам Гитлер не питали надежд, высказанных в 1904 году президентом Пангерманского союза Эрнстом Хассе, будто «Северная Америка будет покорена германским духом и германский император, возможно, перенесет свою резиденцию в Нью-Йорк». Тем не менее специалист по США в ведомстве Розенберга Колин Росс писал в книге под выразительным названием «Наша Америка»: «Я верю, что час торжества немцев в Америке настанет». Росс даже подсчитал, что немецкая кровь течет в жилах не менее 30 миллионов граждан Соединенных Штатов...

В действительности это было далеко не так. Всего, по официальным подсчетам, за пределами «третьего рейха» проживали около 30 миллионов немцев. Почти треть их часть приходилась на США, причем 5—6 миллионов из них сохраняли родной язык и связь с Германией. Соответственно в штаб-квартире АО (рейхслейтер Вильгельм Боле) действовал отдел США (6-й отдел), а на территории США были созданы — наподобие округов в рейхе — четыре «округа» во главе с крейслейтерами Драгером (Нью-Йорк), фон Шпигелем (Нью-Орлеан), Гислингом (Лос-Анджелес) и фон Киллингером (Сан-Франциско). Крейслейтеры руководили деятельностью членов НСДАП среди американских немцев, но этим не ограничивались, поскольку «по совместительству» они являлись генеральными консулами Германии в указанных городах. Кроме АО, зарубежной — преимущественно пропагандистской и подрывной — деятельностью ведало Внешнеполитическое ведомство НСДАП рейхслейтера Розенберга. Имя последнего стояло на датированном 28 сентября 1932 года документе о назначении специального уполномоченного по пропаганде идей НСДАП в США Курта Людеке. Людеке был не последним человеком в нацистской клике: он вступил в нее еще в 1922 году, участвовал в пресловутом «пивном путче» Гитлера в 1923 году и числился в доверенных лицах фюрера. Известно, что именно перед Людеке Гитлер, попав после путча в Ландсбергскую тюрьму, подробно развивал свой план прихода к власти легальным путем — что и было сделано...

В 30-е годы Людеке занялся специфической деятельностью: сбором финансовых средств для нацистской партии за рубежом — в Италии, Франции и США. За океаном же он совмещал свою функцию «собирателя доброхот-

ных даяний» с руководством различными организациями, объединявшими граждан США немецкого происхождения. Что это были за организации?

Одна из них — общество имени Карла Шурца (носившее имя немца — генерала эпохи гражданской войны в США). Формально общество занималось «поддержанием традиций германо-американской дружбы», однако за этой благопристойной вывеской скрывалась нацистская пропаганда. Не случайно в 1934—1935 годах деятельность общества стала предметом расследования, которым занялась специальная комиссия палаты представителей конгресса под председательством Джона Маккормака и Сэмуэля Дикштейна. Комиссия установила, что для пронемецкой пропаганды общество имени Карла Шурца активно использовало средства крупных немецких фирм, имевших филиалы в США (ГАПАГ, «Дойче ллойд»).

Как подсчитал американский исследователь Леланд Белл, к середине 30-х годов с немцами в США вели работу более 70 учреждений и организаций рейха. Конгрессмен Дикштейн по этому поводу говорил, что в стране набирает силу «хорошо спланированная и хорошо финансируемая гитлеровская пропаганда». Ее центром с марта 1933 года стал Союз друзей новой Германии, который возглавил американский делец немецкого происхождения Гейнц Шпанкнобель. Высшее политическое руководство НСДАП объявило Союз «единственной организацией», пользующейся поддержкой нацистской партии. Дальше разыгрались любопытнейшие события, точнее, — любопытная игра. Чем шире развертывалась деятельность пронацистских организаций, тем усерднее от нее... отреклись официальные германские органы. В октябре 1933 года статс-секретарь министерства иностранных дел Германии фон Бюлов направил государственному секретарю США Кордэллу Хэллу ноту, в которой категорически опровергал, что Союз вмешивается во внутренние дела США. Одновременно из Берлина было дано указание, что члены НСДАП и вообще все немецкие подданные должны выйти из Союза друзей новой Германии. Правда, это не помогло: против Шпанкнобеля было выдвинуто официальное обвинение в заговоре против «американских институтов», после чего он предпочел бежать в Германию. Однако Союз друзей продолжал свою работу до 1936 года, пока не было решено заменить его организацией, получившей название Американо-

германский народный союз. Его возглавил Фриц Кун, уроженец Мюнхена, вступивший в НСДАП в 1921 году и эмигрировавший после «пивного путча». Кун был активным деятелем распущенного старого Союза, преобразованного им в типично фашистскую организацию с военной дисциплиной. Но если в Германии нацисты вопили «Хайль Гитлер!», то в организации Куна было введено приветствие «Свободная Америка!».

И опять же повторилась прежняя игра — вплоть до того, что посол Германии Дикхоф официально отмежевался от организации Куна, деятельность которой приобрела изрядный размах. «Марши немцев в коричневых униформах, их антидемократические высказывания, — жаловался американский поверенный в делах в Берлине Джильберт, — оказывают вредное влияние на германо-американские отношения». Эти жалобы заставили берлинских политиков взвесить, что им выгоднее — рост «пятой колонны» или укрепление престижа нацистского режима в глазах американской общественности? Последнее явно брало верх. Гитлер прямо говорил, что немцы в США должны ограничиваться «заботой о национал-социалистской идеологии» и не мешать нормальным отношениям с США. Главное, говорил он, заключается в том, что надо помешать Соединенным Штатам «оказаться в лагере врагов Германии». В свою очередь, посол Дикхоф в январе 1938 года в специальном меморандуме министру иностранных дел Риббентропу с огорчением констатировал: до сих пор не удалось обеспечить «должное влияние» на американцев, сознающих свое немецкое происхождение» (посол считал, что их в США от 4 до 5 миллионов). Было бы иллюзией, писал посол, надеяться на то, что удастся создать «ударные группы в 10—20 тысяч человек», способные действовать в «критический момент». А прямое вмешательство в американскую внутреннюю жизнь лишь отягощает отношения с США...

Конечно, с «возможностями» нацистов в США дело обстояло не так печально, как это описывал Дикхоф. Различные комиссии конгресса США не раз занимались расследованием подрывной деятельности рейха и его агентуры и публиковали соответствующие данные. По подсчетам конгрессмена Дикштейна, число лиц, сочувствовавших нацизму, равнялось 450—500 тысячам. Когда Кун собрал в Мэдисон-сквер-гарден один из своих митингов, то на нем присутствовали около 20 тысяч чело-

век. Нацистские организации тесно сотрудничали с американскими организациями фашистского толка — ку-клукс-кланом, «серебряными рубашками». Рос поток нацистской пропаганды, шедшей по разным каналам.

Облик организации Куна был вполне определенным. Как писал в 1937 году ее опекун рейхслейтер Боле, «мы хотим вернуть немцам, проживающим в Соединенных Штатах и отчасти отделившимся от своего германского отечества и от германской нации, сознание великой общности крова и судьбы всех немцев. Для этого необходимо духовное возрождение, подобное тому, какое пережили их соотечественники на родине... Американцы немецкого происхождения, подготовленные таким образом, оздоровленные экономически и активные политически, затем будут использованы в грядущей борьбе с коммунизмом и еврейством для перестройки Америки под нашим руководством». Вслед за Боле Кун требовал: «Наша задача состоит в том, чтобы, во-первых, сплотить все германские расовые группы и, во-вторых, приобрести влияние, с тем чтобы впоследствии продемонстрировать нашу роль в политической жизни Америки».

Эти высказывания примечательны во многих отношениях. Ведь Вильгельм Боле, сам того не желая, подтвердил, что большинство граждан США немецкого происхождения «отдалились» от пресловутого германского духа. Действительно, далеко не все поддавались пению расистских сирен, а большинство оставалось патриотами своей страны. Но не менее ясными были цели Боле и Куна: создать для рейха некий психологический, а затем и политический плацдарм в США. Об этом нельзя забывать, ибо многие западные историки (например, Луи де Ионг в книге «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне») считают, что, мол, тревоги были явно преувеличены и нацисты вовсе не были реальной опасностью. Нет, они могли стать ею. Но не стали, ибо американский народ не принял нацистских претензий и активно против них боролся.

Союз Куна создал 71 отделение по всей стране, издавая 4 газеты, другие пропагандистские материалы (на них тратилось не менее 1 миллиона долларов в год), и в момент своего наивысшего расцвета насчитывал 200 тысяч членов. Активное ядро составляли около 25 тысяч человек. Кун был в свое время удостоен личной аудиенции в имперской канцелярии: Гитлер поблагодарил его за

«борьбу со злой американской прессой», обещал организовать поездку Куна по Германии и на прощание сказал ему:

— Возвращайтесь и продолжайте вашу борьбу!

Что еще важнее: рядом с Куном и в прямой связи с Союзом действовали десятки других пронацистских или чисто фашистских организаций. Известный американский публицист Альберт Кан составил их список. Вот некоторые из них: Американская фашистская партия, Американская антикоммунистическая федерация, Американская белая гвардия, Крестоносцы американизма, Национал-социалистская партия Америки...

Германское посольство и консульства в США, как это сообщалось в документах конгресса, рассылали свои материалы по спискам, включавшим 650 тысяч учителей, 157 тысяч духовных лиц, 162 тысячи врачей, 144 тысячи юристов, 21 тысячу журналистов, 15 тысяч муниципальных служащих, более 7 тысяч членов законодательных органов различных штатов.

Не менее активно действовал нацистский рейх, прямо вмешиваясь во внутренние дела США. На Нюрнбергском процессе Риббентроп показывал, что в 1939 году в Берлине была задумана специальная операция с целью воспрепятствовать переизбранию Франклина Рузвельта на президентский пост. Когда операция обсуждалась, Геринг выразил готовность израсходовать на нее 100—150 миллионов долларов, а немецкие эмиссары доложили из США, что существует возможность через председателя Американской федерации труда (АФТ) Льюиса получить 8—10 миллионов голосов против Рузвельта.

Итак, цели были весьма разнообразными и далеко простирающимися; их, безусловно, нельзя было достичь только при помощи клиентуры Фрица Куна. Последний, кстати, проворовался и попал в тюрьму, что в очередной раз вызвало сомнения Берлина в том, имеет ли смысл делать ставку на немцев в Америке.

Вот почему необходимо продолжить поиски «пятой колонны».

...Когда в 1933 году в Берлин прибыл вновь назначенный посол США Уильям Додд, то его дневник начал заполняться записями, в которых он не без удивления фиксировал воззрения многих видных визитеров. Еще до отъезда в Германию Додд посетил Чарлза Крейна — крупного промышленника и бывшего дипломата. «Он с

жаром говорил о своей работе,—отмечал Додд,—все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии. По его мнению, евреи заслуживают проклятия, и он надеялся, что их поставят на место. Неудивительно, что он напутствовал меня словами: «Предоставьте Гитлеру действовать по-своему». А на следующий день собеседником Додда оказался не кто иной, как Джордж Фирек,— тот самый Фирек, который был знаком с Гитлером с 20-х годов и, как узнал потом Додд, был платным нацистским агентом.

Крейн был не одинок. В Берлине Додда посетил и Карл фон Виганд (он работал на газетного магната Херста в Европе), затем профессор Джон Коур. Последний рассказал, что был личным другом Гитлера. Коур сообщил Додду о своих недавних встречах с Гитлером. 11 августа 1933 года собеседником Додда оказался куда более влиятельный человек — Уинтон Олдрич, директор «Чейз нэшнл бэнк». Он выразил послу свое «удовлетворение финансовым планом, предложенным немцам, по которому Германия должна продолжать выплату долгов американским владельцам облигаций». «...С Гитлером можно вести дела» — таково было мнение Олдрича, которое разделял другой банкир, Генри Манн из «Нэшнл сити бэнк».

23 ноября 1933 года у Додда — Фрэнк Гэннет, владелец десятка газет в штате Нью-Йорк. Он сказал, что многие преуспевающие люди в Соединенных Штатах ратуют за установление там фашистского строя во главе с вождем типа Гитлера, в качестве довода они приводят идеальный порядок и отсутствие преступлений в Германии. Подобные высказывания можно было бы продолжить — их смысл понимал сам Додд, когда писал о единстве взглядов многих видных промышленников во всех странах: Дюпонов в США, Круппов и Тиссенев в Германии, членов концерна «Армстронг—Виккерс» в Англии и фирмы «Шнейдер-Крезо» во Франции. Додда коробили эти господа, например один его визитер — крупный делец из штата Огайо, который занимался сделками с военно-промышленными фирмами Германии, «не считаясь с действительными интересами своей страны».

Если оставаться только в рамках дневника Додда, то в нем проходит целая галерея американских единомышленников и поклонников гитлеризма и Гитлера — от ма-

лоизвестных дельцов и профессоров до крупных дипломатов. Так, Уильяма Буллита, посла США во Франции, Додд характеризует как «приверженца фашизма». А сколько было их, «приверженцев фашизма», с которыми Додду не пришлось встречаться? Ведь далеко не случайно немецкий военный атташе в США генерал Бёттихер докладывал из Вашингтона в Берлин: «Влиятельные слои питают симпатию к третьему рейху, в котором видят бастион порядка и оплот против покушений на частную собственность. Наиболее респектабельные и патриотические круги за редкими исключениями настроены антикоммунистически и еще в большей степени антисемитски». Даже если сделать скидку на понятное желание генерала найти себе союзников, нельзя не видеть оснований для подобных выводов нацистского военного дипломата. И что еще более важно: для симпатий определенных политических кругов США к нацистскому рейху создавалась серьезная база в крупнейших американских монополиях. Здесь образовалась своего рода «пятая колонна», пожалуй, более опасная, чем в среде молодчиков Фрица Куна или Гейнца Шпанкнобеля.

Братство бизнеса

Это определение пустил в оборот американский публицист Джеймс Мартин, посвятивший в 50-х годах немало труда анализу взаимоотношений крупнейших фирм США и Германии. Через добрых 30 лет другой американский исследователь — автор книги «Торговля с врагом» — Чарлз Хайэм применил несколько другое определение: просто «братство». Но смысл обоих понятий был один: речь шла о тех американских и германских промышленных и финансовых гигантах, которые свои интересы — интересы бизнеса — ставили выше национальных. Тех гигантах, деятельность которых дала основание одному из главных немецких военных преступников Яльмару Шахту заявить во время Нюрнбергского процесса:

— Если вы хотите судить немецких промышленников, то вам надо посадить на скамью подсудимых и промышленников американских...

К сожалению, процесс над американскими сообщниками нацистских монополий не состоялся. Но с годами становятся известными все новые и новые факты. Обратимся к ним.

Связи промышленных и финансовых групп Германии и США имеют свою давнюю и противоречивую историю. В ней переплетаются конкуренция и сотрудничество, острые столкновения и картельные соглашения. При этом за океаном прекрасно понимали мощь и цели германской экспансии. Сохранилась запись, сделанная Гервартом фон Биттенфельдом — будущим военным атташе в США — во время беседы с тогдашним послом США в Берлине Джерардом в начале первой мировой войны:

Джерард: Да, действительно поразительно, как организовано все здесь, в Германии. Вы могущественный народ. Не сомневаюсь, что вы победите англичан.

Герварт: Я тоже не сомневаюсь. Никто в Германии не сомневается в этом.

Джерард: Я начинаю бояться вас.

Герварт: Странно! Почему вы не боитесь англичан?

Джерард: Победившая Германия стала бы господствовать над миром.

Герварт: А что делали до сих пор англичане, к чему они до сих пор стремились, если не к мировому господству?..

Джерард: Верно, мы боимся и англичан.

Герварт: В таком случае радуйтесь, что мы с ними боремся. Есть только один выбор: или весь мир станет британской тюрьмой, или же народы будут свободны, и среди них вы так же, как и мы. За свободу борется и Германия!

Джерард: Это совершенно верно. Но мы ведь боимся, что победившая Германия будет стремиться к мировому господству...

Не правда ли, как однообразны приемы германских буржуазных политиков: в 1915 году они пугали американцев Англией, в 1922 году — «мировым большевизмом» (что, впрочем, делают до сих пор!). Но не менее примечательно, что были люди в Соединенных Штатах, которые видели подлинные цели Германии — как это увидели их в годы второй мировой войны Рузвельт и его единомышленники.

В этой противоречивой ситуации весьма важно отметить, что линия на сговор с Германией имела в США глубокие корни. Тому же Герварту начальник отдела государственного департамента США Чендлер Хейл и помощник государственного секретаря Чендлер Андерсон говорили в 1914 году:

«Германия и Америка никогда не вели войн между собой и должны сблизиться друг с другом. Это сближение было бы весьма полезным и могло бы со временем углубиться и укрепиться на благо обеих стран. Все предпосылки для этого имеются: оба народа роднят общие интересы и общие опасности. Было бы поэтому вдвойне прискорбно, если бы сейчас не было сделано все необходимое в интересах будущего, для того чтобы построить прочный мост между Соединенными Штатами и Германией».

Ход событий показал, что посол Джерард был куда ближе к истине, чем два других собеседника Герварта фон Биттенфельда. Но стоило кончиться первой мировой войне, как снова подняли голову сторонники сговора. Именно на них рассчитывал тот же Герварт, когда в августе 1918 года поддержал план известного деятеля германского делового мира Арнольда Рехберга о создании англо-германо-французского военно-экономического и военного союза. «Мы должны быстро навести порядок в России», — предлагал Герварт, подчеркивая, что для использования богатств России необходимо наладить контакт с США. Это «...столь огромная область, что мы в одиночку не сможем ее эксплуатировать... В этом гешефте нам нужен компаньон... Достаточно сильны для этого Англия, или Америка, или Япония. У нас есть выбор. Мне Америка или Япония все-таки симпатичнее, чем Англия». Так он писал генерал-лейтенанту Гонтарду, находившемуся в свите кайзера.

Для осуществления своего замысла Герварт использовал находившегося в германском плену американского профессора Эмери, сведя его с видными деятелями немецкого промышленного мира — Штраусом, Манкевицем и Швабахом (руководителями «Дойче банк»), Куно (ГАПАГ). В свою очередь, у Эмери были большие связи в финансовом мире США.

Ноябрьская революция 1918 года в Германии перечеркнула эти планы кайзеровской военщины, но о них, однако, не забыли: в ноябре 1919 года германский посланник в Стокгольме Люциус и некий высокопоставленный американский дипломат обсуждали «важные совместные германо-американские действия в России с целью ее экономического освоения». Так «антисоветский синдром» стал определяющим в связях, которые объединяли влиятельные политические и экономические группы США и

Германии. Но суровая действительность проучила авторов далеко идущих планов. Советская Россия разбила всех иностранных интервентов, начиная с кайзеровских полчищ, вторгшихся на Украину, и кончая американским экспедиционным корпусом, помогавшим Колчаку. Веймарская Германия должна была искать пути и средства для восстановления своей экономики. Она надеялась на помощь своих давних деловых друзей из-за океана — и не ошиблась...

«Приди ко мне, внимательно ознакомься с моим положением и сделай предложения, как мне спастись и в чем ты мне можешь помочь» — так рекомендовал немцам обратиться к США некий американец, сын одного из крупнейших железнодорожных магнатов США. Он подсказывал немцам, что руководители экономической жизни Германии должны обратиться к США с просьбой «прислать руководящих и опытных представителей американской экономики как друзей и советников» для наведения порядка во всех отраслях промышленности и торговли. Эта рекомендация — хотя и видоизмененная — была осуществлена в форме знаменитых в 30-е годы планов Дауэса — Юнга.

...Здание это находится совсем не там, где можно было бы его искать. Не в центре Базеля, где немало капитальных, столь типичных для конца XIX века серокаменных домов, фасады которых украшены мраморными портиками. Для европейских строений того времени (и того назначения) сложился определенный торжественный стандарт, в пределах которого варианты зависят только от масштаба деятельности банка. И селятся банки обычно рядом друг с другом, как, например, в Цюрихе, где они захватили целую улицу, идущую от вокзала к центру города (знаменитая Банхофштрассе).

Банк, который я разыскивал, тоже находится у вокзала. Однако в Базеле вокзал далеко от центра, он почти на самой границе. Несколько сот метров — и вот уже ФРГ, железнодорожная станция, носящая название «Базель—Бад». Возможно, приграничное положение одного из старейших швейцарских городов сыграло свою роль при выборе места для созданного в 30-е годы Банка международных расчетов, одним из важных вкладчиков которого стала Германия. Для немецких членов правления было делом нескольких часов добраться, скажем, из

Франкфурта-на-Майне (города банков) до Базеля. Да и из Берлина недалеко.

Я повторил этот маршрут, сойдя в Базеле с идущего из Франкфурта трансевропейского экспресса. Не надо было брать такси, поскольку от вокзала до банка метров сто. Его старинное здание не соответствовало «банковскому» архитектурному стандарту. Как мне разъяснили, здесь раньше находилась гостиница «Гранд отель де Савой э де ла Универс». И впрямь, идя по коридорам, можно было видеть типичные гостиничные аксессуары; в голову приходили веселые сравнения со знаменитым ильфо-петровским «Геркулесом», как известно, тоже размещившимся в бывшей гостинице. Но я не мог поделиться этими впечатлениями со своим собеседником — англичанином Макдаффи, который принимал меня в своем кабинете заведующего отделом общественных связей, поскольку он, безусловно, не читал «Золотого тельника».

Попасть сюда оказалось непросто: в банке не любят журналистов, особенно иностранных. Понадобилось несколько дней и десятки телефонных разговоров с моими швейцарскими коллегами из «Базлер нахрихтен» и «Нейе цюрхер цайтунг», чтобы договориться о визите. Темой моей беседы был нашумевший в 70-е годы международный финансовый феномен, именовавшийся «евродолларом». Я не ошибся: в базельском банке я получил подробные и весьма квалифицированные комментарии, очень пригодившиеся мне, малосведущему в этой сложной материи.

В начале нашей беседы Макдаффи заметил:

— О, мы теперь не столь известны, о нас вообще в мире позабыли. А было время, когда здесь совершались большие дела. Тогда, наверное, от журналистов не было отбоя. А теперь вы первый за несколько месяцев. Что же касается нашего банка,— добавил Макдаффи многозначительно,— то он не занимается многим, о чем пишут, и занимается многим, о чем не пишут...

Мой собеседник вручил мне несколько брошюр, рассказывающих о деятельности банка. Мне онигодились, когда я занялся историей этого внешне скромного учреждения, носящего в немецком варианте трехбуквенное наименование Бе-и-цет, а в английском — Би-ай-пи. Мы же будем для Банка международных расчетов применять русскую аббревиатуру БМР.

Идея создания БМР принадлежала Яльмару Шахту — тому самому немецкому банкиру и финансисту, который окончил свою бурную карьеру на скамье подсудимых нюрнбергского Международного военного трибунала. По предложению Шахта, поддержанному в лондонском Сити и на нью-йоркской Уолл-стрит, было создано это международное финансовое учреждение, расположившееся в Базеле. Для чего?

Ответ на этот вопрос мы получим, обратившись к годам, когда германский империализм, потерпевший крушение в первой мировой войне, судорожно искал возможность восстановить свои утраченные позиции как на мировых рынках, так и в мировой политике. Кого он мог найти в качестве союзника на Западе? Главные державы-победительницы — Англия и Франция — с большой подозрительностью относились к «пению сирен» из Берлина, где всячески заверяли, что Германия будет вести себя смирно и уж, во всяком случае, послужит Лондону и Парижу в деле борьбы против «безбожного большевизма», появление которого доставило не только головную, но и зубную боль хозяевам Сити и «Лионского кредита». Но Соединенные Штаты...

Соединенные Штаты вышли из войны в исключительном положении. Американские концерны накопили за счет воевавшей Европы огромные средства. Вступив в войну «под занавес» и не понеся никакого ущерба, они мнили себя будущими хозяевами Европы и не особенно считались со своими английскими и французскими коллегами. В этих условиях вполне логично напрашивалась мысль использовать побежденную Германию — страну с огромным экономическим, техническим и финансовым потенциалом. Разве не соблазнительно было сделать ее своим «младшим партнером»?

Именно эта идея стояла за далеко идущим финансовым планом, принадлежавшим международной комиссии, в которой ведущая роль принадлежала Чарльзу Дауэсу, президенту «Сентрал траст компани оф Иллинойс», и Оуэну Юнгу, президенту административного совета «Дженерал электрик», члену правления «Рэдио корпорейшн оф Америка». План был прост как колумбово яйцо: так как Германии по Версальскому договору предстояло выплачивать многомиллионные репарации, а она якобы не в состоянии была это сделать, то союзники (в первую очередь США) дают ей заем. Тогда начнут

работать заводы Рура и Германия способна будет вернуть долги — ни рано ни поздно... к концу 1987 года. Планы Дауэса — Юнга предусматривали, что Германия должна была получить международный заем в 800 миллионов золотых марок.

Когда 16 июля 1924 года в Лондоне открылась международная конференция по плану Дауэса, английский премьер Рамсей Макдональд объявил: «Мы подойдем к нашей задаче как деловые люди, стремящиеся заключить сделку». И сделка была заключена. 31 октября 1924 года президент рейхсбанка Яльмар Шахт пригласил к себе на торжественный обед м-ра Юнга, а с ним членов германского правительства во главе с канцлером Марксом. Шахт провозгласил тост за «новый дух, которому мы желаем следовать и который воплощен в Оуэне Юнге».

Конечно, речь шла совсем не о «духе». Следует помнить, что м-р Юнг воплощал реальную мощь «Дженерал электрик» и «Ар-си-эй», его сосед за столом Паркер Джилберт был совладельцем банка Моргана, а Дауэс представлял не менее влиятельный чикагский банк. Они действительно могли в перспективе осуществить замысел мощных групп американского капитала, которые прекрасно знали, что творили: ведь Германия вскоре прекратила выплату репараций, а проглотив американский заем, вернулась на мировые рынки.

Только при помощи США послевоенная Германия смогла стать на ноги. Планы Дауэса — Юнга стали символом этой помощи, но ими дело не ограничилось. С 1924 по 1929 год прилив иностранного капитала в страну составил 10—15 миллиардов рейхсмарок долгосрочных и свыше 6 миллиардов краткосрочных вложений, из которых более половины поступило из США. К 1930 году общая сумма возросла до 32 миллиардов. В числе кредиторов были «Нэшнл сити», «Диллон Рид», «Кун—Леб», «Гарриман», «Шредер» и многие другие ведущие американские банки. Германские монополии стали непременными участниками крупнейших международных картелей, которые контролировали 42% всей мировой торговли.

Именно во времена планов Дауэса — Юнга родилась идея создания БМР. Он стал органом сотрудничества крупнейших государственных и частных банков, в том числе Федерального резервного банка США, Немецкого рейхсбанка, Английского банка, Банка Италии, Француз-

ского банка, Бельгийского банка. Иерархия частных банков была представлена моргановским «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и частными банками Японии. И если сначала предполагалось, что БМР займется приемом и выплатой германских репарационных платежей, то уже в 1931 году в Базеле было установлено, что Германия не в состоянии платить долги. Деньги потекли не из Германии, а в Германию — в страну, которая начала планомерную и целеустремленную подготовку к новой войне. Недаром ведущие посты в БМР заняли лица, непосредственно участвовавшие в процессе милитаризации немецкой экономики, а именно:

- Герман Шмиц, председатель правления «ИГ Фарбениндустри», член «кружка друзей рейхсфюрера СС»;

- Вальтер Функ, имперский министр экономики, будущий подсудимый в Нюрнберге;

- Эмиль Пуль, вице-президент рейхсбанка;

- Курт фон Шредер, обергруппенфюрер СС, глава банка «И. Г. Штайн»; именно на его вилле 4 января 1933 года было принято решение о передаче поста рейхсканцлера Гитлеру.

БМР создавался с ориентацией на возможную войну: в его уставе даже был специальный пункт, согласно которому он в случае войны не подлежал ни конфискации, ни ликвидации. Именно поэтому банк и разместился в стране «вечного нейтралитета». В годы второй мировой войны заседания совета директоров, возглавлявшегося американцем Томасом Харрингтоном Маккитриком, происходили в Базеле в полном составе, с участием представителей обеих воюющих сторон...

О том, насколько удобной для гитлеровской Германии оказалась эта возможность, свидетельствует один пример, относящийся к более позднему времени. Когда в марте 1939 года вермахт вступил в Прагу, нацисты явились в Национальный банк Чехословакии и потребовали выдачи золотого запаса страны в сумме 48 миллионов долларов. Им ответили, что это золото уже отправлено в Базель, в БМР, а оттуда должно быть переправлено в Английский банк. Гитлеровцы заставили директоров Чехословацкого банка послать в Базель распоряжение о том, чтобы это золото оставалось в Базеле или было возвращено туда из Англии. Глава Английского банка — он же член совета директоров БМР — Монтэгю Норман немедленно выполнил это указание.

— Верно ли, что национальные сокровища Чехословакии попали к немцам? — задал в мае 1939 года в палате общин вопрос лейборист Джордж Страусс.

— Нет, неверно, — ответил премьер-министр Невилл Чемберлен.

А в конце мая телеграфные агентства сообщили: в результате переговоров между БМР и сэром Монтэгю Норманом золото Чехословакии переправлено в Берлин.

Но это была не единственная акция. «Нацистское правительство, — заявил в 1944 году член палаты представителей США Джон Коффи, — имеет на счету БМР 85 миллионов швейцарских франков. Большинство членов правления — нацисты. Как же могут американские деньги оставаться в этом банке?» Тем не менее деньги остались. Более того. По словам министра финансов США Генри Моргентау, «дальнейшее существование БМР немцы будут рассматривать как перспективное для них поле деятельности, что уверит шахтов и функов в сохранении прочных связей между США и Германией».

Предвоенный период был характерен развитием деловых (и личных!) связей между влиятельными деловыми кругами США и Германии. Первая крупная сделка в этой области была заключена в 1929 году между «ИГ Фарбен-индустри» и «Стандард ойл компани». Еще в 1926 году уполномоченный «Стандард ойл компани» Фрэнк Говард был направлен для переговоров о сотрудничестве с «ИГ Фарбениндустри», так как в США были немало встревожены новейшим достижением немецкой химии — производством синтетического бензина из угля (т.н. патент «Буна»). Соглашение, заключенное под эгидой семьи Рокфеллеров, предусматривало раздел сфер влияния: за «Стандард ойл компани» оставался нефтяной бизнес, за немцами — бизнес химический. В 1929 году в США был основан филиал «ИГ Фарбениндустри» — «Америкэн ИГ корпорэйшн», в состав правления которой вошли глава «Стандард ойл компани» Уолтер Тигл, Форд-младший и банкир Уорберг. Эта сделка принесла Германии немало, а именно оградила ее от американской конкуренции на ряде рынков.

Рокфеллеры обеспечили себе связи с Германией (или наоборот?) и в финансовой сфере. В 1936 году отделение частного банка Генри Шредера в Нью-Йорке объединилось с домом Рокфеллеров, создав инвестиционный банк «Шредер, Рокфеллер и К^о». Партнерами стали Эвери

Рокфеллер (племянник главы дома), барон Бруно фон Шредер и его кузен Курт фон Шредер, уже знакомый нам по БМР. Интересы банка защищала юридическая контора «Салливэн, Кромвелл энд К^о», а именно известные адвокаты Джон Фостер и Аллен Даллесы. Джон Фостер Даллес входил в состав совета директоров американско-немецкого банка Шредеров. Прямой контакт с этим банком имело парижское отделение «Чейз нэшнл бэнк» (Морганы).

Хорошо известен был в этом кругу и видный адвокат Уильям Донован, по кличке Дикий Билл. Как член совместной американско-германской комиссии по долгам, он завязал теснейшие связи с немецким представителем в этой комиссии — берлинским адвокатом Паулем Леверкюном. С Леверкюном его связало и другое — не менее доходное и, пожалуй, более эффективное! — судебное дело. Его героиней была международная авантюристка, именовавшая себя «великой княжной Анастасией», сиречь дочь-червь свергнутого революцией царя Николая II.

Это дело долгие годы не сходило со страниц немецкой и американской «желтой» прессы, после того как в Берлине в 1925 году появилась женщина, объявившая себя «чудесно спасшейся» дочерью царя. Ее появление привело в некоторое беспокойство всю белогвардейскую эмиграцию и особо «претендента» на российский престол великого князя Кирилла, поскольку лже-Анастасия предъявила претензии на деньги и золото династии Романовых, хранящиеся в странах Запада, в том числе и в Соединенных Штатах.

Дело давно минувшее и забытое — но оно до сих пор волнует не только репортеров скандальных листков. Помнится, в 1980 году — добрых 55 лет после «дебюта» Анастасии — меня в Бонне познакомили с человеком, подойдя к которому, один мой западный коллега с низким поклоном произнес:

— Ваше императорское высочество, разрешите представить вам...

Это был своей собственной персоной наследный принц Гогенцоллерн, Луи-Фердинанд Прусский, сын кайзера Вильгельма II. Их императорское высочество изволили милостиво сообщить мне, что испытывают большую любовь ко всему русскому (видите ли, он долгое время был женат на великой княгине Кире Романовой) и

посему лично хочет заверить, что «Анастасия была авантюристкой».

— Если будут утверждать иное, не верьте,— говорил несостоявшийся кайзер.

В 1980 году претендентка на русский престол была забыта, а в 20-е годы ее дело шумело. Во-первых, им занимался весь мир белой эмиграции, одним из центров которой был тогда Берлин. Во-вторых, «Анастасию» запустили на антисоветскую орбиту, для того чтобы помешать передаче молодой Советской республике русских авуаров, хранящихся в западных банках. Именно с этой целью прибыл в Нью-Йорк д-р Пауль Леверкюн. Он взял себе в союзники Уильяма Донована. Почему именно его?

Леверкюн не случайно обратился к Доновану. Он, как профессиональный разведчик, по досье немецкого абвера изучил одну страницу из биографии бравого офицера американской армии, проявившего изрядную храбрость на полях первой мировой войны. Об этом хорошо знали в США. Но куда меньше знали о том, что герой битвы на французской реке Урк вскоре после войны направился в иную сторону: он был послан президентом Вильсоном специальным наблюдателем к командующему американским экспедиционным (читай: интервенционистским) корпусом в России генералу Грэвсу. Приехав во Владивосток, где этот корпус высадился в августе 1918 года, Донован сопровождал специальный поезд генерала Грэвса в поездке в Омск к адмиралу Колчаку. В то время США вынашивали план создания под своим протекторатом «Восточно-Сибирской республики» и Донован настойчиво рекомендовал усилить финансовую и военную помощь Колчаку в его борьбе с Советской властью, ассигновав ему 94 миллиона долларов. Такова была «первая встреча» будущего руководителя американской разведки с Советской Россией, и далеко не случайно биограф Донована Ричард Данлоп писал, что корни американских спецслужб «глубоко уходят в историю XX века, а один из корней тянется к этому поезду и этому человеку», сиречь Доновану.

Расчет абвера оправдался: Леверкюн и Донован сразу нашли общий язык и начали антисоветскую кампанию, требуя не выдавать злым большевикам золота и денег Романовых, защитить несчастную лже-Анастасию. Как мы узнаем позднее, антисоветская база контактов Донована — Леверкюна сохранилась на долгие годы и

сыграла немалую роль в закулисных интригах эпохи второй мировой войны. А в 30-х годах Донован, начав с «дела Романовых», активно расширил свои контакты с деловым миром Германии. В частности, он, став заместителем генерального прокурора США, оказал немалые услуги концерну «ИГ Фарбениндустри» при разборе ряда спорных вопросов, касавшихся деятельности филиалов этого военно-промышленного гиганта в США.

Я позволил себе этот небольшой экскурс в скандальную хронику 20-х годов, чтобы читатель мог понять, какими путями рождаются международные заговоры и сговоры. Ведь предмет нашего исследования — сговор монополий. Он не является абстрактным понятием, а воплощается в живых носителях. А теперь — обратно к нашей сухой материи...

Список американо-немецких сделок и контактов длинен. В 1931 году «ИГ Фарбениндустри» подписал договор с концерном «Алкоа» — крупнейшим производителем алюминия. Договор обеспечил патентами германское самолетостроение, которое имело огромное значение для подготовки к войне. В руках «ИГ Фарбениндустри» оказались и акции другой корпорации — «Галф ойл», а также дочерней компании Форда в Германии. В правлении последней заседал один из руководителей «ИГ Фарбениндустри» Карл Бош. Сделку заключили немецкие фирмы и с «Ремингтон армс» (производство артиллерийских снарядов), и с «Бауш энд Ломб» (оптические приборы для авиации).

История сближения «Стандард ойл компани» и «ИГ Фарбениндустри» по-своему примечательна. Эти фирмы в принципе могли стать врагами, ибо часто сталкивались на мировых рынках. Но оказалось иначе — как это часто случается в мире всеобщей конкуренции, где сговор бывает выгоднее, чем схватка. Путь сговора был избран Уолтером Тиглом, председателем совета директоров гигантского американского нефтяного концерна в 30-е годы. Он давно испытывал симпатии к немцам, причем по весьма «оригинальной» причине: ему нравилось, как Германия умело обходит ограничения Версальского мирного договора. Испытывал он и политические симпатии к немецким правым партиям, в том числе к нацистам, чему способствовал его друг — сэр Генри Детердинг, глава английского нефтегиганта «Ройял датч-шелл», который не раз давал деньги малоизвестной тогда НСДАП, а

также русским белоэмигрантам, обосновавшимся в Берлине и Лондоне. Тигл был дружен и с Германом Шмицем — председателем правления «ИГ Фарбениндустри», будущим членом совета директоров БМР.

Тигл считал Германию хорошим рынком, поскольку страна не располагала своей нефтью, а ее военная промышленность нуждалась в ней. Поэтому было естественно, что он часто навещался в Берлин. Когда же была создана фирма «Америкэн ИГ кемикл», то он стал одним из ее покровителей. Тиглу принадлежала и идея завербовать в качестве специалиста по рекламе человека, давно работавшего на Рокфеллеров. Звали его Айви Ли. По совместительству Ли информировал «ИГ Фарбениндустри» и его специальный разведывательный орган «Бюро НВ-7» о реакции в США на политику нацистской Германии.

Продукция «Америкэн ИГ кемикл» была весьма важной для военной экономики Германии. Она поставляла из США тетраэтилсвинец — важнейший компонент для производства авиационных сортов бензина. Эти поставки шли не прямо, а через британский филиал концерна Тигла. Так, в 1938 году «ИГ Фарбениндустри» подписала с лондонской фирмой контракт на 500 тонн тетраэтилсвинца. Правда, эти сделки все-таки привлекли к себе внимание комиссии по контролю над операциями с ценными бумагами, причем выяснилось, что Тигл был весьма предусмотрителен: фирма формально не была связана с концерном Шмица, а «породнена» с ним через швейцарскую дочернюю фирму «ИГ Фарбениндустри». Чтобы прекратить ненужные разговоры, но продолжить выполнение контрактов, Тигл вышел из совета директоров, передав пост своему доверенному лицу Уильяму Фэришу. Тот проявил не меньшую энергию в деле сотрудничества с нацистским концерном: укомплектовал немецкими экипажами танкеры «Стандард ойл компани», перевозившие нефтепродукты в Германию. Когда же экипажи, выполнявшие задания немецкой разведки, все-таки пришлось снять, везшие нефть суда подняли нейтральный панамский флаг. На Канарских островах горячее перегружали на немецкие танкеры.

Сотрудничество «ИГ Фарбениндустри» с «Стандард ойл компани», как и деятельность БМР, по замыслу не должно было прерываться и в случае войны. В сентябре 1939 года состоялось так называемое «гаагское совеща-

ние» вице-президента «Стандард ойл компани» и члена совета директоров «Чейз нэшнл бэнк» Фрэнка Говарда с представителем «ИГ Фарбениндустри» Фрицем Рингером. Голландия тогда еще была вне войны, и гаагский филиал «Стандард ойл компани» действовал спокойно. В ходе переговоров Рингер передал Говарду пакет акций и патентов, которые должны были таким образом избежать конфискации администрацией США во время войны. После ее окончания переданное подлежало возврату. «Мы постарались,— отмечал Говард,— разработать подробные планы для того модус вивенди, который должен был действовать во время войны независимо от того, вступят ли в нее США или нет».

К «добрым деяниям» преемника Тигла принадлежал и договор о поставке авиационного горючего бразильской фирме ЛАТИ в Рио-де-Жанейро. А из Рио самолеты ЛАТИ в военное время беспрепятственно летали в Рим, создав, как выразился один американский исследователь, «воздушный мост» между Южной Америкой и странами фашистской оси. Для поставки горючего ЛАТИ Фэриш передал под панамский флаг еще несколько своих танкеров, что было санкционировано тогдашним заместителем морского министра США Джеймсом Форрестолом, по счастливой случайности являвшимся вице-президентом «Дженерал анилин энд филм» — одной из дочерних фирм «Стандард ойл компани».

Сотрудничество с «Стандард ойл компани» было освящено одним из крупнейших частных банков Германии — «Дойче банк». В начале века Германия столкнулась с «Стандард ойл компани» на рынках Юго-Восточной Европы, однако предпочла «худой мир доброй войне». В 1907 году «Дойче банк» заключил с «Стандард ойл компани» соглашение, согласно которому обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов». Эта сделка привлекла внимание В. И. Ленина, который в своей работе «Тетради по империализму» отмечал, что банку «...оставалось: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили *договор* со «Стандард ойл компани» («не очень выгодный» для «Дойче банк») ¹. «Дойче банк» в межвоенный период умел наладить контакты в США. Так, в 1927

¹ Ленин В. И. ПСС., т. 28, с. 63.

году он получил крупный долларовый кредит от банка «Диллон, Рид энд компани».

Со временем аппетиты росли. Когда в июле 1941 года в Берлине в торгово-политическом комитете Имперской экономической палаты выступил член правлений «Дойче банк» и «ИГ Фарбениндустри» Герман Абс, он заговорил о необходимости послевоенного раздела мирового рынка между «Европой нового порядка» и США. «Объединенная Европа», считал Абс, будет серьезным конкурентом США и Японии. Но пока, готовясь к войне, германские концерны охотно шли на соглашения со своими американскими коллегами. С полным правом государственный секретарь Хэлл еще в 1933 году писал американскому послу в Берлине, что в «построении сегодняшней Германии решающую роль сыграл американский капитал».

Добавлю: сыграл роль и в создании будущих закулисных связей.

2

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Начало действий на тайном фронте

С какого времени начинаются закулисные связи? Ответ на этот вопрос должен учитывать то важное обстоятельство, что в противостоящих лагерях США и Германии оказались лишь с декабря 1941 года. Весь период кануна второй мировой войны и ее начального периода, включая нападение гитлеровцев на СССР, Соединенные Штаты поддерживали с Германией нормальные дипломатические отношения. Хотя ни один высокопоставленный деятель нацистского режима не побывал в США, Берлин часто посещали официальные визитеры из Вашингтона, включая заместителя государственного секретаря. Столицу рейха посещали крупнейшие деятели американского бизнеса, первым из которых был глава концерна ИТТ полковник Состенес Бенн, встретившийся с Гитлером 4 августа 1933 года.

Однако нас больше интересуют контакты закулисные, неофициальные. Начнем с того, что у самого президента Рузвельта была склонность к неофициальной, если не сказать, к тайной дипломатии. Известно, что он регулярно пользовался услугами неофициальных эмиссаров, которых посылал в европейские столицы. Среди них были крупные дельцы, бывшие дипломаты и военные. Как функционировала эта неофициальная дипломатия? Конечно, в первую очередь она касалась союзников США. Но и Германия не оказалась исключенной из ее сферы. Возьмем, к примеру, знаменитого Дикого Билла — Уильяма Донована, будущего шефа УСС — Управления

стратегических служб. Рузвельт не раз посылал его со специальными миссиями, а как мы знаем, у Уильяма Донована были некоторые специфические предпосылки для того, чтобы заниматься «германскими делами».

Когда же в 1920 году юрист Донован стал обслуживать банковский дом Джона Пирпонта Моргана, то отставному капитану поручили сбор сведений о Европе и о «красной угрозе». Занимаясь этим, Донован познакомился с меморандумом немецкого генерала Гофмана, который предлагал создать англо-франко-германскую военную коалицию против Советской России.

Первым прямым испытанием для европейской политики США стал период перед Мюнхеном. Назревавший в Европе политический кризис требовал от администрации президента Рузвельта определенных решений, которые нельзя было принять, исходя только из внутреннего конфликта изоляционистов и «интернационалистов». Президенту было ясно, что мир вступает в опаснейшую фазу своего развития и США не могут довольствоваться позицией бесстрастного наблюдателя. К чему же он склонялся?

О том, как трудно и медленно политические деятели США шли в 30-е годы к пониманию гитлеровской опасности, свидетельствует один из интереснейших дипломатических источников: те сообщения, которые направлял в Москву первый советский посол в США Александр Антонович Трояновский.

Лидия Николаевна Иванова — бессменный секретарь посла — рассказывала мне:

— У Александра Антоновича был исключительно широкий круг знакомств среди дипломатов, конгрессменов, представителей делового мира, деятелей культуры и искусства. В его квартире на третьем этаже советского посольства в Вашингтоне с уникальной мебелью, созданной по эскизам Васнецова, бывали многие из них. Много народа привлекали и приемы в посольстве — ведь для американцев Советский Союз являлся «неизвестной землей». Дипломатические отношения были установлены лишь в 1933 году, и А. А. Трояновский был первым посланцем Советской страны. Не раз принимали посла и видные государственные деятели США, в том числе президент Рузвельт, вице-президент Гарнер, государственный секретарь Хэлл.

Один из выдающихся представителей ленинской ди-

пломатической школы, Трояновский понимал всю сложность внутривосточной борьбы в США тех лет и остроту столкновения различных тенденций в их внешней политике. В Западной Европе уже сложился очаг военной опасности, на Дальнем Востоке уже фактически шла война. Однако...

«Пока нет никаких признаков перемены в изоляционистской политике Соединенных Штатов,— писал А. А. Трояновский 9 января 1937 года.— В основе изоляционистской политики лежит предположение, что международное равновесие может быть осуществлено без Соединенных Штатов и, во всяком случае, Соединенные Штаты имеют время решить вопрос о своем вмешательстве в международные дела, когда международное равновесие будет нарушено не в пользу Соединенных Штатов. Изоляционизм увеличивается военной слабостью Соединенных Штатов, во всяком случае, несоответствием между военной силой и технической мощью американского капитала.

При обосновании изоляционистской политики Соединенных Штатов здесь приводилось соображение о том, что Америка была втянута в мировую войну¹ пропагандой союзников, необходимостью защищать капиталы, вложенные на стороне Англии и Франции, и т. д. Эта теория нашла свое отражение и в нашей литературе. На самом деле Америка вступила в мировую войну потому, что над нею нависла угроза победы германского агрессивного империализма, который в случае разгрома союзников в Европе начал бы наступление против Соединенных Штатов не только на Европейском, но и на Американском континенте. Сейчас все это забыто, и большинству американцев кажется, что их участие в мировой войне не было вызвано серьезными причинами... На самом же деле американцы участвовали в мировой войне не как в чужой войне, а как в своей войне, и будут еще участвовать, если положение будет сходно с тем, какое было в 1918 г.

Разумеется, не мелкие вопросы вроде путешествия американца на пароходе воюющей державы или мелкой торговли с воюющей державой приведут к участию Америки в войне, а опять-таки, когда будут затронуты коренные интересы американского капитализма»².

¹ Имеется в виду война 1914—1918 годов.

² Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1976, т. XX, с. 19—20.

...Уже шла гражданская война в Испании, уже, прикрываясь «невмешательством», Германия и Италия участвовали в ней, уже быстрыми темпами шла японская агрессия, но во внешнеполитическом курсе США не определялось изменений.

«Немцы и итальянцы,—сообщал полпред 20 апреля 1937 года,—ведут здесь также огромную работу по улучшению общественного мнения, и, может быть, если бы не антисемитизм Гитлера, то немцам также удалось бы здесь создать благоприятную обстановку, тем более что в Европе Гитлер сейчас не прочь рядиться в тогу миротворца, очевидно, под влиянием демонстрации нашей военной силы. Здесь имеется большое немецкое население, и почва для немецкой пропаганды благоприятная, тем более что реакционные элементы также готовы проявлять свои симпатии к Германии»¹.

Советский дипломат размышлял о возможных ситуациях: «Пока у нас нет никаких гарантий того, что даже при договоренности Соединенных Штатов и Англии мы не будем вынуждены вести войну и на Дальнем Востоке, и одновременно в Европе против Германии. Я, по крайней мере, не вижу признаков того, чтобы Англия и Франция серьезно решили обеспечить наш тыл в войне с Японией. Конечно, это понятие «тыл» довольно-таки условное понятие. Если Англия и Соединенные Штаты не всколыхнутся, то такое положение будет поощрять и возбуждать фашизм на дальнейшие агрессивные действия и ряд колеблющихся стран пойдет за ним, что гораздо опаснее, чем отсутствие линкоров и нескольких сот аэропланов у англичан и у американцев»².

Что же, развитие событий в 1937—1939 годах подтвердило этот прогноз!

«Совершенно несомненно,—писал полпред в декабре 1937 года,—что события в Эфиопии, Испании и Китае — все это начало большой войны, часть большого стратегического плана с большой угрозой для Англии и Франции, а также и для Соединенных Штатов»³. «...Осадить агрессоров,—заклучал полпред,—можно было бы сейчас совместными действиями Великобритании, Соеди-

¹ Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1976, т. XX, с. 178.

² Там же, с. 601.

³ Там же, с. 659.

ненных Штатов и Советского Союза. Но это дело не вытанцовывается, и трудно сказать, когда эти совместные действия станут возможными»¹.

Увы, в годы кануна второй мировой войны «совместные действия» не только не стали возможными, но были сознательно сорваны Англией и Францией. При одобрении со стороны Соединенных Штатов! В это время фундаментальной проблемой европейской политики было столкновение двух принципиальных курсов: курса коллективной безопасности, к которому призывал Советский Союз, и курса «умиротворителей», то есть курса на сговор с Гитлером и Муссолини. Историческая истина требует констатировать, что в этом важнейшем вопросе Соединенные Штаты практически содействовали победе второго, опаснейшего курса.

Разумеется, нельзя ставить на одну доску линию премьер-министра Чемберлена и президента Рузвельта. Западногерманский исследователь Д. Бавендам, проанализировавший архивные данные, даже приходит к такому, на первый взгляд, парадоксальному выводу: Рузвельт был против чемберленовской «политики умиротворения» — однако лишь потому, что видел в потенциальном блоке Англии с державами «оси» угрозу мировым позициям США. Но что он противопоставил планам Чемберлена? Свой проект, который в качестве сверхсекретного документа направил Чемберлену при любопытных обстоятельствах: сперва министр финансов Генри Моргенткау устно изложил содержание этого секретного плана представителю британского министерства финансов в Вашингтоне Кеннету Бэвли, которому даже предложили отложить отпуск и предоставили для поездки в Лондон американский эсминец. 16 февраля 1937 года Бэвли убыл в Лондон, через месяц за ним туда же направился в качестве специального эmissара Норман Дэвис. Письменный вариант плана поступил в Лондон лишь в начале 1939 года. Что же он предусматривал? Новый вариант «умиротворения», а именно — международную конференцию с участием европейских держав и США с целью «установления норм международных отношений», «ограничения вооружений», в том числе пересмо-

¹ Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1976, т. XX, с. 660—661.

тра версальских установлений. Иными словами — соглашение, однако под эгидой США, которые, по словам Рузвельта, «не хотели быть хвостом британского дракона».

В предмюнхенский период роковую роль сыграли многие американские деятели из изоляционистского лагеря, которые ставили на Гитлера. Глубокие истоки подобной недалёковидной политики коренились в настроениях тех империалистических групп, которые чувствовали себя близкими к гитлеровской Германии. За кулисами мировой политики они действовали в пользу сговора с Гитлером.

Если говорить о политике США в мюнхенский период, то нельзя не сказать о Джозефе Кеннеди — человеке, который поддерживал курс на «умиротворение» агрессора не менее энергично, чем Невилл Чемберлен или Эдуард Даладьё. Давний знакомый Рузвельта, Кеннеди был не только миллионером, но и заметным политиком. В 1934 году он занял пост председателя комиссии по реформе банковского дела, несмотря на то что его крупные спекуляции на бирже и с земельными участками уже привлекали внимание соответствующих комиссий конгресса. Свою деловую карьеру Джозеф Кеннеди начал как директор верфи, принадлежащей стальной монополии «Бетлехэм стил» и поставлявшей военные суда для флота. Женатый на дочери мэра Бостона, Кеннеди в 1932 году стал активным участником сбора средств в поддержку кандидата на пост президента от демократической партии Рузвельта (Кеннеди ассигновал сначала 25, затем 50 тысяч долларов и сам собрал на Уолл-стрит еще 100 тысяч).

Кеннеди располагал прекрасными связями на Уолл-стрит, в том числе с Амадео Джаннини («Бэнк оф Америка») и Оуэном Юнгом — «отцом» планов Дауэса — Юнга. Не менее тесными были его связи с католической церковью — нью-йоркским кардиналом Фрэнсисом Spellmanом и с самим Ватиканом, где поддерживал контакт с кардиналом Пачелли — будущим папой Пием XII, который, посещая США, встречался и с Кеннеди. Джозеф Кеннеди стал ценным кандидатом на дипломатический пост, ибо так обычно использовали миллионеров, оказывавших поддержку президенту. Хотя он придерживался иных взглядов, чем Рузвельт (уже тогда Кеннеди именовал себя изоляционистом), президент доверил ему в 1937

году весьма важный пост в Лондоне и право прямой корреспонденции (минуя госдепартамент).

Появление Кеннеди в Лондоне было встречено без восторга. Католик, в чьих жилах текла ирландская кровь, да еще вдобавок ведущий деятель американского судостроения, наносившего серьезные удары своим английским конкурентам,— все это шокировало официальный Лондон. Однако прибыв весной 1938 года на туманные берега Темзы, он быстро наладил контакт с Форин-оффис¹ и — что еще важнее — с Чемберленом, ибо симпатизировал его курсу гораздо больше, чем курсу своего президента.

Ситуация 1938 года требовала многого, в первую очередь определения позиции перед нараставшими симптомами агрессии. Решение Чемберлена было однозначно: предать Чехословакию. Кеннеди его поддержал. Без прямых полномочий на то от Рузвельта он заявил 30 августа премьер-министру Великобритании, что «какой бы курс ни взял Чемберлен, президент его поддержит».

Но был ли Кеннеди одинок?

Возвращение Трумэна Смита

В день вручения верительных грамот новым послом Соединенных Штатов в Германии Хью Вильсоном (весной 1937 года он сменил посла Додда, неугодного нацистам своими взглядами) в зале имперской канцелярии произошел любопытный случай. Господин рейхсканцлер и фюрер великогерманского рейха Адольф Гитлер принимал грамоты в своем кабинете, а остальной персонал посольства выстроился в мраморном фойе. Посол представлял Гитлеру одного дипломата за другим. Когда же очередь дошла до военного атташе — высокого офицера в звании полковника генштаба армии США, Гитлер пожал ему руку и вдруг спросил:

— Послушайте, ведь мы когда-то встречались?

— Так точно, господин рейхсканцлер, — ответил полковник на отличном немецком языке, — в Мюнхене, в 1922 году.

¹ Общепринятое обозначение британского министерства иностранных дел.

— Ах, помню, помню,— заметил Гитлер,— ведь вы познакомили меня с Ханфштенглем...

Так произошла новая встреча Гитлера с Трумэном Смитом — уже не капитаном, а полковником. Смит работал в Берлине уже несколько лет, с августа 1935 года. После своего «дебюта» в германских делах в 20-е годы он продолжал свою карьеру военного разведчика, побывал на маневрах рейхсвера в Восточной Пруссии в 1932 году, а в 1935 году занял пост военного атташе. Здесь ему предстояла немалая работа, если учесть, что именно в эти годы в Германии создавался инструмент будущей войны — многомиллионный вермахт и, что особенно интересовало американский генштаб, мощная авиация. Но нас интересует не Смит-разведчик, а Смит-политик: ведь и в этой роли он немало преуспел...

Факты были таковы: с некоторого времени в Германию зачастил видный гость из-за океана — известный летчик, первым перелетевший в 1927 году через Атлантику, — Чарлз Линдберг. Его первый визит выпал на время XI Олимпийских игр в Берлине в 1936 году, когда нацистские главари хотели продемонстрировать всему миру рост своего международного престижа. Предложил пригласить Линдберга в Германию не кто иной, как полковник Трумэн Смит. Геринг и его ближайший помощник будущий фельдмаршал Эрих Мильх пришли в восторг. Визит состоялся в июле — августе 1936 года, он сопровождался триумфальным воплем всей нацистской прессы: Линдберга принимали все — вплоть до кронпринца Вильгельма, не говоря уже о самом Геринге. В 1937 году последовал следующий визит Линдберга в Германию, во время которого его принимали так же широко, показывая всю мощь люфтваффе.

Эта поездка имела неожиданные последствия: свою известность летчик использовал совсем не на пользу своей родине. Живя с 1935 года почти непрерывно в Западной Европе, он стал убежденным приверженцем пресловутой политики «умиротворения». Таковых было немало и в США, в первую очередь среди сторонников так называемого изоляционизма. Эта давняя традиция определенных политических групп была очень выгодна нацистской пропаганде, поскольку помогала удерживать США от активного противостояния гитлеризму.

Давно миновали 20-е годы, когда политическое течение, именовавшееся американским изоляционизмом,

еще привлекало иных либералов и противников имперских претензий, которые не хотели активного вмешательства США в мировые дела. В 30-е годы изоляционисты разоблачили себя как прямые пособники «умиротворения» гитлеровского агрессора, среди которых пронацистские элементы находили наилучшую поддержку и питательную среду. Одним из крупнейших «лоббистов» нацизма в США был д-р Георг Сильвестр Фирек, начавший свою карьеру с интервью с Гитлером в 1922 году и числившийся в госдепартаменте США «зарегистрированным агентом иностранной державы», т.е. Германии. Фирек основал рекламно-информационную фирму, которая начала снабжать своей продукцией... членов конгресса. Почему именно их? Дело в том, что они располагали особой, так называемой «почтовой», привилегией — правом бесплатной переписки со своими избирателями. С годами это право распространилось на любой конверт, который член конгресса передавал любому лицу. А оное имело право послать в нем любой документ...

Фирек, хорошо знавший нравы Капитолийского холма¹, придумал следующее: он разработал процедуру включения нацистских пропагандистских материалов в протоколы конгресса (это право также имел любой конгрессмен) и рассылки их в десятках тысяч экземпляров — бесплатно, разумеется. Своей резиденцией Фирек избрал бюро конгрессмена-изоляциониста Гамильтона Фиша, своим уполномоченным — клерка этого бюро Джорджа Хилла. Машина работала неплохо: одна антирузвельтовская речь самого Фиша была разослана в 25 тысячах экземпляров, такая же речь сенатора Кларка — в 120 тысячах, речи члена палаты представителей Беннета — в 66 тысячах и так далее. Все это организовывал Хилл по команде Фирека. В рассылке указанных материалов участвовали 6 сенаторов и 14 членов палаты представителей. Все, разумеется, — изоляционисты.

В конце 30-х годов в США сложилась система групп и комитетов, которые ставили своей целью «умиротворение» агрессора, сговор с Германией, и в первую очередь отказ от активной поддержки жертв агрессии. К примеру, Форум американской дружбы, который финансировался представителями концерна «ИГ Фарбенин-

¹ Местонахождение конгресса США в Вашингтоне.

дустри», приютил у себя того же Фирека. В состав форума, выпускавшего журнал «Тудейс челлэндж», входили конгрессмены Гамильтон Фиш, Эрнест Ландин, бывший заместитель государственного секретаря Уильям Кэсл. Фиш организовал и другой комитет — так называемый Национальный комитет борьбы против участия Америки в войнах за границей. Он совершил поездку в Европу, встречался с Риббентропом и считал, что притязания Германии «справедливы». Еще одну организацию — Комитет граждан для борьбы против участия Америки в войне — возглавлял бизнесмен Эйвери Брэндедж, председатель Олимпийского комитета, давшего свое благословение проведению Олимпийских игр 1936 года в Берлине.

Что это были за люди? Вот, к примеру, Лоуренс Деннис, ведущий сотрудник журнала «Тудейс челлэндж». Поклонник трудов Альфреда Розенберга. Автор строк «Я не верю в демократию... Я за нацистскую революцию». Автор книги «Грядущий американский фашизм». Одновременно — сотрудник государственного департамента США, специальный советник финансовой фирмы «Е. А. Пирс». В 1936 году Деннис посетил Германию, встречался с Путци — Ханфштенглем и даже с Гитлером. Смысл деятельности Денниса был по достоинству оценен вашингтонским окружным судом: в 1944 году его судили за участие в «нацистском заговоре против правительства США». Но это лишь в 1944 году! А долгие годы Деннис беспрепятственно служил интересам нацизма.

В 1940 году американский изоляционизм — политика в поддержку гитлеровской агрессии — приобрел новый организационный центр во главе с чикагским бизнесменом-изоляционистом генералом Робертом Вудом. Видными деятелями этого центра стали лидеры изоляционизма: Генри Форд, украсивший свою грудь медалью, полученной от Адольфа Гитлера, Чарлз Линдберг, Гамильтон Фиш, сенаторы Уилер и Най (Уилер, к примеру, в декабре 1940 года призвал Рузвельта вступить в «мирные переговоры» с Германией). Это был пресловутый комитет «Америка прежде всего» — тот самый, который имперским министерством пропаганды Германии был объявлен «истинно американской и истинно патриотической организацией». Что же, рекомендация прекрасная; недаром говорится, что, если враг тебя хвалит, значит, ты на ложном пути...

Линдберг энергично подключился к тем, кто был готов капитулировать перед Гитлером. Побывав в Советском Союзе, где герой американского народа был гостеприимно встречен, Линдберг в узком кругу членов так называемой «клайвденской клики» (в поместье леди Астор под Лондоном) презрительно отозвался о советской авиации и авиапромышленности. Сведения об этом просочились в печать, и, хотя официальные американские дипломатические органы опровергли сообщения, сам Линдберг демонстративно заявил, что «ни подтвердит, ни опровергнет» их. Не меньше, чем в клевете на Советский Союз, «умиротворители» были заинтересованы в преувеличении мощи германских вооруженных сил и запугивании западноевропейского общественного мнения.

Близился мюнхенский сговор. Еще существовала реальная возможность объединения антигитлеровских сил в защиту Чехословакии. Советский Союз был готов принять участие в отражении германской агрессии — однако Чемберлен и Даладье готовили измену. Нужны были лишь доводы в пользу капитуляции.

...За три месяца до Мюнхена у посла США во Франции, закоренелого антикоммуниста Уильяма Буллита раздался звонок полковника Чарлза Линдберга, который вскоре посетил посла. «Германия имеет,— сообщил он,— гигантскую авиацию, в то время как Англия спит, а Франция обманывает себя союзом с Россией».

Буллит немедленно принялся действовать. В своей резиденции в Шантийи он организовал встречу Линдберга с французским министром авиации Ги ля Шамбром — человеком, который активно поддерживал капитулянтскую позицию министра иностранных дел Жоржа Боннэ. Через ряд посредников ля Шамбр был связан и с главным агентом Гитлера в Париже Отто Абецом. Сообщения Линдберга очень устраивали министра авиации, так как он уже располагал такими же «устрашающими» данными от генерала Виллемена — командующего французскими ВВС, перед которым Геринг умело устроил демонстрацию военно-воздушной мощи рейха.

«Данные» Линдберга и Виллемена были сообщены Боннэ и Даладье (по оценке английского дипломата сэра Эрика Фиппса, «Боннэ рухнул»). В свою очередь, Буллит направил соответствующий доклад в Вашингтон, копия которого пошла в Лондон послу Джозефу Кеннеди. Но

Линдбергу этого было недостаточно. Он сам отправился к Кеннеди, а затем подтвердил свою «информацию» в письменном виде. Вот это письмо, сохранившееся в архиве Трумэна Смита:

«Лондон. 22 сентября 1938 года.

Дорогой посол Кеннеди!

Этим письмом я подтверждаю и уточняю сделанное Вам мною вчера заявление о военной авиации в Европе.

Без всякого сомнения, германский авиафлот сейчас сильнее любого другого флота в мире. Темп роста германской военной авиации в течение последних лет не имеет себе равных. Я уверен, что германские воздушные силы превышают вместе взятые силы всех европейских стран и что они будут неуклонно увеличивать свое превосходство. Считаю, что германские заводы сейчас способны выпускать 20 тысяч самолетов в год. Нынешнюю продукцию оценить трудно, но, по наиболее надежным данным, она равна 500—800 самолетам в месяц. Качество германских аппаратов отличное...

Я считаю, что цивилизация никогда не находилась в таком кризисе, как сейчас. Германия, если захочет, способна разрушить Лондон, Париж и Прагу. Англия и Франция, вместе взятые, не имеют достаточного количества военных самолетов для эффективной обороны и контратак... Франция производит 50 самолетов в месяц, Англия — 200...»

На миг прервем поток линдберговских запугиваний. Конечно, германская авиация была сильным оружием агрессии. Однако к 1938 году Германия располагала примерно 4 тысячами машин (Англия — более 3 тысяч, Франция — около 3 тысяч). Даже хорошо информированная британская разведка (да и сам Трумэн Смит) давали куда более низкие, чем Линдберг, цифры. Однако смысл рассуждений Линдберга состоял вовсе не в сообщении «разведывательных» данных об армадах Геринга. Он сводился к следующим политическим выводам:

«Мне кажется существенно необходимым любой ценой избежать в ближайшее время общей войны в Европе. Я уверен, что нынешняя война легко приведет к гибели европейской цивилизации. ...Общеввропейская война, как я убежден, приведет к тому, что коммунизм захватит Европу и такая война пойдет на пользу России. Поэтому я считаю, что гораздо мудрее будет разрешить Германии

ее экспансию на Восток. ...Мы должны признать, что немцы — великий и способный народ. Военная мощь сделала их составной частью европейской цивилизации, которую они способны либо разрушить, либо защитить».

Вот он, «длинных речей краткий смысл»! Можно впрямь подумать, что Трумэн Смит вложил Линдбергу в уста слова, которые слышал в 1922 году от Людендорфа и Гитлера. Однако Линдберг сам был достаточно антикоммунистически настроен, чтобы усвоить и главный тезис сего, с позволения сказать, мировоззрения: надо направить агрессию на Восток.

Конечно, трудно утверждать, что в данном случае существовал прямой сговор, ведущий от Геринга через Линдберга к Буллит и Кеннеди. Однако объективно их действия шли в одном реакционном фарватере того периода, когда основные усилия международного антикоммунизма были сосредоточены на том, чтобы не допустить объединения антигитлеровских сил и эффективного отпора Гитлеру при прямом участии Советского Союза. Буллит наряду с Кеннеди был ярчайшим представителем той американской политической школы, которая рассматривала грядущую войну лишь как составную часть борьбы за американское господство. Он писал Рузвельту еще в 1935 году: «Я не ожидаю войны в ближайшем будущем. Однако если она начнется — при условии, что мы не втянемся в нее с самого начала, — мы окажемся в прекрасном положении, дабы помочь восстановлению того, что останется от Европы». И далее: «Если разразится война, мы наверняка не примем в ней участия с самого начала... Но мы ее закончим».

В период вызревания мюнхенского сговора вызревали и те нити, которые связывали промышленные и политические группы США и Германии во время войны. Сюда относится связь США с «консервативной оппозицией» в Германии, то есть с группой Гёрделера — Бека, ставшей впоследствии основой заговора 20 июля 1944 года против Гитлера. Этот канал, сперва установленный английским дипломатом Ванситтартом, вел также (через немецкого промышленника Роберта Боша) к государственному секретарю США Хэллу. Один из основных документов Карла Гёрделера, составленных в 1938 году и получивших в Вашингтоне условное наименование «серия Икс», был через специального эмиссара профессора Рейнгольда

Шайрера направлен в США. По рекомендации английского промышленника Артура Юнга Шайрер передал материалы Гёрделера видному деятелю американского делового мира Оуэну Юнгу (тогдашнему почетному президенту «Дженерал электрик» и президенту Федерального резервного банка), а затем — Хэллу. Другим посредником стал советник епископальной церкви США по промышленным вопросам д-р Спенсер Миллер (кстати, к этой церкви принадлежал и Рузвельт). Миллер передал еще один документ из «серии Икс», который также стал известен в Белом доме.

Следует отметить, что по военно-разведывательным и иным каналам политическое руководство США было достаточно хорошо информировано о положении в Германии и о целях Гитлера. Не говоря уже о том, что в числе лиц, посещавших самого Гитлера, было немало американцев (в 1933—1937 годах Гитлер принял около 100 визитеров, в том числе 27 — из США); США располагали хорошей сетью наблюдения в Берлине и по всей стране. Приведем такой факт: содержание важнейшего совещания Гитлера с руководителями вермахта от 5 ноября 1937 года, на котором были определены цели предстоящей войны, через месяц (!) стало известно Рузвельту. Информацию для президента собирали его личные эмиссары, в первую очередь Донован. Часто в Германии бывал и канадский мультимиллионер У. Стеффенсон — личный представитель Черчилля и друг Донована. Стеффенсону в Берлине откровенно рассказывали о планах нападения на СССР.

Нельзя забывать: вторая мировая война родилась задолго до того, когда развернулись первые сражения — тогда, когда одни политические деятели не смогли, а другие не захотели воспрепятствовать утверждению гитлеризма у власти в Германии и последующему укреплению его позиций. Прелюдией к трагедии сороковых годов были годы тридцатые, когда ведущие монополистические группировки основных стран Запада пытались осуществить пресловутую политику «канализации» германской агрессии на восток. Ее символом стало Мюнхенское соглашение. Напомню: в сентябре 1938 года Англия и Франция вступили в прямой сговор с державами фашистской «оси» — Германией и Италией. Конкретно он касался судьбы суверенного европейского государства — Чехословакии, к которой гитлеровская Гер-

мания предъявила наглые претензии — отдать часть чехословацкого государства. Вслед за аншлюсом Австрии (март 1938 года) претензии к Чехословакии были очередным шагом в осуществлении заговора против мира, разработанного германским империализмом. Тем самым в 1938 году шла речь не только о Чехословакии, а о мире во всей Европе. Будет ли остановлен Гитлер? — спрашивала европейская общественность. К этому призывала и Советская страна, которая была готова выполнить свои союзнические обязательства. Однако западные державы пошли иным путем — путем уступок и сговора. Втайне от СССР было подготовлено и создано в Мюнхене совещание четырех держав, предавшее Чехословакию и нанесшее непоправимый удар по делу сотрудничества стран Европы против надвигавшейся войны.

США формально не участвовали в сделке. Однако известное послание Рузвельта от 26 сентября 1938 года, в котором он призывал к «мирному урегулированию» вопроса, удовлетворило Чемберлена, а не народ Чехословакии, готовый с оружием в руках защищать свою страну. Американские «умиротворители» были довольны Мюнхеном: поспешно прибывший в Вашингтон Буллит заверил, что у Англии и Франции якобы не было иного выхода, ибо иначе Гитлер «разбомбил бы Париж и Лондон». Однако для Рузвельта были ясны и далеко идущие последствия Мюнхенского соглашения, которое практически открывало путь германской агрессии. Когда из поездки в Лондон вернулся в США ближайший единомышленник президента Бернард Барух, то Рузвельт поручил ему сделать заявление, в котором была поддержана сделанная в эти дни Черчиллем резко критическая оценка Мюнхена как «тотального поражения». Барух добавил:

— Я надеюсь, что мы никогда не окажемся в таком унижительном положении, в котором оказался Чемберлен. Мы должны быть в состоянии защищаться сами...

Увы, далеко не все в Вашингтоне разделяли это мнение. Сложная борьба политических тенденций и острые противоречия как в кругах монополий, так и в правительстве тормозили переход США на позиции открытой и последовательной борьбы с германской агрессией.

В году тридцать девятом...

Год 1939-й справедливо считается своеобразным zenithом тайной дипломатии Запада в преддверии второй мировой войны. Не только министры и послы, но десятки тайных и сверхтайных посланцев сновали между европейскими столицами, пытаясь разгадать замыслы «другой стороны», ввести ее в заблуждение, блефовать, уговаривать, обманывать...

Историческая наука уже подробно исследовала основной «театр действий» буржуазной тайной дипломатии — а именно то, что происходило между Берлином и Лондоном. Здесь были разыграны многочисленные хитроумные партии, в ходе которых как гитлеровская, так и английская стороны пытались перехитрить друг друга. Но были, как ни странно, и общие цели. Они диктовались общими антикоммунистическими интересами — стремлением сделать СССР объектом агрессии. В «англо-французском варианте» эта цель сводилась к тому, чтобы направить Гитлера на Восток и не допустить создания англо-франко-советского военного союза, в «германском варианте» — как максимум добиться создания единого антисоветского блока, как минимум — разобщить СССР и Англию, освободив себе руки для агрессии. С этой целью шли параллельные акции, в которых с немецкой стороны принимали участие Г. Геринг, Г. Вольфат, М. Гогенлоэ, Э. Клейст-Шменцин, Г. Шверин, с английской — Г. Вильсон, Р. Ванситтарт, Г. Эштон-Гуэткин, Л. Рэнсимен, Дж. Конуэлл-Эванс, ряд промышленников и военных. Особое место занимали посредники из нейтральных стран Б. Далерус, А. Веннер-Грен и другие.

Какую роль играли в этой «оргии тайной дипломатии» Соединенные Штаты? Имеющиеся данные свидетельствуют о ряде специфических функций США. Во-первых, они располагали полной информацией о ходе тайных переговоров между другими странами¹. Во-вторых, они принимали прямое участие в организации ряда контактов между Германией и Англией. Так, в беседе с автором этой книги отставной генерал Герхард

¹ Информацию о шагах немецкой дипломатии американцам поставлял секретарь посольства Германии в Москве Герварт фон Биттенфельд.

фон Шверин, являвшийся в 1939 году сотрудником «отдела иностранных войск Запада» (разведки) генштаба сухопутных сил, сообщил, что его неофициальная поездка в Лондон в мае 1939 года была организована при участии нашего давнего знакомого Трумэна Смита.

В апреле — мае 1939 года в число участников секретных контактов включился весьма влиятельный человек — один из президентов «Дженерал моторс», руководитель европейских филиалов концерна Джеймс Муни.

О прогерманских настроениях Муни было известно давно и в Берлине, и в Вашингтоне. Еще в 1936 году он заявил американскому дипломату Джорджу Мессерсмитту: «Нам бы следовало договориться с Германией на будущее. Я не считаю, что наше недовольство происходящими в этой стране событиями должно этому препятствовать». Муни неоднократно бывал в Германии, даже получил от Гитлера орден «Немецкий орел в золоте» (вместе с Генри Фордом). Посетив весной 1939 года Берлин, он обсуждал такую формулу компромисса с Германией: возвращение последней ее колоний, открытие для нее китайского рынка и, главное, — экономическое оздоровление путем предоставления золотого займа на 0,5 миллиарда долларов. В ответ Германия должна была согласиться на ограничение вооружений, заключение договоров о ненападении с западными державами и восстановление свободного валютного курса. Одновременно Муни проконсультировался у главы одной из моргановских фирм «Морган—Гренфелл» и получил совет: заем должен быть предоставлен через Базель, через известный нам БМР.

Как утверждал Муни, Гитлер дал на сделку свое согласие, и с немецкой стороны американскому послу в Англии Кеннеди предложили встретиться с Г. Вольтатом — уполномоченным Геринга. Предложено было даже место встречи — парижский отель «Риц». Однако хотя подобные идеи были близки «мюнхенцу» Кеннеди, он не рискнул действовать на свой страх и риск. Рузвельт не разрешил встречу. Но и тогда Муни не сложил оружия: он стал уговаривать Кеннеди согласиться на такой вариант: Германия получает через БМР 500 миллионов долларов; ей возвращают бывшие немецкие колонии, с немецких товаров снимается эмбарго. В ответ Германия ограничивает производство вооружений, заключает пакты о ненападении с западными демократия-

ми и вводит свободный обмен валюты. В этом плане сразу заметен почерк Вольтата и Геринга — ведь в июне — июле 1939 года Вольтат вел переговоры примерно на эту тему с Горасом Вильсоном и Чемберленом. Кеннеди — к своему глубокому огорчению — снова получил от Рузвельта запрет на встречу с Вольтатом в Париже.

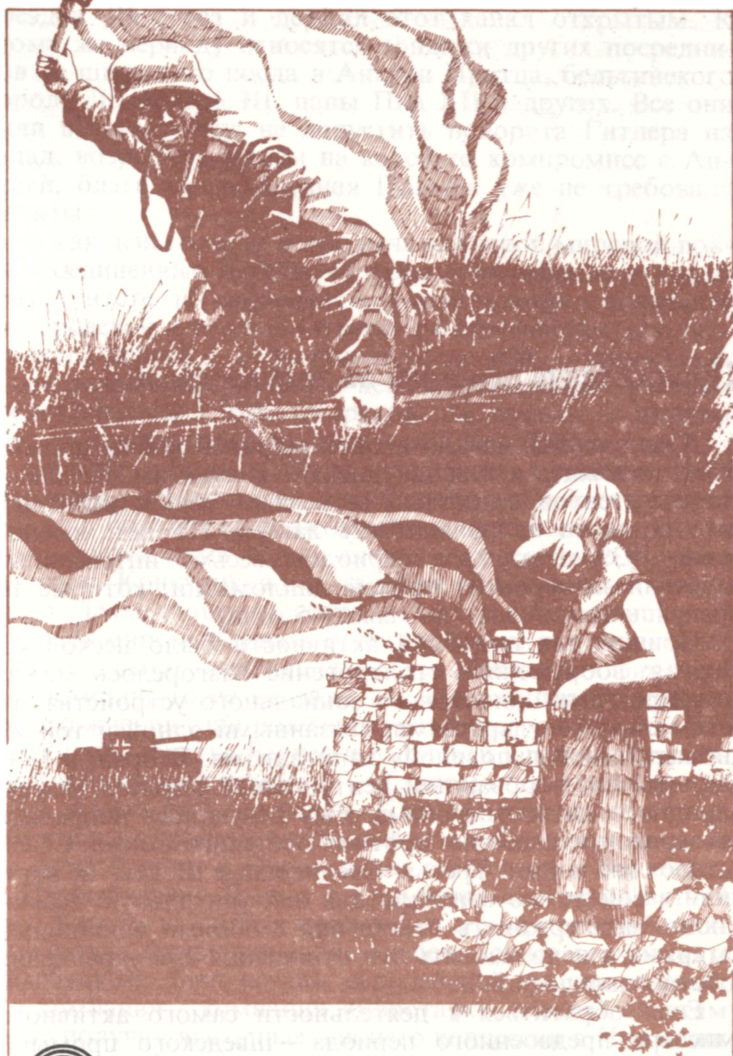
Далее нельзя не отметить деятельность тех же Буллит и Кеннеди в Париже и Лондоне, которые, как и в 1938 году, закулисно влияли на правительства Франции и Англии в весьма определенном духе — стремились сорвать шедшие тогда переговоры с Советским Союзом. Уже тогда во влиятельных кругах США зрела концепция, согласно которой надвигавшаяся вторая мировая война должна быть конфликтом гитлеровской Германии с Советским Союзом, который приведет к их взаимному истощению. Например, в беседе с польским послом в США графом Потоцким Буллит 18 ноября 1938 года откровенно изложил свою концепцию будущей войны: «Демократическим государствам нужны еще два года, чтобы вооружиться. За это время Германия, вероятнее всего, начнет агрессию на Востоке. Тогда демократические государства захотят, чтобы начался конфликт между германским рейхом и Россией. Так как потенциал Советского Союза пока неизвестен, может случиться так, что Германия далеко уйдет и будет втянута в длительную и изнурительную войну. Только тогда демократические государства нападут на Германию и принудят ее к капитуляции».

Буллит не только размышлял, он действовал. Когда летом 1939 года он по своим секретным каналам узнал, что Даладье собирается послать в Москву с доверительной миссией Эдуара Эррио — сторонника сотрудничества с СССР, то сорвал эту поездку. Он заявил Даладье, что «на советские обещания нельзя полагаться». Как констатирует западногерманский исследователь Д. Бавендам, «попытки Лондона и Парижа включить Россию в антигерманский фронт... ни к чему не привели, ибо у них не было необходимой американской поддержки». Конечно, говорить о «попытках» — преувеличение, поскольку линия Чемберлена и Даладье шла как раз в противоположном направлении. Но Бавендам прав, отмечая нежелание США в канун войны оказать действенную помощь созданию англо-франко-советской коалиции. Прав он и

тогда, когда пишет, что «единственным средством, которое, может быть, могло бы предотвратить войну, являлась коалиция западных держав с Россией, «великая коалиция»... Однако здесь у Бека¹ было абсолютное право вето и... Запад остался пленником собственного решения, ибо Бек до последнего сопротивлялся тому, чтобы дать Красной Армии право прохода через свою страну». США не сделали ничего, чтобы способствовать заключению «великой коалиции», даже когда получили сведения о намерении Германии предложить СССР пакт о ненападении. «Ни у президента,— констатировал Хэлл,— ни у меня не было ни малейшего желания оказать давление на Польшу».

1 сентября 1939 года в 2 часа 40 минут на телефонной станции Белого дома раздался звонок из Парижа: Буллит сообщил Рузвельту, что Гитлер напал на Польшу.

¹ Министр иностранных дел буржуазной Польши.

3

ЕВРОПА ВОЮЕТ, А США...

Продолжение действий на тайном фронте

Казалось бы, начало второй мировой войны должно было положить конец закулисным контактам, поездкам тайных агентов, секретным встречам — ведь отныне мир был разделен на враждебные лагеря. Но нет: именно осень 1939 года стала периодом весьма интенсивных действий на фронтах тайной дипломатии, которые не прекращались вплоть до мая 1945 года.

Причин для подобной активности было несколько. Первая: вооруженное столкновение разгорелось между государствами одинакового социального устройства, то есть между государствами, связанными одной и той же «политической пуповиной» капитализма. Вторая: в 1939 году оказался сорванным центральный замысел международного антикоммунизма. Ему не удалось направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза. СССР остался вне войны. Третья: Соединенные Штаты не вступили в войну, что означало для них уникальную возможность поддерживать отношения с обоими воюющими лагерями и использовать эти отношения для укрепления собственных позиций.

Если обратиться к деятельности самого активного эмиссара предвоенного периода — шведского промышленника Биргера Далеруса, то сразу после начала военных действий в Польше он возобновил свои поездки по европейским столицам. Цель: поиски компромиссного мира. Далеруса неоднократно принимал Геринг, излагая ему свои представления о возможной сделке с Англией

(разумеется, на немецких условиях!). Со своей стороны, британский Форин оффис тщательно регистрировал все поездки Далеруса и держал этот канал открытым. К этому же периоду относятся зондажи других посредников — шведского посла в Англии Притца, бельгийского короля Леопольда III, папы Пия XII и других. Все они были в одну точку: не допустить поворота Гитлера на Запад, возродить шансы на какой-то компромисс с Англией, благо разгромленная Польша уже не требовала защиты.

А как действовали после начала второй мировой войны Соединенные Штаты — страна, объявившая о своем нейтралитете, но президент которой понимал опасность гитлеровской агрессии? Отвечая на этот вопрос, мы расскажем о первой — но далеко не последней! — тайной операции военного времени с непосредственным участием представителей США. Операция эта связана с именем крупного нефтеторговца из штата Техас Дэвиса.

Уильям Родс Дэвис — владелец «Дэвис ойл компани» — представлял собой любопытный экземпляр дельца с большими политическими претензиями. Но за этими претензиями стояли вполне определенные деловые интересы. Конкурируя с «Стандард ойл компани», Дэвис давно сделал ставку на сотрудничество с Германией и ее деловым миром. Когда в 1926 году он, не раз терпевший неудачи в своих спекуляциях, остро нуждался в финансовой помощи, то ее оказали два американца немецкого происхождения (они получили гражданство США лишь в 1932 году) — братья Вернер и Карл фон Клеммы. Связанные с «Штейн унд компани» — банком обергруппенфюрера СС Курта фон Шредера — Клеммы уже давно искали себе опоры в американском нефтяном бизнесе и сделали это через Дэвиса. А Дэвис нашел себе опору в Берлине.

Первый визит Дэвиса в Германию состоялся в 1933 году. Уже тогда он был принят Гитлером, который санкционировал финансирование сделок Дэвиса германским рейхсбанком. Был создан европейский филиал «Дэвис ойл компани» — компания «Евротанк», а вслед за этим Дэвис получил выгодные для него концессии в Ирландии и Мексике. Так он стал «придворным» поставщиком нефти для гитлеровской Германии вплоть до начала войны. Дэвис получил на откуп снабжение немецкого военноморского флота («Стандард ойл компани» делала то же для люфтваффе).

Начало войны особо остро поставило перед Германией вопрос о нефти. Мексиканский источник был очень важен для Геринга — и как для командующего люфтваффе, и как для «генерального уполномоченного по четырех-летнему плану» (т. е. руководителя военной экономики). Именно Геринг направил к Дэвису осенью 1939 года д-ра Иоахима Хертслета — директора фирмы «Евротанк». Миссия Хертслета была непростой: во-первых, он должен был через Дэвиса добиться благоприятного для Германии толкования закона о нейтралитете США; во-вторых, выяснить возможность компромисса Германии с Англией (при посредничестве США), который был бы достигнут на базе раздела сфер влияния и признания за Германией свободы рук в Восточной Европе. Геринг уже давно добивался такого компромисса — ведь в августе 1939 года он готов был даже лететь в Лондон для встречи с Чемберленом, его эмиссар Вольтат вел длительные переговоры об этом компромиссе с ближайшим советником Чемберлена сэром Горасом Вильсоном.

В августе 1939 года сделка не состоялась, но с немецкой стороны не оставляли надежд на ее успех. Тогда и был пущен в ход Дэвис с его обширными связями, среди которых особо ценным был контакт с главой Конгресса производственных профсоюзов США Джоном Льюисом. Последний добился у Рузвельта согласия принять Дэвиса, несмотря на то что берлинские связи Дэвиса не были секретом для государственного департамента и ФБР. 14 сентября 1939 года — две недели спустя после начала войны в Европе — президент принял Дэвиса, который изъявил готовность отправиться в Берлин с миротворческой миссией. Рузвельт своего согласия не дал, однако не возражал против «информационной» поездки нефтеторговца в Берлин и Рим.

Некоторые исследователи считают, что Рузвельт с самого начала с подозрением и скепсисом отнесся к про-искам Дэвиса. Но у того были свои опекуны. Стоило английским властям задержать самолет Дэвиса на Бермудах, как вмешался государственный департамент США, и он продолжил свой путь в Европу. В Берлине Дэвиса приняли на высоком уровне: среди его собеседников был главный эмиссар Германии на немецко-английских секретных переговорах в Лондоне летом 1939 года д-р Г. Вольтат, встречался он и с самим Герингом (в присутствии Вольтата и Хертслета). Дэвису вручили

одобренный Гитлером текст мирных предложений. В них особый упор был сделан на желательность посреднической миссии Рузвельта. Подлинник текста пока не удалось найти, однако известно, что Дэвис (не имея на это полномочий Рузвельта!) предлагал восстановление границ 1914 года, ликвидацию Польского коридора, возвращение немецких колоний и экономическую поддержку со стороны США, для того чтобы сломать монопольное положение Англии на мировых рынках. В ответ на это Геринг дал обещание «разрешить самостоятельные правительства в Чехословакии и Польше». Дэвис, вернувшись в США, передал Рузвельту какие-то два меморандума, был принят и в государственном департаменте.

На немецкое предложение ответа не последовало. Более того: по указанию президента у Дэвиса отобрали заграничный паспорт. Хотя в сенат была внесена резолюция в поддержку миссии Дэвиса, Рузвельт отверг сигналы из Берлина. Возможно, он уже знал, что Дэвис фактически является агентом Внешнеполитического ведомства НСДАП. Но куда важнее было то, что Рузвельт — в отличие от Дэвиса — понимал весьма коварный характер авансов Гитлера и Геринга и не хотел попасть в положение обманутого.

Но на этом попытки немцев «наладить отношения» не прекратились. В октябре 1939 года имперский шеф прессы Дитрих предложил руководителю берлинского бюро американского телеграфного агентства Ассошиэйтед Пресс Луису Лохнеру подобрать более подходящего, чем Дэвис, человека из делового мира США, который мог бы обеспечить американское посредничество. Лохнер предложил кандидатуру уже известного нам Джеймса Муни — одного из президентов концерна «Дженерал моторс», которому принадлежали автозаводы «Опель» в Германии.

Неудивительно поэтому, что, когда в октябре 1939 года Берлин пожелал принять видного представителя американского делового мира, Муни немедленно согласился. 15 октября он прибыл в германскую столицу, где встретился с Вольтатом, а затем — с Герингом.

...В Лондоне с тревогой следили за этим¹. Началось

¹ В изложении мы следуем досье главного дипломатического советника Форин оффис, хранящемуся в лондонском государственном архиве.

все опять с Далеруса. По указанию Александра Кадогана ¹ сотрудник Форин оффис Робертс 17 октября 1939 года отправился в бюро фирмы «Джон Браун энд К^о», где встретился со своими давними коллегами из делового мира — Спенсером, Маунтеном и Рэнвиком (участниками встречи с Герингом 7 августа 1939 года). Они рассказали Робертсу, что встретили в Лондоне м-ра Рикетта ², известного американского нефтеторговца. Рикетт прибыл не один, а с видным дельцом Уолл-стрит Беном Смитом со специальным заданием Рузвельта разобраться в подлинном положении дел в Европе. Рикетт и Смит уже беседовали с Муссолини, а Смит побывал в Берлине. Вывод их был таков: американцам должно быть безразлично, какую воюющую сторону поддерживать, но продолжать войну нет смысла. Рикетт и Смит рекомендовали дельцам лондонского Сити подготовиться к «небывалому послевоенному буму». Предложения Рикетта и Смита крайне взволновали английских дипломатов. Ведь если Англия останется один на один с Гитлером, без поддержки США, положение крайне ухудшится! Немедля пошла шифротелеграмма в Вашингтон английскому послу лорду Лотиану. В ней излагались данные о миссии Рикетта — Смита, причем подчеркивались те стороны миссии, которые свидетельствовали о покровительстве Рикетту и Смигу со стороны президента. 24 октября Лотиан подтвердил, что государственный департамент знает о встречах американских дельцов в Берлине и Риме (Смита он характеризовал как «одного из наиболее хитроумных дельцов на Уолл-стрит»).

Но не успели в Лондоне получить информацию (весьма неполную) о Рикетте, как французский посол в Англии Корбэн явился к постоянному заместителю министра иностранных дел Кадогану и в крайнем беспокойстве показал ему телеграмму из Парижа. В ней говорилось о том, что на днях в Париж из Берлина прибыл виднейший американский бизнесмен Джеймс Муни. Он беседовал с Герингом, который изложил план секретной встречи руководящих деятелей трех воюющих сторон для мирных переговоров. Геринг якобы готов на большие уступки. Мол, «глупо продолжать войну», и Геринг даже готов сохранить «в некой форме» Чехословакию и Польшу —

¹ А. Кадоган — заместитель министра иностранных дел Великобритании.

² Рикетт был компаньоном У. Дэвиса.

разумеется, «под военным и экономическим протекторатом Германии». Об этом Муни поставил в известность американского посла в Париже Буллита.

К сообщению отнеслись весьма серьезно. «М-р Муни,— писал в специальном послании на имя английского министра иностранных дел его главный дипломатический советник сэр Роберт Ванситтарт,— значительно отличается от господ типа Рикетта, Дэвиса и Смита, на которых имеется весьма неблагоприятное досье. Муни — человек с высоким личным авторитетом, давно занимает важный пост в крупной американской фирме и имеет свободный доступ к Буллиту и Кеннеди».

Впрочем, Муни сам появился в Лондоне и направился к тому же Ванситтарту. Как бы иллюстрируя связи бизнеса и дипломатии, сэр Роберт докладывал министру: «Мой брат уже давно занимает пост директора европейского филиала американской компании «Дженерал моторс». Как вы знаете, это крупнейшая компания такого рода в США. Начальник моего брата — м-р Муни, президент «Дженерал моторс оверсис корпорейшн». Муни — высокопоставленный американец, с большими военными заслугами. Я был с ним знаком, хотя и не поддерживал связь в последнее время. Сейчас мой брат по совету американского посла м-ра Кеннеди устроил мне встречу с м-ром Муни, и вот что он мне сообщил...»

А узнал Ванситтарт от Муни следующее: во время бесед в Берлине Геринг изложил ему свою концепцию: оказывается, в Германии есть «две школы мышления». Одна считает войну делом, решенным окончательно и бесповоротно, другая рассматривает ее как «открытую проблему» и стремится к «обсуждению возможности или невозможности соглашения». Это был давний и весьма избитый прием, к которому Геринг прибегал не раз. Тем не менее Муни выразил готовность рассказать в Лондоне о программе Германии, якобы сводящейся к следующим пунктам:

«1. Польша. Германия хочет восстановить автономное польское государство с 14 миллионами населения.

2. Чехословакия. Геринг хотел бы гарантировать «политическую и культурную целостность» чехов.

3. Россия. Фельдмаршал Геринг заявил, что если будет достигнуто соглашение по другим пунктам, то его группа предпочтет «вернуться в западную семью». Он заявил, что Германия заключила соглашение с Россией

в «состоянии отчаяния» и хочет от него отказаться, как только это будет возможно».

Для обсуждения программы Геринг предложил встречу уполномоченных трех держав «на нейтральной почве». Муни долго обсуждал этот план в Берлине и стал его сторонником, призвав Ванситтарта «поддержать группу Геринга». Для того чтобы ободрить Ванситтарта, он разъяснил ему: речь идет о «тройственном разделе сфер влияния» — дележе мировых рынков между Германией, Англией и США. Но не нужно было особых усилий, чтобы разгадать коварный замысел Геринга, поддержанного главой «Дженерал моторс». Ведь в беседе он был гораздо откровенней, чем Муни, сообщив Ванситтарту:

— Если мы сегодня получим соглашение с англичанами, то завтра сбросим русских за борт! — сказал Геринг.

Все те же антисоветские намерения торчали как ослиные уши у гитлеровского фельдмаршала, изображавшего себя миротворцем и хотевшего подцепить на антикоммунистическую удочку Муни, а за ним — Ванситтарта, Чемберлена, а может быть, и Рузвельта.

После своей европейской поездки Муни вернулся в США и проинформировал о результатах государственного департамента. Его сообщение не вызвало там восторга — настолько прозрачны были геринговские уловки. Президент принял Муни лишь в начале 1940 года — почти полная аналогия с «миссией Дэвиса»! Он рекомендовал Муни посоветовать его немецким друзьям, чтобы Германия перестала трубить о своем стремлении к мировому господству. Однако он говорил и о том, что такие проблемы, как силезская и чехословацкая, лучше решать за столом переговоров, и выразил готовность выступить в роли посредника. Президент не возразил против новой встречи Муни с Гитлером, однако потребовал ни в коем случае не предавать гласности содержание бесед и не связываться по этому поводу с Белым домом по телефону.

Рузвельт подробно разъяснил Муни причины того, почему он осенью минувшего, 1939 года не согласился с его предложениями. Он говорил, что готов созвать мирную конференцию, но лишь с определенной целью. Она должна воспрепятствовать «установлению мирового господства» (читай: Германии). Соединенные Штаты должны стать не «честным маклером» между европейцами, а

преследовать собственные цели: настолько ослабить экономическую мощь Европы, чтобы США смогли играть ведущую роль. Для вступления в войну, считал президент, время еще не пришло, но посредничество на вышеуказанных условиях возможно. С целью разработки программы США на послевоенный период была создана комиссия под председательством заместителя госсекретаря Сэмнера Уэллеса, который был вскоре послан «на разведку» в Европу, в том числе в Берлин. Однако Рузвельт не забыл и о Муні: он снова принял его 24 января 1940 года — перед тем, как промышленник отправился в Европу.

Характер миссии Уэллеса хорошо известен. А чем же занимался м-р Муні? Хотя считалось, что его визит носит неофициальный характер, он выразил желание быть принятым лично Гитлером. В нашем распоряжении запись беседы, состоявшейся 4 марта 1940 года (Уэллес был принят за два дня до этого, 2 марта). Она производит странное впечатление, особенно по той настойчивости, с которой Муні излагал идеи, принадлежащие не ему, а Рузвельту. Как зафиксировал ведущий протокол переводчик МИД Германии П. Шмидт, Муні «передал личные приветствия президента Рузвельта и вслед за этим пустился в неясные рассуждения, закончившиеся чтением выдержек из высказываний Рузвельта во время его беседы с Муні и, видимо, записанных последним»¹.

Что же поведал Муні Гитлеру? Приведем эти цитаты в том порядке, в каком излагал их сам Муні:

«Обсуждая проблемы неофициальным путем, мы сможем лучше понять друг друга и определить наши подлинные цели...»

«У президента нет антинемецкого комплекса...»

«Я не заинтересован говорить немецкому народу, что он должен предпринимать по отношению к своим руководителям или к своему правительству...»

«Я так же мало заинтересован в завоевании мирового господства англичанами или французами, как и в завоевании мирового господства немцами».

Далее Муні изложил некоторые экономические взгляды Рузвельта и после этого заявил, что у президента нет

¹ Запись беседы не была включена в изданную западными союзниками официальную публикацию «Актов немецкой внешней политики» и впервые опубликована А. Хиллгрубером.

намерения «стать между воюющими сторонами и понуждать их к миру». Однако если они этого пожелают, он мог бы выполнить «роль честного маклера». Эти рассуждения Муни нельзя читать без некоторого удивления. Они выглядят очень странно, во-первых, если сравнить их с высказываниями Уэллеса, который воздерживался от каких-либо предложений о посредничестве. Во-вторых, если сравнить их с беседой Рузвельта с Муни, в которой президент определенно отказывался от роли «честного маклера». Почему же Муни так смело отклонился от «подлинника» и решил изобразить Рузвельта чуть ли не в роли человека, симпатизирующего Гитлеру? Например, Муни уговаривал фюрера не обращать внимания на «прессу и радио» и уверял, что «в Америке с пониманием относятся к требованиям Германии по поводу ее жизненного пространства и экономической безопасности». Была ли эта позиция согласована с Рузвельтом, или Муни, известный своими пронацистскими взглядами¹, решил «подкорректировать» президента?

В любом случае стоит отметить, что подобострастие Муни не возымело особого действия на Гитлера. Тот практически отверг идею посредничества, заявив, что война может кончиться лишь в том случае, ежели Англия и Франция «откажутся от своих военных целей». Германия, в свою очередь, требует признания себя мировой державой. Гитлер прочитал Муни длинную лекцию о своем миролюбии, об агрессивности Англии и Франции, о том, что он начал войну лишь с целью защитить немецкое меньшинство в Польше. Муни заверил, что в США это понимают, и под конец беседы заявил, что у него в кармане есть длинный список «тем для переговоров», который он передаст Гитлеру и Риббентропу для обсуждения в письменном виде. Финал: президент категорически запретил продолжение переговоров. Вскоре в письме к Муни Рузвельт потребовал от него прекратить всякие «миротворческие» зондажи. Однако Муни продолжал свою закулисную деятельность. Летом 1940 года он связался с торговым советником посольства Германии в США Людгером Вестриком. Правда, на этот раз речь шла не о перемирии, а о том, чтобы воспрепятствовать переизбранию Рузвельта на президентский пост. Муни

¹ Немецкий посланник в США Томсен писал 11 марта 1940 года, что Муни настроен «более или менее прогермански».

обещал в этом деле поддержку американских промышленных кругов, заинтересованных в торговле с Европой, в том числе Генри Форда. В антирузвельтовскую кампанию включился и другой тайный эмиссар 1939 года У. Дэвис. По рекомендации немецкой стороны, на которую работал, он попытался за 160 тысяч долларов подкупить сорок выборщиков Рузвельта. Все эти факты говорят о том, что Муни и Дэвис в своих секретных миссиях не могут рассматриваться как единомышленники президента.

Иными словами, фронт противников Рузвельта и его внешнеполитических идей был весьма широк: он включал дельцов, политиков и дипломатов, в том числе и послов США. Деятельность одного из них — Джозефа Кеннеди — привлекла к себе внимание не только Форин оффис, но и британской контрразведки МИ-5. Она получила информацию о встречах Кеннеди, Муни и Вольтата и сочла их весьма подозрительными. Подозрения МИ-5 вызвал и новый сотрудник посольства США в Лондоне молодой дипломат Тайлер Кент, которому Кеннеди доверил самый секретный участок — шифровальную службу. Кент работал у Буллита, когда тот был послом в Москве и уже тогда взял себе за правило делать копии с секретных документов. Британская контрразведка предупредила Кеннеди о ненадежности Кента, но сигнал не подействовал.

Прибыв в Лондон, Кент в первую очередь завязал связи с белогвардейской эмиграцией — так называемой «Русской чайной», которую содержал царский адмирал Волков. Здесь подвизалась его дочь Анна Волкова, разоблаченная впоследствии как нацистский агент, а также капитан Арчибальд Рамзей — член палаты общин, убежденный «мюнхенец», член Англо-германского содружества и прогерманского кружка «Линк». Через Рамзея Кент стал членом «Линка». Здесь он сбывал секретные документы, которые регулярно копировал в посольстве. Эти материалы — в том числе переписка Рузвельта и Черчилля — использовались не только для «внутренних» нужд приверженцев сговора Англии и Германии. Как установила МИ-5, они шли в Берлин.

В мае 1940 года Кент и другие посетители «Русской чайной» были арестованы. Суд приговорил Кента к семи годам тюрьмы. Разумеется, Кеннеди отмежевался от своего приближенного, хотя, как заметил Чарльз Хайэм,

«его роль была куда хуже роли Кента». В декабре 1940 года Рузвельт выразил возмущение тем, что Кеннеди на «свой страх и риск» ввязался в переговоры американского банкира Бернарда Смита с представителями Петена и Геринга в Виши об участии США в «переустройстве Европы». Сведения об этом получило Федеральное бюро расследований. Не меньше президент был возмущен пораженческими интервью, которые Кеннеди давал английской прессе. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, было публичное выступление посла против ленд-лиза — помощи союзникам США. Рузвельт потребовал отставки Кеннеди, которого сменил в Лондоне Джон Вайнант, сторонник президента.

О чем говорят все эти факты? О том, что мюнхенская политика и попытки ее продолжения после 1 сентября 1939 года обернулись тяжелой трагедией для всей Европы, да и не только для Европы. Преступной оказалась линия тех, кто — несмотря на неоднократные призывы СССР выступить единым фронтом, создать систему коллективного отпора фашистскому агрессору — отказался это сделать. Ведь наша страна была первой, кто предупреждал о гитлеровской опасности, и она же первой предлагала конкретные шаги для ее отражения: в 1938 году перед Мюнхеном, в 1939 году — на пороге войны. Потребовалась гитлеровская оккупация почти всей Европы, чтобы открылись глаза у тех, кому антикоммунизм застилал взгляд на мир.

В году сороковом...

Лето 1940 года проучило тех деятелей в Англии и США, которые еще рассчитывали «укротить» Гитлера, применяя новые варианты мюнхенской политики. Захват Германией Норвегии и Дании, нападение и оккупация ею Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурга показали, что агрессию нельзя удержать рассуждениями о перемирии и компромиссе. Но затихли ли действия на фронтах тайной дипломатии?

Ответ может быть лишь отрицательным. С одной оговоркой: среди тайных эмиссаров, ставивших себе заветную, но несбыточную цель международного антикоммунизма — создание единой антисоветской коалиции, — с лета 1940-го до лета 1941 года почти не было представителей США. Возможно, что до сих пор извест-

ны не все документы, но в обнародованных имена американских дипломатов или иных деятелей США попадают довольно редко.

Известен эпизод, связанный с пресловутой «мирной речью» Гитлера от 19 июля 1940 года, в которой он обратился с призывом к «силам разума в Англии» прекратить войну. Лондон сразу отверг это лицемерное предложение, хотя в определенных кругах она произвела впечатление (например, на герцога Виндзорского и Ллойд Джорджа). Однако в Берлине почему-то спекулировали по поводу позиции США. Так, Гитлер в беседах с Гальдером и Браухичем утверждал, что Рузвельт «нерешителен», а Англия боится отдать свои морские позиции Соединенным Штатам. На чем основывался Гитлер? Ведь ему была известна общая отрицательная позиция Рузвельта по отношению к германским претензиям. Данные о немецких расчетах неполны, так как соответствующие документы хранились в МИД Германии в специальной стальной кассете и до сих пор не найдены. Однако по косвенным данным известно, что сразу после речи Гитлера американский квакер Малькольм Лоуэлл выступил в роли посредника между английским послом в США лордом Лотианом и немецким посланником Томсеном. Томсен послал Лоуэлла к Лотиану с «предложениями» Гитлера. Лотиан, в свою очередь, выразил недовольство политикой Черчилля и задал Томсену вопрос: примет ли Гитлер посредничество США? В Берлине обрадовались этому контакту и приказали продолжать в том же духе (Томсен назвал Лоуэлла своим «лучшим и изобретательным доверенным лицом»). Форин оффис (вопреки запрету Черчилля) разрешил Лотиану продолжать встречи с Лоуэллом, дав немецкой стороне понять, что предложения Гитлера неприемлемы. Лотиан пытался получить более подробные сведения о содержании «мирных предложений» Германии. Это ему не удалось, так как Лоуэлл потребовал от посла официальных полномочий для ведения переговоров. Вскоре Лотиан прекратил связи с Лоуэллом.

Эпизод не очень значительный — но он небезынтересен, так как параллельно с ним шли другие зондажи с участием эмиссаров — немецких (принц Гогенлоэ), английских (посол в Швейцарии Келли¹, принц Ага-хан),

¹ О переговорах Келли с Гогенлоэ был информирован посол США в Швейцарии Гаррисон.

швейцарских (Карл Буркхардт), голландских (директор авиакомпании КЛМ А. Плесман). Во всех этих контактах явно просматривалась антисоветская устремленность и идея создания мирового «кондоминиума сильных», то есть раздела сфер влияния между державами «оси» и англо-франко-американским союзом.

Кроме Лоуэлла, следует упомянуть и американского представителя в Ватикане Майрона Тэйлора. Он был в курсе действий Ватикана. Знал он, безусловно, и о содержании беседы папы Пия XII с Риббентропом 11 марта 1940 года, в которой последний всячески расхваливал антикоммунистическую миссию Германии. Тэйлор сам не раз предпринимал попытки разведать отношение Ватикана к возможной посреднической роли США. Кстати, в своих усилиях склонить Черчилля к компромиссу с Гитлером папа использовал и американских изоляционистов, например посла США в Бельгии Кадэхи, которого принял в июле 1940 года.

Даже после поражения Франции, после того, как Англия оказалась под ударами немецкой авиации и вторжение гитлеровцев могло стать реальностью (если бы не возник план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз), германское «лобби» в США (оно же «братство бизнеса») не успокоилось. В знаменитом нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» был дан прием в честь «успешного» завершения французской кампании, на котором присутствовали Муни и Состенес Бенн — глава ИТТ. Сразу после этого генеральный консул Германии в Нью-Йорке направил в Берлин такое донесение:

«Существует группа влиятельных бизнесменов и политиков, которым я доверяю целиком и полностью. По моему мнению, они пользуются огромным влиянием, но сейчас в интересах нашего общего дела ни в коем случае не хотели бы называть себя. Упомянутая группа уполномочила меня довести до сведения имперского министерства иностранных дел, что намерена в скором времени вынудить президента Рузвельта согласиться на следующие рекомендации:

1. Незамедлительное назначение американского посла в Берлине.
2. Замена посла в Лондоне.
3. Прекращение военных поставок в Великобританию до тех пор, пока новый посол в Берлине будет вести переговоры с правительством Германии».

Вслед за этим сообщением пришло другое: германский поверенный в делах в Вашингтоне д-р Ганс Томсен разъяснил, что эту группу возглавляет Джеймс Муни и ее программу поддерживает Генри Форд. Чем не угодил посол Кеннеди Муни? Видимо, своей нерешительностью в нарушении директив Рузвельта. Как видно, группа Муни серьезно собиралась давить на президента и вести дело к компромиссу.

Упоминание в этой связи д-ра Томсена не лишено интереса. Недавно были рассекречены американские досье того времени, в которых Томсен фигурирует совсем в другом качестве — а именно ... американского агента. Тот самый американский квакер Малькольм Лоуэлл, который установил контакт с послом Англии в США лордом Лотианом, уже давно завязал теснейший контакт с Томсеном. Лоуэлл — бывший заместитель министра сельского хозяйства и известный адвокат — докладывал об этом У. Donovanу в следующих выражениях: Томсен собирается после войны остаться в США, бросить дипломатическую службу и заняться коммерцией. «Моим всегдашним намерением, — заявил Томсен Лоуэллу, — было установить дружбу между Германией и США. Мои усилия в этом направлении хорошо известны как в Германии, так и в Соединенных Штатах». Если бы Соединенные Штаты оказали «более активную политическую поддержку Германии против Англии и Франции и поддержали бы в 1918 году германскую парламентскую систему, то не было бы войны в Европе».

Дальнейшее развитие бесед Лоуэлла и Томсена — если верить американским документам — похоже на дурной детектив. Donovan, узнав о настроениях Томсена, поручил Лоуэллу предложить Томсену 1 миллион долларов за то, чтобы тот перешел на американскую сторону и остался в США. На это Томсен ответил так: «Возможно, что я буду заинтересован... также в моральной и материальной помощи в моих последующих усилиях взять правительство под контроль¹, если внутренние условия оправдают подобные попытки. Располагая неограниченными фондами, я смогу достичь успеха. Конечно, я согласен с тем, что правительство, которое я сформирую, будет проводить политику, соответствующую целям Со-

¹ Речь идет о немецком правительстве.

единенных Штатов и подлинным интересам немецкого народа».

Даже со скидкой на стремление Лоуэлла приукрасить своего подопечного трудно представить себе, что можно было серьезно воспринять обещания Томсена «сформировать правительство», то есть образовать немецкое эмигрантское правительство в США (это было сказано в сентябре 1940 года, когда Гитлер хозяйничал в Европе!). Тем не менее меморандум Лоуэлла стал предметом серьезных дискуссий в Вашингтоне — вплоть до декабря 1941 года, когда США вступили в войну и Томсен благополучно отбыл на родину. Чем объяснить готовность Донована и иже с ним проявить такую доверчивость к явно несостоятельному плану? Один из биографов Донована дает примечательный ответ: «Томсен был не больше и не меньше, чем страстным германским националистом и антикоммунистом». Как видно, антикоммунизм так слепил глаза многим американским деятелям того времени, что они не могли правильно распознать ни своих друзей, ни врагов...

Что скрывается за этой полуавантюрной историей? Умелая операция Донована или, наоборот, акция гитлеровской разведки? В пользу второго предположения говорит личность Томсена. Профессиональный дипломат (с 1919 года), он в 1932 году перешел в ведомство имперской канцелярии, где остался после прихода Гитлера к власти — вплоть до 1937 года. Здесь он был референтом по делам министерства иностранных дел, внешней торговли и иностранной прессы. В его задачу входило готовить для Гитлера обзоры печати, обеспечивать прием иностранных гостей, присутствовать во время приема их рейхсканцлером. Он регулярно бывал на заседаниях кабинета, когда обсуждались внешнеполитические вопросы. Таким образом, Томсена едва ли можно считать наивным дилетантом, которого можно купить (даже за миллион долларов!).

После столь важного поста в имперской канцелярии Томсен был направлен в Вашингтон, где стал советником-посланником. Когда же посла Дикхофа временно отозвали, Томсен фактически возглавлял посольство (с 1938 года). Его донесения в Берлин свидетельствуют, что он хорошо знал закулисный мир Вашингтона.

После возвращения из США Томсен продолжал свою

деятельность в имперском министерстве иностранных дел и не вызывал никаких подозрений со стороны «всезнающей» службы безопасности СС. Таким образом, можно считать акцию Донована не успехом, а провалом американской разведки.

Меморандум Альберта Плесмана

Две концепции западной политики ясно вырисовались в борении сил на пороге войны и в первый ее период: первая — противостояние гитлеровской агрессии и вторая — сговор с фашистской «осью» во имя «мирного» передела сфер влияния — иными словами, во имя новой империалистической перекройки карты мира. Не надо сегодня доказывать, что эти концепции были несовместимы. Тогда же на Западе пытались доказать, что Германии следует «умиротворить», удовлетворить ее «законные требования» и мир сразу будет спасен. Подразумевалось, конечно, что будет спасен мир капиталистический, а если агрессия будет направлена на Восток, против Советского Союза, то это даже лучше... Архивы дают немалый материал для понимания всего тогда происходившего, и мы сейчас познакомимся с одним из таких красноречивых «досье». Оно относится к лету 1940 года, то есть к тому периоду второй мировой войны, когда Франция была повержена, над Англией шли воздушные бои, а в штабах вермахта уже шла интенсивная разработка плана «Барбаросса». Именно в это время на стол генерал-фельдмаршала Германа Геринга лег меморандум, который излагал перспективы войны и позиции в ней Соединенных Штатов:

«Мир стоит в настоящий момент перед решением, которое, возможно, не имеет себе равных в человеческой истории. Наиболее крупные державы, вступившие в нынешний конфликт, — Германия и Англия. Если они достигнут соглашения, гарантирующего длительный мир, это окажет определяющее воздействие на ход мировых событий...

...Народы можно разделить на пассивные и активные. Англия и Германия принадлежат к числу активных, ибо имеют склонность к руководству более пассивными малыми и слабыми народами.

Изменения в международных отношениях нагляднее всего видны в положении США. Они освободились от

европейской опеки и после мировой войны 1914—1918 годов выросли в мощное и процветающее государство, но оно вело себя слишком робко в деле влияния на мировые события, не оказывало на него большого влияния.

Нежелание Соединенных Штатов вступать в более тесные отношения с другими государствами может быть преодолено в том случае, если Англия и Германия объединятся и достигнут тесного сотрудничества, не вступая при этом в противоречия с США. Это означает, что США с самого начала присоединятся к двуединому союзу и тем самым превратят его в коалицию трех мощнейших государств мира. Такая коалиция умиротворяюще подействует на ситуацию на Дальнем Востоке, что удовлетворит не только эти страны, но и Францию, Нидерланды и, возможно, заинтересует и другие государства...

Сотрудничество Соединенных Штатов будет в огромной мере зависеть от того, каким образом Англия и Германия достигнут соглашения. Следует нейтрализовать враждебное отношение к Германии, которое в последнее время возникло в Америке и может перерасти во враждебное отношение ко всей Европе. Это отношение должно смениться интересом к сотрудничеству...»

Кто же был автором этой записки, представленной на рассмотрение второго лица в гитлеровском рейхе? Д-р Альберт Плесман — человек из делового мира, в течение долгих лет возглавлявший одну из крупнейших авиакомпаний тогдашней Европы — голландскую КЛМ¹. Конечно, голландские фирмы по своему масштабу не всегда могли во всем сравниться со своими партнерами в Сити и на Уолл-стрит. Но они тоже были не из «последних». Ведь мировой нефтеконцерн «Ройял датч-шелл» был англо-голландским, а голландские заморские владения придавали фирмам из Амстердама особый вес. Что касается КЛМ, то она была тесно связана как с Германией (в частности, с вездесущим «Дойче банк»), так и с Англией.

Итак, д-р Плесман решил заняться большой политикой. Как он сам признавался, идея «передела мира» пришла к нему в 1937 году — до первых актов фашистской агрессии.

¹ Меморандум Плесмана и связанные с ним материалы находятся в архиве мюнхенского Института современной истории под сигнатурой 409/52.

«Еще в октябре 1937 года,— писал он Герингу,— я пришел к убеждению, что необходимо найти базу для сотрудничества... Я набросал такой план для Африки, предусматривавший создание сообщества девяти держав... с целью эксплуатации Африки¹. 7 ноября 1937 года мы обсуждали этот план с Муссолини... Мне сказали, что у итальянского премьер-министра нет возражений, если я по этому вопросу обращусь к британскому премьеру. На эту тему я беседовал с сэром Горасом Вильсоном».

Как известно, в 1937 году Вильсон вместе с Чемберленом немало преуспели в политике «умиротворения» агрессора, уступая Германии одну позицию за другой. Но это не помогло: война разразилась. Все же Плесман не считал свой план снятым с повестки дня. Сразу после 1 сентября 1939 года он предложил голландскому правительству свои услуги в качестве посредника между Берлином и Лондоном. Голландские политики, не чувствуя нависшей над ними угрозы, решили угодить Берлину: Плесман тогда же, в 1939 году, написал Герингу письмо, и сам Гитлер считал необходимым сохранять секретные каналы связей.

На этот раз во имя все той же идеи «нового передела» сфер влияния Плесман представил программу прекращения военных действий. Он предлагал, чтобы Германия отвела свои войска из Польши. Для «поддержания порядка» на польской территории (!) заменить их должны были... бельгийско-голландские полицейские части. Затем должны были начаться политические (в Брюсселе) и экономические (в Гааге) переговоры между Англией и Германией о «новом европейском порядке». Дело приобрело вполне определенные очертания — вплоть до того, что Черчилль (тогда еще не занимавший поста премьер-министра и озабоченный интригами «умиротворителей») считал нужным проинформировать посла США в Лондоне Кеннеди, а тот доложил о голландском посредничестве в Вашингтон.

Однако ни Гитлер, ни Геринг вовсе не собирались уходить из Польши. Поэтому, как ни соблазнительна была перспектива компромисса, зондаж голландского дельца осенью 1939 года не дал практических результатов. Но он был повторен осенью 1940 года! Не послед-

¹ В число девяти входили Англия и Германия.

ную роль в этом сыграла позиция США, президент которых, по словам западногерманского исследователя Бернда Мартина, «принадлежал к числу активных сторонников идеи кондоминиума сильных», то есть соглашения о разделе сфер влияния.

Плесман действовал солидно. Сначала он обсудил свои идеи с голландскими экономистами и дипломатами. Последние посоветовали ему использовать давний канал связи с Герингом. Плесман направился в Берлин, благо в качестве пилота в компании КЛМ служил граф фон Розен — племянник первой жены Геринга. 22 июля 1940 года Плесмана приняли в имперском министерстве авиации. Его собеседниками были ближайшие сотрудники Геринга, пришедшие в полный восторг от плана раздела мира: Американский континент — для США, Британская империя — для Англии, Европа — для Германии. Вслед за этим Плесман был принят Герингом в его загородной резиденции «Каринхалль», а через несколько дней встретился с ним в Гааге.

Плесман настойчиво выдвигал свои предложения и — что небезынтересно! — в качестве важного аргумента приводил экономическое превосходство США, которые внесут свою долю в «кондоминиум сильных». В его меморандуме по поводу США говорилось: «Тесное сотрудничество между Англией и Германией окажет благоприятное влияние на США. Факт для настоящего времени весьма важный. В ноябре этого года состоятся президентские выборы, и станет ясно, в каком направлении пойдет эта великая держава. Роль и цель Америки будут определены на долгие годы, и именно поэтому принять решение нужно сейчас. Ведь если достичь выгодных результатов, то можно будет сдерживать враждебное отношение (к Германии. — Л. Б.), нарастающее сейчас в Соединенных Штатах. Наоборот, можно будет создать дух сотрудничества». Плесман ставил весь свой далеко идущий проект в зависимость от позиции США.

Однако Гитлер не собирался прекращать свою агрессию, и компромисс с Англией ему не был нужен. Он собирался поставить Англию на колени и тогда говорить с ней, да и с Соединенными Штатами, другим языком — языком оружия. Геринг отмежевался от голландского дельца, а немецкие оккупационные власти на всякий случай арестовали Плесмана. Очередная попытка сговора потерпела крах.

Но вот пришел решающий для хода второй мировой войны 1941 год; он был решающим и для позиции США в этой войне. С момента нападения Германии на Советский Союз изменился сам характер войны, и перед западными державами, пожинавшими плоды мюнхенской политики, встал поистине исторический вопрос: готовы ли они преодолеть свои антикоммунистические предрассудки и во имя спасения собственных народов объединиться в единую антигитлеровскую коалицию с Советским Союзом?

**Full understanding
was reached with
regard to the urgent
tasks of creating a
Second Front in
Europe in 1942**

*from Mr. de Gaulle's statement on the Treaty
between Britain and the Soviet Union
House of Commons, June 19, 1942*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

«Не только наша война»

...Эта книга сейчас стала библиографической редкостью. Ее автор — А. А. Трояновский.

В конце 30-х годов мне выпало счастье познакомиться с Александром Антоновичем. Вернувшись в 1938 году из США в Москву, Александр Антонович продолжал внимательно наблюдать за жизнью США. Хотя болезнь мешала ему, ветеран советской дипломатии был очень активен, много читал, выступал с лекциями, охотно делился своим огромным опытом. Мы, молодые студенты, затаив дыхание слушали его рассказы. Как только началась Великая Отечественная война, Александр Антонович стал заведующим отделом переводов Советского Информбюро, где и проработал до последних дней своей жизни. В 1942 году вышла его книга, о которой я говорю: «Почему США воюют против гитлеровской Германии».

Действительно, почему? Ответ на этот вопрос был особенно важен тогда, во время войны, важен он и сейчас, много лет спустя после ее окончания. Многочисленные опросы свидетельствуют, что очень многие граждане США, в том числе люди с университетским образованием, свято убеждены, что США воевали не против Германии, а против Советского Союза. Такой опрос, проведенный газетой «Нью-Йорк таймс» в 1985 году, показал, что в этом были уверены 28 процентов опрошенных, а 44 процента не знали, что СССР и США были союзниками. Но если заглянуть в прошлое, то мы увидим, что и тогда вопрос о позиции США в войне был

одним из центральных пунктов острого столкновения внутривластных сил в США.

Книга А. А. Трояновского невелика — в ней немногим больше 100 страниц. Но она методично и систематично, на огромном историческом материале раскрывает факты и причины, закономерно приведшие США в лагерь антигитлеровской коалиции. Автор напоминает о взаимоотношениях США и кайзеровской Германии (на Тихом океане и в Европе), о вмешательстве Германии в американские дела. Далее рассматриваются период после первой мировой войны, первые трения между США и гитлеровской Германией, проникновение гитлеровской агентуры на Американский континент, сложности внешнеполитического положения США, пресловутый изоляционизм, противоречивый курс США, Англии и Франции в канун новой войны, говорится о целях гитлеровской агрессии, о том влиянии, которое оказало на США нападение Германии на Советский Союз. Тем самым автор как бы подводит читателя к пониманию факторов, заставивших США принять свое решение.

«По существу, — писал А. А. Трояновский, — война гитлеровской Германии против СССР является все той же войной за мировое господство против Англии и Соединенных Штатов, но другими путями и на другой территории...

«Мир неделим» — и на этот раз в том смысле, что для победы над Англией Германия нуждается в победе над Советским Союзом, а для победы над Соединенными Штатами — в победе над Англией. Эти три этапа мировой войны, по последним планам Гитлера, требуют сейчас сосредоточения всех фашистских сил против Советского Союза с тем чтобы, в случае успеха на первом этапе, вооружиться всеми военно-промышленными и продовольственными ресурсами Советской страны и броситься «обеими руками» на Англию. Если будет пройден удачно второй этап, то война вступит в третий этап. После намеченного поражения Англии все будет сделано для разгрома фашистами Соединенных Штатов»¹.

Замечу: в распоряжении А. А. Трояновского тогда, в 1942 году, не было документов Нюрнбергского процесса и других секретных документов, в которых излагались

¹ Трояновский А. А. Почему США воюют против гитлеровской Германии. М.: Госполитиздат, 1942, с. 77—78.

намерения гитлеровского государства. Но благодаря научному марксистскому анализу событий автор точно прочитал тайные помыслы претендентов на мировое господство. И с полным правом констатировал:

«Надо отдать себе ясный отчет в том, что советско-германский фронт в настоящее время представляет собой основную преграду, которую стремится преодолеть гитлеровская Германия для того, чтобы идти дальше по пути подчинения себе всего мира, всего человечества. Это не только наша война, но и война Англии, Соединенных Штатов и всего прогрессивного человечества... Президент Рузвельт говорил, что помощь странам, борющимся с фашистской агрессией, оказывается «не в порядке благотворительности и сочувствия, а в качестве средства обороны Америки»¹.

А. А. Трояновский был убежден в искренности этих слов президента США, с которым не раз встречался и беседовал в годы своей важной дипломатической миссии, внесшей большой вклад в дело развития советско-американских отношений. Верил он в честные намерения президента, который при расставании сказал ему в 1938 году:

— Да, скоро разразится мировая война.

И добавил:

— Я надеюсь, что в этой войне мы будем на одной стороне.

С тем большей надеждой советский дипломат заканчивал свою книгу словами: «Соединенные Штаты Америки и Великобритания имеют все возможности для выполнения своих обязательств, для нанесения сокрушительного удара с Запада по гитлеровским разбойничьим ордам. Нужно только перейти к решительным действиям и пустить в ход все огромные вооруженные силы, какими Великобритания и США располагают»².

Почему же это не свершилось сразу, в 1941 году? Чтобы рассказать о событиях того бурного и очень сложного времени, я обращусь к одному важному источнику, который с полным правом может считаться самым увлекательным предметом чтения и изучения. Речь идет не о детективном романе; а о сборниках, выпущенных комис-

¹ Трояновский А. А. Почему США воюют против гитлеровской Германии..., с. 78.

² Там же, с. 111.

сией МИД СССР по публикации дипломатических документов. Однако по своей драматичности материалы — донесения советских послов, телеграммы из Москвы в адрес послов, записи бесед с иностранными деятелями — не уступают литературным произведениям. Сама история дышит на страницах архивных документов.

Из дипломатической хроники второго фронта (1)

...Название — второй фронт — говорит за себя. Второй — ибо первым и в то же время главным и решающим в минувшей войне все признавали советско-германский фронт. Именно поэтому наш мысленный взор должен снова обратиться к раннему утру 22 июня 1941 года — к злодейскому нападению гитлеровской Германии на Советский Союз.

Итак, лето 1941 года. Половина Европы — под нацистским сапогом. Лишена самостоятельности Австрия, расчленена Чехословакия. Оккупированы Польша, Дания, Норвегия, Греция, Албания, Югославия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Идет воздушная война против Англии. Блок агрессоров объединяет Германию, Италию, Венгрию, Финляндию, Румынию, Японию, Испанию.

Соединенные Штаты — вне войны.

На рассвете 22 июня вермахт колоссальными силами начинает свою главную операцию — план «Барбаросса», рассчитанный на быстрый разгром Советского Союза и его покорение как предпосылку к мировому господству. В армии вторжения — 190 дивизий, 4300 танков, 5000 самолетов. В Западной Европе остаются лишь незначительные силы: Гитлер обещает своему генералитету, что там второго фронта не будет и «роковые ошибки» первой мировой войны, приведшие к поражению Германии, не повторятся.

События на советско-германском фронте определяют ход истории. За колоссальными битвами с затаенным дыханием следят во всем мире, в том числе в Лондоне и Вашингтоне. С исходом сражений на этом фронте политические деятели во всех странах связывают свои расчеты.

Естественно, советские дипломаты информируют свое правительство о позиции стран, в которых они работают.

Напомним: эти доклады были написаны под свежим впечатлением событий — их авторы не знали тогда секретных документов Лондона и Вашингтона. В частности, они не знали прогнозов английских и американских военных, которые считали, что Советский Союз продержится 6—7 недель (английский генштаб) или 1—3 месяца (военный министр США Генри Стимсон). Не знали они и о том, что говорилось на секретных совещаниях на Даунинг-стрит и в Белом доме.

...О нападении гитлеровской Германии советский посол в Англии И. М. Майский узнал из сообщения лондонского радио и уже около часу дня был у министра иностранных дел Антони Идена, который заверил, что политика британского правительства в отношении СССР будет «дружественной и отзывчивой». Вечером того же дня по радио выступил премьер-министр Черчилль, который категорически отверг идею о возможных переговорах с Гитлером и обещал Советскому Союзу «всю ту помощь, на которую способна Англия». Но какую именно?

Этот вопрос ставил себе и посол. Тем более что уже 24 июня во время дебатов в палате общин лейборист Эньюрин Бивен поставил вопрос о необходимости открыть второй фронт в Европе. Именно эту тему советский посол решил обсудить с одним из крупных политических деятелей страны лордом Бивербруком. Лорд входил в английский военный кабинет, однако не был настолько связан своим положением (как, скажем, Черчилль или Иден), чтобы не высказать своего отношения к этому серьезнейшему вопросу. Встреча состоялась 27 июня. На следующий день посол сообщал в Москву:

«...Бивербрук заявил, что Британское правительство готово принять все возможные меры для ослабления нажима немцев на СССР. В частности, в качестве «личного предложения» Бивербрук высказал мысль о том, что Англия могла бы не только еще усилить бомбежку Западной Германии и Северной Франции (что она в значительной степени уже сейчас делает), но также направить часть своего флота в район Мурманска и Петсамо для морских операций против немцев. Бивербрук говорил также о возможности крупных рейдов на северный французский берег, то есть временного захвата таких пунктов, как Шербур, Гавр и тому подобное. Если Советское правительство поставило бы перед Британским правительством

вом вопрос о более тесной кооперации в военной области, Британское правительство охотно обсудило бы, что можно сделать»¹.

Так идея второго фронта впервые появилась в дипломатической документации. Правда, без малого три года пришлось ждать ее реализации, но тем важнее отметить, что именно вокруг этой идеи сосредоточивались дипломатические и общественные дискуссии. После беседы И. М. Майского с Бивербруком нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов пригласил 29 июня английского посла в Москве Стаффорда Криппса и заявил, что «...все предложения Бивербрука Советское правительство считает правильными и актуальными...»². В записи беседы читаем:

«Учитывая эти предложения, Молотов заявил, что ввиду происходящего сейчас мощного наступления германских и финских частей в районе Мурманска, не говоря уже о том, что имеется крупный нажим и на всех остальных фронтах, Советское правительство специально отмечает актуальность участия английских военных кораблей и авиации в этом районе. Военно-морская помощь со стороны Англии в районе Петсамо и Мурманска была бы как раз своевременной. Однако, разумеется, желательны всемерное усиление действий английской авиации против Германии и на западе, а также десанты на побережье Франции. Молотов отметил заявление Британского правительства, что если возникнут какие-либо вопросы помощи, то оно всегда будет готово их обсудить. В настоящий момент Советское правительство такой вопрос ставит и, ввиду его актуальности, желало бы иметь положительное решение»³.

Но положительного решения не последовало. Более того: когда сообщение Криппса пришло в Лондон, то Иден пригласил к себе И. М. Майского и, указав на шифровку Криппса, стал выпрашивать: с кем именно посол беседовал о втором фронте? В шифровке, на его взгляд, что-то напутано.

Майский сказал:

— Моим собеседником был лорд Бивербрук.

Иден дал послу понять, что недоволен «нарушением

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М.: Политиздат, 1983, т. 1, с. 53.

² Там же.

³ Там же, с. 53—54.

компетенции». Хотя он и пообещал поставить вопрос на обсуждение кабинета, явно ощущалось его отрицательное отношение. Действительно, идеи Бивербрука не нашли поддержки.

Этот вопрос был задан прибывшей в Москву английской военной и экономической миссии — ответа не было дано. В. М. Молотов заметил в беседе с Криппсом: «...Технические переговоры слишком затягиваются, и... они могут вообще происходить без конца. Такая постановка вопроса может сделать всю операцию в районе Мурманска совершенно непрактичной. Время в настоящий момент очень дорого...»¹

Хотя 8 июля в послании И. В. Сталину Черчилль говорил о подготовке «серьезной операции» в Арктике «...с целью согласования будущих планов»², но на деле советское предложение, увы, реализовано не было. 15 июля правительство СССР повторило предложения, касающиеся района Мурманска и освобождения Норвегии, а также о желательной высадке английских войск на островах Шпицберген и Медвежий. Время торопило. Шло Смоленское сражение, вермахт рвался к Москве и Ленинграду. Именно в эти дни в Лондон пришло послание И. В. Сталина на имя премьер-министра. В этом важном документе, датированном 18 июля 1941 года, говорилось:

«...Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»³.

Итак, вопрос был поставлен прямо и на самом высоком уровне. Ответ пришел неожиданно скоро — более чем скоро. Черчилль на этот раз даже не передал его на рассмотрение военных. Когда И. М. Майский 19 июля лично вручал премьеру послание, тот, высказав положительное отношение к «северному варианту» (что, кстати,

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 61.

² Там же, с. 68.

³ Там же, с. 185.

не имело практических последствий), возразил «против создания фронта в Северной Франции». Посол сообщал: «...попытка установить сколько-нибудь прочный фронт на севере Франции кажется Черчиллю нереальной»¹.

Эту свою позицию Черчилль официально подтвердил в послании от 21 июля, сославшись на наличие во Франции 40 немецких дивизий и «сплошную цепь укреплений»², а также на слабость английских войск. Мы здесь не будем приводить мнение ряда военных историков, которые впоследствии доказали несостоятельность английских аргументов. Важен факт: советское предложение натолкнулось на отказ. Практически это был уже второй отказ, если учесть нежелание провести операцию в районе Мурманска.

Июль и август 1941 года прошли в сложных и малорезультативных переговорах не только по данному вопросу, но и о поставках вооружения, а также о заключении политического соглашения. 26 августа, посетив Идена, советский посол сказал министру:

«Разумеется, мы благодарны Британскому правительству за те 200 «Томагавков»³, которые были переданы нам около месяца назад и которые до сих пор еще не доставлены в СССР, но по сравнению с нашими потерями в воздухе, о которых я только что говорил,— что это значит? Или еще пример: мы просили у Британского правительства крупных бомб—министр авиации в результате длинных разговоров в конце концов согласился исполнить нашу просьбу, но сколько же бомб он дал нам? Шесть бомб—ни больше и ни меньше. Так обстоит дело с военным снаряжением...

Что еще мы имеем от Англии? Массу восторгов по поводу мужества и патриотизма советского народа, по поводу блестящих боевых качеств Красной Армии. Это, конечно, очень приятно (особенно после тех всеобщих сомнений в нашей боеспособности, которые господствовали здесь всего лишь несколько недель назад), но уж слишком платонично. Как часто, слыша похвалы, расточаемые по нашему адресу, я думаю: «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей». С учетом всего сказанного выше надо ли удивляться чувствам недоуме-

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 87.

² Там же, с. 89.

³ Название самолета.

ния и разочарования, которые сейчас все больше закрадываются в душу советского человека? Ведь фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем»¹.

Посол докладывал, что на Идена его слова произвели большое впечатление. Оправдываясь, тот заметил, что он и Черчилль хотят «оказать СССР максимальную помощь. В силу разных причин это не всегда легко сделать»². Прав ли был И. М. Майский в своих действиях? Не превысил ли он полномочия? Жизнь показала, что не превысил. 30 августа непосредственно на его имя была отправлена телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров СССР:

«Ваша беседа с Иденом о стратегии Англии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения. По сути дела, Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке — сегодня русских, завтра англичан. То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан.

Сталин»³.

Последующие события, к сожалению, подтвердили эту оценку. В Лондоне слышать о высадке во Франции не хотели, а Мурманскую операцию под благовидными предложениями фактически сорвали. 3 сентября — в момент нового обострения ситуации на советско-германском фронте, когда бои шли у Киева и возникала угроза возобновления наступления на Москву, — Советское правительство в очередном послании И. В. Сталина с большой настойчивостью повторило свое предложение «...создать уже в этом году второй фронт...»⁴, который бы

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 105—106.

² Там же, с. 108.

³ Там же, с. 109.

⁴ Там же, с. 112.

оттянул с советского фронта 30—40 немецких дивизий. Ответ? Вот рассуждения Черчилля, которые зафиксировал И. М. Майский:

«Черчилль ответил, что он понимает наше положение и полон самого горячего желания оказать нам помощь всеми доступными ему средствами. Он клялся, что готов пожертвовать 50 тысячами английских жизней, если бы он мог оттянуть с нашего фронта хотя бы 20 германских дивизий. Он признает важность того, что в течение одиннадцати недель мы ведем борьбу против Германии одни лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчет Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке. Однако Черчилль и на этот раз повторил то, что я слышал от него раньше: вторжение во Францию невозможно»¹.

Горько было читать эти строки в Москве, к которой рвались нацистские полчища. Советский народ должен был надеяться лишь на свои силы. Именно поэтому, несмотря на исключительно тяжелое положение, Советский Союз не поднимал вопроса о втором фронте ни во время московской Конференции представителей СССР, Великобритании и США в конце сентября—начале декабря 1941 года, ни во время визита Идена в Москву в декабре 1941 года. О настроениях в Англии И. М. Майский писал в конце года:

«Впервые со времени прихода Черчилля к власти в палате чувствовалось сильное «настроение» и раздалась действительно сильная критика Британского правительства в связи с его позицией в отношении СССР... Любопытная деталь: когда после заседания я покинул парламент, ко мне вдруг подошел совершенно незнакомый мне молодой солдат и с сильным волнением в голосе произнес: «Я хочу Вам только сказать, мистер Майский, что мне стыдно за мою страну»².

6 ноября 1941 года в осажденной Москве И. В. Сталин в своей речи на торжественном заседании, проходившем в подземном зале станции метро «Маяковская», говорил:

«Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. Дело в том, что в настоящее время на

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 114.

² Там же, с. 162.

Европейском континенте не существует каких-либо армий Великобритании или Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками... Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи...»¹

Если на советско-германском фронте действовали более 200 дивизий противника, то на остальных «фронтах» — точнее говоря, на фронтах, которых практически не существовало! — оставались: во Франции, Голландии, Бельгии — 38, в Норвегии и Дании — 9 гитлеровских дивизий. Когда же вскоре вермахт потерпел первые сокрушительные поражения под Москвой, Ростовом и Тихвином, то (с декабря 1941-го по апрель 1942 года) были заменены и переброшены с Запада 39 дивизий и 6 бригад, в том числе из Франции — 18. Во Франции оставались дивизии ослабленного состава, несшие охранную службу, а в резерве ставки Гитлера были всего-навсего 5 дивизий и 3 бригады! С другой стороны, Англия находилась в состоянии войны с 1939 года. Поражение Франции было уже позади. Английский экспедиционный корпус — 338 тысяч человек — успешно эвакуировался с континента. В английских доминионах была проведена мобилизация. Англию твердо поддерживали Соединенные Штаты Америки. Иными словами, реальная возможность для действий с целью хоть немного оттянуть войска с Восточного фронта была. Но ею не воспользовались.

Гитлер торжествовал. 30 сентября 1941 года он заявил: «Утверждали, будто придет второй фронт. Когда мы начинали нашу атаку на Востоке, предсказывали, что второй фронт — у дверей. Мол, будьте предусмотрительны. Мы не обращали внимания и вместо этого маршировали дальше».

Вермахт продолжал маршировать, и в декабре 1941 года Черчилль, отправляясь в Вашингтон, писал в мемуарном документе, озаглавленном «Атлантика»:

«Главными факторами в ходе войны в настоящее время являются поражения и потери Гитлера в России. Мы не можем сейчас предсказать, как это повлияет на немецкую армию и нацистский режим. До сих пор этот режим существовал благодаря легко и дешево одерживаемым победам. Теперь вместо предполагаемой быстрой и

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 166.

легкой победы ему предстоит зима, полная больших потерь в живой силе и огромных расходов горючего и снаряжения.

Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали».

Итак, «никакого участия» США и Англии — пусть русские истекают кровью! Этот циничный расчет, о котором в «Нью-Йорк таймс» еще 24 июня 1941 года писал тогда малоизвестный сенатор Гарри Трумэн, а в Англии разделялся министром авиационного производства страны Дж. Мур-Брабазоном, был не только частным мнением отдельных политиков. В отчете государственного департамента США, составленном в июне 1941 года, прямо указывалось: «Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу о помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении наших будущих отношений с Советским Союзом».

Позиция Вашингтона

Листая страницы архивных документов 1941 года, мы чаще обращались к донесениям из Лондона — и это понятно. Если речь могла идти о совместной борьбе против агрессора, о непосредственной помощи Советскому Союзу, то советские государственные, военные и дипломатические деятели в первую очередь могли рассчитывать на Англию, которая находилась в состоянии войны с Германией, а не на США, пока еще сохранявшие нейтралитет. Но было понятно и другое: без участия США в войне Великобритания не пойдет на решительные действия.

Обратимся же к донесениям из Вашингтона. Вот первое развернутое сообщение от 22 июня 1941 года, пришедшее в Москву от советского посла К. А. Уманского:

«Буквально вся Америка живет только вопросами германского нападения на нас. Однако картина первой реакции значительно более пестрая, чем в Англии:

1. В широкой среде трудящихся и мелкобуржуазной публики, настроенной в основном изоляционистски, но

искренне антифашистски, явный подъем нашей популярности, которому за истекшие с момента нападения 18 часов имеем десятки примеров в виде дружественных обращений к посольству, включая ряд просьб о принятии добровольцами в Красную Армию. В этих широких массах в связи с изменением характера войны после нападения на нас следует ожидать быстрого падения изоляционистских настроений, что отчасти диктуется и иллюзией, что фашистская опасность для Англии уменьшилась, следовательно, и перспектива прямого включения США в войну отдалилась. Это падение изоляционизма укрепляет внутривнутриполитические позиции Рузвельта (...).

2. Реакционные изоляционисты Гувер, Линдберг и вся антирузвельтовская фашиствующая группировка сразу показали свое лицо, например заявление Уилера, что советско-германской войне надо радоваться, а коммунизму помогать нечего. Эта группа республиканцев и отдельных демократов плюс группа наших профессиональных врагов типа Буллита — Бэрли, плюс католическая иерархия уже начали, судя по ряду признаков, осуществлять давление на Рузвельта и взбешены выступлением Черчилля. Агентура этих людей крепко сидит в аппарате госдепартамента, влиятельного морского министерства, имеет влияние в прессе, например, скриппс-говардовской. Но хотя это и оппозиционное меньшинство внутри господствующих сил, у него имеются фашиствующие массовые организации, широкие связи, мощный аппарат пропаганды. Именно от этой группы и исходит основное тормозящее давление на Рузвельта по вопросу о сотрудничестве с нами в духе речи Черчилля. Рузвельт с этими кругами борется, но с ними считается, и в его непосредственном окружении имеются агенты этой клики, которые в недавнем прошлом сумели закрепить его на антисоветских позициях. В частности, Рузвельт боится влиятельных католиков.

3. Относительно прогрессивное крыло американского правительства (Икес, Моргентхау, Гопкинс) взяло благоприятную для нас линию — распространение на нас закона о снабжении вооружением взаймы и в аренду, фактически союзные отношения в духе заявления Черчилля. Выражением этой линии являются известные Вам по сообщению ТАСС заявления сенатора Пеппера (с ним у нас хорошие отношения). Но и эта группа, хотя и очень близка к Рузвельту и давит на него, является меньшинственной...

4. Рузвельт, правительственный лагерь в целом и рузвельтовское большинство в конгрессе заняли сегодня по вопросам германского нападения на нас молчаливую, выжидательную позицию, которая, наверное, завтра прояснится, но пока что на фоне как нельзя более полезного, адресованного прямо США выступления Черчилля, еще более бросилось в глаза как доказательство колебаний, вытекающих из указанных групповых противоречий...

Сегодняшнее молчание американского правительства отражает стоящий перед Рузвельтом нелегкий выбор: слишком явного разрыва между линией своей и Черчилля он никак допустить не может, а стать целиком на черчиллевскую позицию боится по внутривнутриполитическим соображениям.

Перспектива победы немцев для него неприемлема, ибо угрожает Англии и в конечном счете планам США, перспектива же нашей «слишком» сокрушительной победы и влияние на всю Европу его пугает с классовых позиций. Весь Рузвельт и его политика состоят сейчас из зигзагов между этими противоречиями. А запасы классовой ненависти к нам в США очень велики»¹.

Действительно, «запасы классовой ненависти» продолжали свое действие очень долго. Тем более что за предыдущие годы, как мы имели возможность убедиться, была создана широкая «инфраструктура» тайных межимпериалистических связей между Германией и Англией и Германией и США, которая функционировала как в канун второй мировой войны, так и в ее первый период. В 1941 году ей снова пришлось быть запущенной в ход.

Сегодня мы можем сказать: анализ советского посла был точен, хотя он не знал и не мог знать содержание многих документов, которые после войны были преданы гласности. Близкий к Рузвельту человек — Роберт Шервуд, возглавлявший бюро военной информации, опубликовал ряд свидетельств, характеризующих обстановку в Белом доме после 22 июня.

Первое из них принадлежало военному министру, который, по его собственным словам, «за последние 30 часов почти все время размышлял о германо-русской войне» и пришел к таким выводам:

— Германия «будет основательно занята минимум

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М.: Политиздат, 1984, т. 1, с. 42—43.

месяц, а максимально — три месяца задачей разгрома России»; за это время она «оставит или отсрочит» все другие военные планы (от вторжения в Англию до действий в Средиземноморье и возможной агрессии в Южную Америку);

— нападение Гитлера на СССР представляет собой «дар providения», который позволит США обеспечить защиту Западного полушария.

Как видим, Стимсон не был слишком оптимистичен в оценке возможностей Советского Союза (британский генштаб давал такие же прогнозы). Но было бы несправедливым игнорировать и другое: в Белый дом поступали и иные предложения, куда более близкие к подлинным интересам Соединенных Штатов. «Самыми разумными» Шервуд называет идеи, содержащиеся в меморандуме видного политического деятеля Герберта Баярда Соупа. Прочитируем его:

«Мы противники догмы коммунистов и нацистской догмы.

За двадцать семь лет — с тех пор как Россия стала коммунистической — Советы никогда серьезно не угрожали нашим национальным интересам и нашему укладу жизни. Однако за два года безумного похода Гитлера, предпринятого им с целью порабощения всего мира, возникла серьезная угроза самому нашему существованию как свободного народа.

Потенциальные квислинги в нашей собственной стране пытались внести раскол в нашу среду. Они старались вызвать расовые и религиозные разногласия; они обещали, что, умиротворив нацистов, мы обречем мир и спокойствие.

Теперь мы видим, какая это мрачная трагедия — мирный договор с нацистами. После того как были уничтожены одна за другой пятнадцать стран, положившихся на обещания нацистов, мы видим теперь еще одну жертву.

Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер. Он и его безбожные нацисты — главная угроза миру, справедливости и безопасности. Путь к нашей безопасности — разгром Гитлера.

В этот момент, как и всегда, мы должны помнить, что наша главная сила в единстве, а величайшая опасность — в разногласиях».

Прекрасные слова! Того же мнения, что и Соуп, при-

держивался бывший посол в СССР Джозеф Дэвис. Когда война в России шла уже две недели, он написал:

«Соппротивление русской армии более эффективно, чем все ожидали. По всей вероятности, результаты будут зависеть от воздушной мощи. Если Гитлер будет господствовать в воздухе, в Белоруссии и на Украине произойдет, вероятно, то же самое, что случилось во Фландрии и во Франции, а именно — мы увидим неспособность сухопутных войск, не имеющих защиты с воздуха, отражать комбинированные атаки авиации, механизированных войск и пехоты...

...Я не забываю о том, что в нашей стране есть значительные группы людей, ненавидящие Советы до такой степени, что они желают победы Гитлера над Россией. Гитлер играл на этой струне в Европе последние шесть лет, извлекая большие выгоды для себя и подрывая «коллективную безопасность». Это, если возможно, следует нейтрализовать. Попыткам Гитлера может быть дан хороший отпор, если Сталин получит какое-то заверение, что, невзирая на идеологические разногласия, наше правительство бескорыстно и без предубеждения желает помочь ему разгромить Гитлера...»

Кто же были эти «группы людей», о которых писал Дэвис?

Вот, к примеру, Уильям Буллит. После 22 июня он заявил: «Мы должны быть счастливы, что происходит эта борьба между Сатаной и Люцифером. Будем надеяться, что Россия и дальше будет истреблять германские войска. Но не надо быть настолько слепыми, чтобы использовать ее поддержку в установлении мира». Такова была вполне определенная концепция. Сэмнер Уэллес характеризовал ее так: «Многие финансовые круги США были твердо убеждены в том, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией лишь соответствует их собственным интересам. Россия, по их мнению, должна была неминуемо потерпеть поражение, и это повлекло бы за собой крах большевизма».

Упомянутые Уэллесом круги не только ожидали «краха большевизма». Печально известный комитет «Америка прежде всего» призывал правительство США принять участие в «крестовом походе» против большевизма. Комитет добивался не «вступать в войну под флагом Сталина». Для них Гитлер был желанным союзником. Так, когда упоминавшийся выше бывший посол Соединенных

Штатов в Брюсселе, ведущий изоляционист Кадэхи 25 мая 1941 года — буквально на пороге немецкого нападения на СССР — был принят Гитлером, он рассыпался в похвалах фюреру. В протоколе беседы записано: он (Кадэхи) находился «под глубоким впечатлением от стратегического гения фюрера» и «надеется, что окажет своей стране услугу, если удержит ее от вступления в войну». В сентябре 1941 года журнал «Лайф» опубликовал прогитлеровские дифирамбы Кадэхи.

Что касается Линдберга и его единомышленников, то они развернули кампанию травли Советского государства. Гитлеровская агрессия вызвала у них ликование. Вот образцы из документов комитета «Америка прежде всего»:

«Нам не опасны ни конкуренция Гитлера на рынках, находящихся вне нашего полушария, ни Европа под господством нацистов» (11 сентября 1941 года).

«Еще в 1938 году я призывал Англию и Францию позволить немцам осуществить экспансию на Восток» (Линдберг, 10 октября 1941 года).

Совершенно недвусмысленным было обращение одной из руководящих деятельниц комитета, актрисы и летчицы Лауры Инголлс. Оно было адресовано германскому посланнику Гансу Томсену: «Настанет день, когда я буду приветствовать триумф великого фюрера и великого народа. У меня уже заготовлена телеграмма «Зиг хайль!», которую я пошлю Вам...»

Могут сказать: это уже крайности, в США господствовали иные настроения. Но при всей отрицательной реакции американской общественности на германскую агрессию в тиши кабинетов планировались действия, которые объективно шли на пользу агрессору.

Известен следующий — по хронологии первый после нападения Гитлера на СССР — эпизод. Он связан с именем нью-йоркского дельца Ф. Сталлфорта. Сталлфорт был давним знакомым бывшего немецкого посла в Риме Ульриха фон Хасселя. И, как считает западногерманский исследователь П. Гофман, «хотел помочь сохранению шаткого мира между Германией и США». Весной 1941 года он приехал в Германию и остался там надолго, добиваясь приема у Риббентропа. Встретившись с ним в сентябре, Сталлфорт предложил направить Хасселя в Рим, чтобы начать там переговоры с послом США. Дру-

гим возможным эмиссаром он назвал Шахта, визит которого предлагался прямо в США. Риббентроп не пошел на это (видимо, в сентябре 1941 года, когда было сделано предложение, в Берлине хотели выждать «падения Москвы»). Зато Хассель, который принадлежал к консервативной оппозиции, использовал Сталлфорта, чтобы передать свой вариант компромисса с США: устранение Гитлера, возвращение Германии к границам 1933 года (однако оставляя за рейхом Австрию, Данциг¹ и Саар), отказ союзников от репараций. Сталлфорт действовал не на свой страх и риск: он был связан с военной разведкой США. В октябре Сталлфорт сообщил Хасселю, что для вышеупомянутой программы «в Америке есть хорошая почва».

Сам Хассель упоминает в своем дневнике и другие попытки установить связь с Западом — с Буркхардтом через агента-двойника Лангбена, через Гизевиуса, Герстенмайера и других. Но особенно полезным для него оказался американский журналист Луис Лохнер. Через Лохнера в США были направлены развернутые предложения. В частности, когда германские оппозиционеры решили осведомиться о точке зрения Рузвельта на возможность реставрации в Германии Гогенцоллернов, то в ноябре 1941 года в Берлине была устроена встреча с Лохнером, который обещал довести до сведения Белого дома этот вопрос².

Здесь отметим следующий важный факт: в июле 1941 года Рузвельт учредил Управление координатора информации во главе с Уильямом Донованом. С этого момента родился мощный центр — не только информации, но и тайной дипломатии. Вступая на этот пост, Донован поставил ряд условий. Еще 26 апреля он писал военному министру, что такую организацию должен возглавить человек, «который, будучи назначенным президентом, станет персонально ответственным только перед ним и более никем». Далее, во время встречи с Рузвельтом в июне, он повторил, что примет пост, если:

- будет докладывать только самому президенту;
- станет получать финансовые средства из специального президентского фонда (т. е. бесконтрольно);

¹ Бывшее название г. Гданьска.

² Рузвельт отнесся к этому крайне отрицательно.

— все правительственные учреждения будут снабжать его необходимой информацией.

Так были заложены основы значительной самостоятельности (и безответственности!) будущего разведывательного ведомства, чем Донован активно пользовался все военные годы, действуя вопреки политической линии Рузвельта. Первоначально ведомство координатора информации состояло из двух основных частей — собственно стратегической разведки и информационной «ветви». Последнюю возглавил близкий к Рузвельту либерально настроенный драматург Роберт Шервуд. Затем эта служба была выделена как специальное бюро военной информации. Собственное «хозяйство» Донована получило название Управления стратегических служб — УСС. Оно росло быстро: от 92 человек летом до 600 к концу года.

Конечно, не все сотрудники УСС были крайними реакционерами или закоренелыми изоляционистами. Но его ядро имело одно вполне определенное свойство: оно рекрутировалось из представителей крупнейших монополий и банков. Первым заместителем Донована стал полковник Бакстон — владелец крупной текстильной фирмы из Новой Англии, вторым заместителем — Отто Дёринг, известный адвокат и сотрудник юридической фирмы Донована с 1929 года. Вот другие новоявленные разведчики: адвокаты крупных финансовых и промышленных компаний Чарльз Бэйн и Роберт Турн, будущий вице-президент «Чейз манхэттен бэнк» Джон Вильсон, директор «Стандард ойл компани» Тэрнер Макбэйн, сотрудник «Юнайтед стил» Луис Рим, владелец крупной фирмы на Гавайях Этертон Ричардс. За ними маршировали Эндрю Меллон из династии Меллонов, миллионер Дэвид Брюс, сын Джона Пирпонта Моргана, родственники Вандербильтов, Дюпонов, Райанов (не было только Рокфеллеров, которые имели собственную разведку) и, наконец, Аллен Даллес — совладелец банка Шредеров, адвокат крупных фирм.

Среди этих людей нетрудно заметить и тех, фирмы которых в довоенное время имели теснейшие связи с германским деловым миром. Такими были и сам Донован, и Даллес. От «Стандард ойл компани» шли нити к «ИГ Фарбениндустри», от «Чейз нэшнл бэнк» — к «Дойче банк». Как мы увидим, по этим нитям потянулись многие секретные операции УСС.

Проще быть пристрастным, чем объективным. Но история в отличие от некоторых исторических повествований очень редко бывает однозначной, и не хочется, чтобы читатель мог упрекнуть меня в необъективном подборе фактов и высказываний, когда я, рассказывая об обстановке в США летом — осенью 1941 года, познакомил его в первую очередь с недоброжелательными, даже враждебными высказываниями в адрес нашей страны, подвергшейся агрессии. Но ситуация отнюдь не определялась только воплями Линдберга или сентенциями Трумэна — Буллита. Было другое, куда более ободряющее: настроения в пользу решительных действий против Гитлера. Они в конечном счете победили, и в этом историческая заслуга принадлежит Франклину Делано Рузвельту и его единомышленникам. Однако для того, чтобы они победили...

Об этом и будет рассказ.

Осенью 1941 года Рузвельт и высшее военное командование страны напряженно работали над планами действий в новой обстановке, значительно усилившей угрозу, нависшую над США и всем миром. Так родился документ, который назывался: «Мнение объединенного комитета относительно общей производственной программы Соединенных Штатов». По требованию президента в нем давалась оценка военного положения, на основе которой должна была строиться эта программа. Документ получил кодовое название «Рейнбоу-5», был датирован 11 сентября 1941 года и подписан начальниками штабов — генералом Маршаллом и адмиралом Старком. Готовился он давно — еще с апреля, но после 22 июня был переработан.

Я заранее прошу извинения за длинные цитаты. Однако иначе нам будет трудно войти во «внутренний мир» военно-политической верхушки США. А это очень нужно!

Итак, обратимся ко второму разделу «Рейнбоу» — «Основная военная политика»¹:

«...5. Основные национальные цели Соединенных Штатов, относящиеся к области военной политики, могут быть в общем охарактеризованы следующим образом:

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, т. 1, с. 634—635.

сохранение территориальной, экономической и идеологической целостности Соединенных Штатов и остальной части Западного полушария; предотвращение распада Британской империи; предотвращение дальнейшего расширения территориального господства Японии; создание в конечном счете в Европе и Азии равновесия сил, которое вернее всего обеспечит политическую стабильность в этих районах и будущую безопасность Соединенных Штатов и, насколько это возможно, создание режимов, благоприятствующих установлению экономической свободы и гражданских свобод.

6. Поскольку главные территориальные интересы Соединенных Штатов находятся в Западном полушарии, очень важно, чтобы Соединенные Штаты выделили соответствующим образом размещенные вооруженные силы, которые при любых случайностях, действуя в сотрудничестве с вооруженными силами других американских держав, могли бы успешно предотвратить распространение на Западное полушарие европейской или азиатской политической или военной мощи даже в том случае, если Британское содружество наций потерпит крах.

7. Достижение одной лишь этой цели не приведет к успешному решению всех национальных политических задач, упомянутых в параграфе 5; *эти национальные задачи могут быть полностью осуществлены лишь в результате военных побед, одержанных за пределами нашего полушария, либо вооруженными силами Соединенных Штатов, либо вооруженными силами дружественных держав, либо теми и другими»*¹.

Таковы были основные принципы американской стратегии, причем в последнем, 7-м пункте выражался один из самых важных моментов подхода ко всей второй мировой войне, а именно: решающие битвы должны вестись за пределами Западного полушария, а не на собственной территории США, когда она подвергнется нападению.

Далее в документе говорилось:

«8. Если Германии удастся покорить всю Европу, она может пожелать затем установить мир с Соединенными Штатами на несколько лет, чтобы укрепить свои завоевания, восстановить экономику и увеличить свои военные силы, с тем чтобы в конечном счете завоевать Южную

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс..., т. 1, с. 635.

Америку и одержать военную победу над Соединенными Штатами»¹.

Итак, в Вашингтоне прекрасно понимали опасность. Как же оценивались перспективы войны?

«...10. Полагают, что свержение нацистского режима в результате действий народа Германии является в ближайшем будущем маловероятным и что это не произойдет, пока Германия не окажется на грани военного поражения. Но даже в том случае, если в Германии будет создан новый режим, нет никакой уверенности, что такой режим согласится на приемлемые для Соединенных Штатов мирные условия.

11. Считая мнение, изложенное в предыдущем параграфе, правильным, объединенный комитет полагает, что Германия и ее европейские сателлиты не могут быть разгромлены европейскими державами, сражающимися теперь против нее. Поэтому для разгрома наших европейских противников необходимо вступление Соединенных Штатов в войну и использование части вооруженных сил США в наступательных операциях в восточной части Атлантики, а также в Европе или Африке.

12. Объединенный комитет считает также, что, если при нынешних обстоятельствах Япония двинется против англичан в Малайе и против голландцев в Голландской Индии, английские и голландские войска, по-видимому, не смогут оказать успешное сопротивление такому продвижению при отсутствии активной военной помощи Соединенных Штатов. Сейчас еще нельзя предугадать результаты нападения Японии на Восточно-Сибирскую Советскую Республику»².

В разделе III («Возможный характер основной стратегии противника») генерал Маршалл и адмирал Старк предполагали:

«16. Нынешние основные стратегические цели Германии, а также средства, с помощью которых она пытается их достигнуть, по-видимому, заключаются примерно в следующем:

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс..., т. 1, с. 635—636.

² Так в оригинале. Нельзя сказать, что познания американских штабов об СССР были точными. Очевидно, среди авторов были участники американской интервенции в Сибири в 1918—1920 гг., одной из целей которой было создание марионеточной Восточно-Сибирской республики.

а) Завоевание европейской части России, уничтожение русских армий и свержение советского режима. Такова задача, стоящая перед германской армией и германскими военно-воздушными силами, и выполнением ее, несомненно, будет занята в течение нескольких месяцев большая часть ее вооруженных сил. Возможность успешного достижения этой цели все еще неясна...»¹

А вот выводы:

«...21. Объединенный комитет убежден, что первой основной целью Соединенных Штатов и их союзников должен явиться полный военный разгром Германии. Если Германия будет разгромлена, рухнет вся ее европейская система, и Япония, весьма вероятно, будет вынуждена отказаться от многих из своих территориальных приобретений, если только она не закрепится уже настолько прочно, что Соединенные Штаты и их союзники не смогут найти достаточные силы для продолжения войны против нее. ...Основной стратегический метод, который следует применить Соединенным Штатам в ближайшем будущем, должен заключаться в том, чтобы материально поддерживать нынешние военные операции против Германии и усилить их путем активного участия Соединенных Штатов в войне и в то же время держать Японию в узде в ожидании дальнейшего развития событий...

Поддержание действующего фронта в России до сих пор дает наиболее верную возможность добиться успеха наступления против Германии на суше, поскольку одна лишь Россия обладает соответствующими людскими резервами, находящимися достаточно близко от центра германской военной мощи... Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами»².

Как видим, «Рейнбоу» содержал в себе вполне трезвые суждения. Если учесть, что он в основном разрабатывался еще до вступления США в войну, когда изоляционистские настроения не только были сильны, но и преобладали во влиятельных кругах, то достоинства

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс..., т. 1, с. 638.

² Там же, с. 641—642, 645—646.

«Рейнбоу» очевидны. Ведь план исходил из правильных посылок:

- необходимости вступления в войну и активного участия США в антигитлеровской войне;
- безотлагательной поддержки Советского Союза;
- признания невозможности разгрома Гитлера без активных действий в Западной Европе;
- нежелательности сговора с Германией.

Конечно, это еще не был план «Оверлорд» — план открытия второго фронта в Европе. Да и оценки Советского Союза хотя и были не такие пораженческие, как в июне, но все-таки допускали «отбрасывание за Урал» Советских Вооруженных Сил. Зато в документе было вполне ясно сказано, что успех советского сопротивления жизненно необходим для национальных интересов США.

Но вот вопрос: почему же так медленно воплощались в жизнь идеи «Рейнбоу»? В качестве одного из ответов расскажем о поразительной — и удручающей! — истории дальнейшей судьбы плана, который, безусловно, не устраивал заклятых антикоммунистов в вашингтонских «коридорах власти».

...Практические работы над документом, который готовился на протяжении двух лет, были сосредоточены в руках бригадного генерала Леонарда Джероу — начальника отдела военного планирования. Вся документация была совершенно секретной, и доступ к ней жестко ограничивался. Каковы же были удивление и ужас сотрудников военного министерства, когда утром 4 декабря 1941 года, развернув свежий номер вашингтонской газеты «Таймс геральд», они прочитали огромный заголовок:

«Военные планы ФДР¹! Цель — десять миллионов под ружьем, половина из них — за океаном. Предлагается срок высадки для разгрома нацистов 1 июля 1943 года».

В статье говорилось: «Секретный доклад, подготовленный объединенным командованием армии и флота под руководством президента Рузвельта, требует создания американских экспедиционных войск в составе 5 миллионов человек, которые должны начать заключительный наземный удар по Германии и ее сателлитам. Он предусматривает общую численность вооруженных сил в 10 045 658 человек...» Доклад выражает общее мнение

¹ То есть Франклина Делано Рузвельта.

стратегов армии и флота о том, что «Германия и ее сателлиты не могут быть разгромлены европейскими державами, сражающимися теперь против нее». Поэтому «для разгрома наших европейских противников необходимо вступление в войну и использование ее вооруженных сил в оборонительных операциях в восточной части Атлантики, а также в Европе и Африке». Дата начала последней, решающей операции — 1 июля 1943 года.

Как можно видеть, цитаты — почти дословные (изменено лишь «наступательные» операции на «оборонительные»). Можно представить, какой шум подняла антирузвельтовская пресса: нарушение нейтралитета! Обман конгресса! В свою очередь, посланник Томсен доносил в Берлин 4 декабря, что публикация «вызвала здесь сенсацию», что документ абсолютно аутентичен и «безусловно не вызовет восхищения в стане союзников» США. Рузвельт был вынужден отказываться отвечать на все вопросы журналистов. Но что же произошло?

Ирония судьбы: единственным человеком, который утром 4 декабря не прочитал «Таймс геральд», был полковник Альберт Ведемейер — ближайший сотрудник генерала Джероу. Но именно на него были обращены глаза всех офицеров отдела военного планирования и именно его вызвал к себе помощник военного министра Джон Макклой. Он встретил полковника недвусмысленной фразой:

— На руках того, кто это сделал, — кровь!

Полковнику было заявлено, что виновник будет предан суду военного трибунала. Когда же Ведемейер вернулся в кабинет, то его ожидала еще одна неприятность: прибывший сюда сотрудник ФБР держал в руках экземпляр «Рейнбоу» с подчеркиваниями, сделанными Ведемейером. Именно эти фразы и были опубликованы в прессе. Казалось, круги подозрения замкнулись на полковнике — и далеко не случайно.

Альберт Ведемейер был человеком определенной репутации. Сам немецкого происхождения, он окончил не только американский военный колледж, но и военную академию в Берлине. За два года учебы близко сошелся с тогдашним начальником генштаба генерал-полковником Людвигом Беком, чему активно способствовал немецкий военный атташе в США генерал-лейтенант Фридрих фон Бёттихер. Вернувшись на родину, Ведемейер продолжал свои берлинские контакты. Другой сферой его привязан-

ности были члены комитета «Америка прежде всего». Еще в Германии будущего полковника познакомили с Чарлзом Линдбергом: небезызвестный Трумэн Смит приставил молодого капитана Ведемейера переводчиком к летчику. В Вашингтоне Ведемейер еще более тесно сошелся с Линдбергом, председателем комитета генералом Вудом, его единомышленником адмиралом Стэфордом Хупером и, разумеется, с вернувшимся из Берлина Трумэном Смитом. Так сложился кружок военных, ставших регулярными гостями германского посольства. А на Капитолийском холме опорой кружка стал сенатор Бэртон Уилер из штата Монтана.

О подготовке «Рейнбоу» (другим, более поздним названием документа стало «Программа победы») уже шли толки в Вашингтоне. В октябре 1941 года об этом даже появилась заметка в «Уолл-стрит джорнэл». Увы, власти не обратили внимания на утечку информации. Зато она вызвала интерес как в нацистском посольстве, так и в кружке военных недругов Рузвельта. Впоследствии ФБР установило, что 3 декабря поздно вечером некий молодой офицер отдела военного планирования в чине капитана, нарушив все строгие правила, взял домой несколько сот страниц документа из специального сейфа. Положив их в пакет, он вынес сверхсекретные материалы из здания министерства, а придя домой, позвонил сенатору Уилеру и договорился о встрече.

— Вы не боитесь вручить мне, сенатору, самый секретный документ, который только существует в Америке? — спросил Уилер.

— Конгресс — это часть правительства, — ответил пришелец и передал Уилеру документы. Сенатор был в восторге: в его руках оказалось свидетельство того, что Рузвельт «лгал», обещая удержать США от вступления в войну. Тут же был вызван вашингтонский корреспондент изоляционистской газеты «Чикаго трибюн» и ее вашингтонского издания «Таймс геральд» Чесли Манли — человек, вхожий в немецкое посольство. Манли изготовил газетный вариант сенсационного сообщения и показал его своему редактору. Однако тот в последний момент испугался: а вдруг газету обвинят в разглашении военной тайны? Стали советоваться с хозяином газеты, полковником Робертом Маккормиком, заклятым врагом президента. Того угрызения совести не мучили: газета вышла 4 декабря с сенсационным сообщением.

Кстати, ФБР так и не нашло источника «утечки». Считалось, что подозревать можно было пронемецкого бразильского генерала Кавальканти, сенаторов Уилера и Уолша, наконец, Ведемейера. Однако уличить никого «не удалось». «Молодого капитана» так и не нашли, хотя английский радиоперехват точно зафиксировал, что немецкое посольство сообщило шифром из Вашингтона в Берлин текст «Рейнбоу». Видно, Уилер передал его не только в газеты.

Вот какая сложная судьба оказалась у этого важного документа. Но 7 декабря 1941 года...

США ВСТУПАЮТ В ВОЙНУ

Из дипломатической хроники второго фронта (2)

7 декабря 1941 года вероломным нападением на Пёрл-Харбор Япония начала войну против США. На следующий день конгресс объявил войну японскому агрессору, а 11 декабря Германия объявила войну США. И хотя непосредственное противостояние вооруженных сил было «локализовано» Дальним Востоком и боевыми действиями против Японии, Соединенным Штатам необходимо было определить и свою роль в борьбе против гитлеровской Германии.

Обратимся к дипломатическим документам конца 1941 — начала 1942 года. Уже 8 декабря президент Рузвельт принял советского посла М. М. Литвинова и заверил его, что новое развитие событий не отразится на обещанной Советскому Союзу помощи. Рузвельт с пониманием отнесся к решению Советского правительства соблюдать нейтралитет по отношению к Японии, поскольку в ином случае была бы ослаблена сила советского сопротивления гитлеровским полчищам. Президенту было заявлено, что «...главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия, ввиду чего ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам»¹. Рузвельт сказал послу, что он «...на нашем месте поступил бы так же»².

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 144.

² Там же, с. 145.

20 января 1942 года, проанализировав обстановку, М. М. Литвинов запросил Москву: «...не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на Европейском континенте?»¹ Однако в ответ на запрос нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов отправил 4 февраля 1942 года такую шифровку: «Мы приветствовали бы создание второго фронта в Европе нашими союзниками. Но Вы знаете, что мы уже трижды получили отказ на наше предложение о создании второго фронта, и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте перед Рузвельтом. Подождем момента, когда, может быть, сами союзники поставят этот вопрос перед нами»².

Да, Советский Союз не собирался просить милостыню. Он был уверен, что жизнь заставит руководителей Англии и США отбросить предрассудки и понять, что открытие второго фронта — в их собственных интересах. К этому призывало и общественное мнение западных стран, где в конце 1941 — начале 1942 года все чаще высказывалось требование перейти к активным действиям. 28 октября 1941 года временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко телеграфировал в Москву:

«Митинг, созданный вчера в Нью-Йорке комитетом медицинской помощи Красной Армии «Рашен уор релиф»³, прошел с очень большим подъемом. Самый большой в Нью-Йорке зал, вмещающий до 25 тысяч человек, был переполнен. Много желающих не смогли попасть на митинг ввиду отсутствия мест. Список ораторов и содержание речей переданы ТАСС. С замечательной речью выступил Джозеф Дэвис (бывший американский посол в Москве)...

К концу митинга выступил лорд Галифакс⁴. Ему досталось немало. Со всех углов неслись крики: «Почему не открываете второй фронт?» и «Почему не открываете новый фронт?»⁵...

В марте 1942 года советское посольство в США отмечало, что призывы к открытию второго фронта находят

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 149.

² Там же, с. 150—151.

³ Комитет помощи России в войне.

⁴ Посол Великобритании в США.

⁵ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 133.

благоприятную почву и отклик на страницах газет, а в апреле сообщило, что «чем больше поражений японцы наносят англичанам и американцам, тем громче становятся требования общественности относительно второго антигитлеровского фронта»¹. Эти настроения не могли не учитывать в Белом доме. 11 апреля 1942 года посол Литвинов докладывал:

«В мое отсутствие (я только что вернулся из Филадельфии) сегодня утром Рузвельт вызвал Громыко, которому вручил текст личного послания Сталину. Он заявил, что считает более целесообразным передать послание нашим кодом, который, по его мнению, более надежен. Текст послания передаю отдельно.

Рузвельт зачитал текст послания и заявил, что он, как и Сталин, является реалистом и хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта. Он считает, что это можно сделать летом этого года, не откладывая. Рузвельт, по мнению Громыко, явно имел в виду открытие второго фронта»².

В новом послании выражалось желание обсудить эти вопросы прямо с В. М. Молотовым. 14 апреля, получив соответствующее указание из Москвы, посол уточнил вопросы, которые Рузвельт хотел обсудить с наркомом:

«...Я передал Рузвельту Ваше пожелание выяснить конкретные вопросы, которые он намерен обсуждать с Вами. Рузвельт вначале хотел отделаться ссылкой на свое послание, где цели приглашения определены, а именно создание второго фронта. Когда я указал, однако, что это слишком общо, что желательно знать конкретнее, президент сообщил следующее. Он со своими советниками пришел к заключению о необходимости оказания нам помощи созданием нового фронта против Гитлера. Обсуждались 4 варианта.

1. Через Персидский залив на Кавказ, но это слишком далеко по морю.

2. Наступление из Египта на Триполи и затем нападение на Италию. Но это тоже далеко и не означало бы нападения на Гитлера.

3. Наступление на Триполи через Марокко, Алжир и Тунис. Но этим французы были бы брошены в объятия немцев.

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 159.

² Там же, с. 158.

Путем исключения они пришли к варианту о высадке во Франции»¹.

Действительно, вопрос об открытии второго фронта стал важной темой визита В. М. Молотова в США в мае 1942 года. Протокол состоявшихся переговоров гласит:

«Рузвельт заявляет, что он считает, вопреки мнению многих американцев, необходимым в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией. Поэтому он готов сделать все в 1942 году, чтобы облегчить бремя борьбы СССР против Гитлера. Рузвельт советовался со своими военными. Они, как узкие специалисты своего дела, всегда видят трудности. Но мы должны толкать их вперед. Рузвельт просил, чтобы для помощи СССР сделать больше того, что возможно. США к концу года будут иметь в своем распоряжении армию в 4 миллиона человек и флот с численным составом в 600 тысяч человек. Американские военные считают, что вторжение в Европу может быть произведено через Англию»².

Обсуждение этого вопроса завершилось принятием СССР и США соглашения от 11 июня 1942 года, а также англо-советского коммюнике от 12 июня 1942 года. В них недвусмысленно говорилось о намерении открыть второй фронт в 1942 году. Обещание было дано, но...

В августе 1942 года Черчилль посетил Москву, и выяснилось совсем иное. Премьер-министр стал объяснять, что до сентября у союзников нет достаточных средств для высадки, а в сентябре портится погода. Зато США и Англия «...готовятся к большим операциям в 1943 году».

Итак, обещание оказалось не только невыполненным, но, как выяснилось, к его реализации даже не собирались приступать. Более того, союзники начали саботировать военные поставки — вплоть до того, что были сняты с уже готового к выходу в Мурманск каравана 150 самолетов «Аэрокобра». Это вызвало естественное возмущение в Москве — ведь в это время бушевало Сталинградское сражение! Можно понять И. В. Сталина, когда он телеграфировал послу в Англию И. М. Майскому 19 октября 1942 года:

«У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 162—163.

² Там же, с. 178.

сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе»¹.

США и Англия, хотя и по разным соображениям, были едины в стремлении оттягивать открытие второго фронта. 14 августа 1942 года в Москву направил письмо советник посольства СССР в США. В нем, в частности, указывалось:

«Вопрос о втором фронте в Европе, безусловно, волнует миллионы людей США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, на которых выражают свое отношение к данному вопросу, выносят резолюции, призывающие правительство Рузвельта ускорить открытие второго фронта. Широкие массы населения видят и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровских армий и ускорение победы союзных государств...

И все же, несмотря на требования миллионов об открытии второго фронта в Европе в нынешнем, 1942 году, нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к этому»².

Итак, в Вашингтоне — как и в Лондоне — противостояли друг другу две тенденции. Одна из них рождалась в огне сражений, под давлением расширения фашистской угрозы, которая заставляла западных политиков трезво смотреть на мир, на реальные потребности своих стран. Бомбы, упавшие на Лондон, а затем на Пёрл-Харбор, сметали циничные расчеты на то, что война «обойдется» лишь за счет жертв народов Советского Союза, а первые победы Красной Армии закладывали материальную основу для договоренности о сотрудничестве с Советским Союзом. Эта тенденция пробивала себе путь. Но мощными закулисными силами питалась другая тенденция, которая мешала США и Англии понять жизненную необходимость антигитлеровской коалиции. Эти силы, родившиеся задолго до войны, не исчезли с момента вступления США в войну.

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 294.

² Советско-американские отношения..., т. 1, с. 224.

«Братство» за работой

Воскресным днем 20 ноября 1985 года по улицам вольного ганзейского города Бремена в полном молчании двигалась необычная демонстрация. Ее участники — преимущественно молодежь — все были в черном, несли огромное черное полотнище с надписью: «Пусть наш народ научится никогда больше не угрожать другим народам». Демонстрация шла к заводам фирмы МББ¹, где юноши и девушки развернули фанерные стенды и начали раздавать прохожим листовки.

Что же это была за демонстрация? Мне попала в руки листовка с текстом, из которого все становилось ясным. Это оказались выдержки из дневника одной жительницы города, которой в 1943 году было всего лишь 16 лет. В нем она рассказывала о том, что каждый день мимо ее дома прогоняли под конвоем группы советских военнопленных. Гнали их из лагеря Даммакер (в просторечии «русского лагеря») на работу, на военный завод. «Шли они истощенные, в обносках. В задних рядах можно было видеть, как совершенно изможденных несли на руках. Бывало, кто-то падал, товарищи его подхватывали. Сегодня охранник ударил прикладом одного из узников, он упал. Вечером его уже не было в шеренгах».

Более 40 лет спустя молодые бременские антифашисты решили напомнить своим землякам о страшных днях фашизма, о страданиях, причиненных им другим народам, в первую очередь советскому.

— Мучения этих людей напоминают нам о необходимости бороться сегодня против опасности новой войны, — говорил у стенда молодой парень.

— А почему именно в этот день вы вышли на улицу? — спросил я.

— Сегодня в нашей стране так называемый День поминовения. Мы в последнее время провели большую работу по расследованию нацистских злодеяний в нашем городе, где страдали сотни ваших соотечественников. Поэтому мы решили провести марш молчания, причем по тому самому маршруту, по которому гнали узников.

— Куда?

— К заводской площадке, где они работали.

¹ МББ — сокращенное название фирмы «Мессершмитт—Бёльков—Блом», ставшей крупнейшей составной частью военно-промышленного комплекса ФРГ.

— На каком заводе?

— Это был авиазавод фирмы «Фокке-Вульф». Сейчас здесь предприятие крупнейшего в ФРГ военного концерна МББ...

«Фокке-Вульф», «Фокке-Вульф»! Это словосочетание крепко запало в память каждого, кому в годы войны приходилось испытать на себе удары гитлеровской авиации. Три зловещих названия: «Мессершмитт», «Юнкерс», «Фокке-Вульф» несли гибель советским людям, советским воинам. Помнится, лежа в траншее на берегу Дона, всматривался я в небо — будут бомбить паромную переправу или нет? Пройдут ли через нее машины нашего радиодивизиона? И вот слышится зловещий гул, а силуэты самолета малознакомые: «Юнкерсы» уже всем были известны, а вот эти четырехмоторные? «Фокке-Вульф-200», — пояснил кто-то. «Дальний. Идет бомбить тыл».

Но одного мы тогда не знали: что бременская авиационная фирма «Фокке-Вульф» была в значительной части... американской.

Могло ли такое быть? Выпущенные на американском заводе бомбардировщики — на службе Геринга, идут бомбить Сталинград? Увы, все возможно в том мире, где решают не совесть и честь нации, а прибыли.

Итак, вот эта позорная история. Когда в начале 30-х годов глава ИТТ Состенес Бен расширял свою всемирную телефонно-телеграфную империю, его путь вел и в Берлин. Здесь, побывав на приеме у Гитлера (об этом мы знаем), он завязал тесные связи с Герингом. Именно ему Бен оказал огромную услугу, приобретя 28 процентов акционерного капитала бременской фирмы «Фокке-Вульф». Сделано это было умело: формально эти 28 процентов перешли к «чисто немецкой» фирме «Лоренц АГ». Однако «Лоренц» уже давно принадлежала ИТТ вместе с другой крупной фирмой СЭГ.

Европейские филиалы Состенеса Бена приносили ему немалые прибыли, и он не собирался терять их из-за какой-то там войны. Например, после того как США вступили в вооруженную схватку с Гитлером, Бен — это было в марте 1942 года — отправился в Мадрид, где встретился с главой своего немецкого филиала Герхардом Вестриком — тем самым, который пытался по указанию Геринга организовать сопротивление избранию Рузвельта в 1940 году. В Мадриде обсуждался сугубо практи-

ческий вопрос — как улучшить систему связи Германии, ее авиации и флота? ИТТ заключил с германскими ВВС и ВМФ контракты на поставки телефонной аппаратуры, радаров, взрывателей (30 тысяч в год), систем воздушного оповещения; впоследствии ИТТ поставляла компоненты для «Фау-1» и «Фау-2», которые разрушали английские города. На долю стран «оси» выпадало добрых 13 процентов мирового объема операций концерна. Неудивительно, что центральное управление ИТТ не прерывало своих связей с заводами, работавшими в гитлеровской Германии и ее сателлитах. На процессе венгерского филиала ИТТ «Лоренц», состоявшемся после войны в Будапеште, эти связи были раскрыты. Вот выдержка из протокола допроса одного из директоров филиала Гейгера:

«Судья: Поддерживали ли американцы во время войны какие-либо контакты с фабрикой?

Гейгер: Контакты были.

Судья: Каким образом?

Гейгер: Они присылали своих представителей, которые раньше работали на берлинском филиале фирмы «Стандард». Уполномоченный бывшего берлинского завода «Стандард» контролировал наше предприятие и управлял им.

Судья: А это лицо поддерживало контакт с американцами в военное время?

Гейгер: Насколько я информирован — да.

Судья: Где?

Гейгер: За границей.

Судья: У меня есть данные, что вы сами поддерживали контакты. Вы знали, что полковник Бен часто бывал в Швейцарии?

Гейгер: Да, после вступления США в войну.

Судья: И тогда производство на ваших заводах не было затронуто?

Гейгер: Да, дело шло до самого конца войны».

Да, почти до самого конца войны — вплоть до того, что оборудование ИТТ использовалось вермахтом для системы перехвата, развернутой в Северной Франции на случай высадки англо-американских войск. Что же касается фирмы «Фокке-Вульф», то за годы войны бременские американо-немецкие авиастроители поставили для воздушных армд Германа Геринга:

— истребитель «Фокке-Вульф-190», который с 1941 года стал широко заменять известный Me-109 (это была

так называемая «программа Удета», названная по имени главного инспектора фашистской авиации);

— транспортный «Фокке-Вульф-200» (он же бомбардировщик, которому было присвоено название «Кондор») сыграл большую роль в борьбе люфтваффе против англо-американских морских конвоев;

— истребители Та-152, Та-153 и Та-154, которые в конце войны конструировались профессором Куртом Танком и на которые возлагались большие надежды.

И вот, мягко говоря, шутка истории: после окончания войны концерн ИТТ предъявил претензии американскому правительству... за ущерб, нанесенный его заводам в Германии в результате действий англо-американской авиации. Иск разбирался более 20 лет, и в 1968 году правительственная комиссия по урегулированию иностранных претензий вынесла решение: выплатить ИТТ 17 миллионов долларов, в том числе за ущерб заводам «Фокке-Вульф» — 5 миллионов. Так концерн нажился вдвойне: и за счет гитлеровской Германии, и за счет своего собственного государства. Поистине деньги не пахнут!

Американские власти установили десятки фактов прямого участия ИТТ в работе гитлеровской военной машины. В 1946 году министерство юстиции подготовило обвинительный акт против ИТТ и его европейского филиала ИСЭК (та же фирма «Стандарт»!), который — цитирую — «во время войны поддерживал контакты с фирмами в Англии, в нейтральных странах, а также, насколько это позволяли обстоятельства, с фирмами, находящимися во вражеских или оккупированных врагом странах под руководством нацистского агента Герхарда Вестрика. Вестрику во время войны Состенес Бен поручил руководство сетью заводов ИТТ в ряде стран и уполномочил представлять интересы системы ИТТ в Германии». Однако это обвинительное заключение так и не было подписано, и в 1947 году его отправили в архив. А как могло быть иначе, если Состенес Бен своей собственной персоной в форме полковника армии США появился сначала в освобожденной Франции, а затем в оккупированной Западной Германии, чтобы восстановить свою «европейскую империю»?

Если авиация Геринга летала на самолетах ИТТ, то моторизованные колонны Гудериана и Манштейна пользовались услугами других американских концернов — «Форд» и «Дженерал моторс». Заводы Форда в Кёльне

спокойно работали всю войну, хотя город был превращен в развалины. Кроме того, с 1940 года начал выпускать двигатели и автомашины фордовский завод в Пуасси; членом его правления был Эдзел Форд, получивший от госдепартамента США право неконтролируемой переписки со своим филиалом, работавшим на вермахт. Другой филиал Форда был создан в Оране (Алжир)—он работал на армию фельдмаршала Роммеля. Когда министерство финансов США занялось деятельностью этих предприятий, то констатировало, что их «характер отвечает интересам исключительно Германии». Но дальше констатации дело не пошло...

А как вели себя наши старые знакомые из базельского Банка международных расчетов (БМР)? В конце войны этот вопрос специально расследовало то же министерство финансов США. Его представитель Орвис Шмидт отправился в Базель, чтобы подробно побеседовать с американским представителем в БМР Маккитриком.

— Почему немцев устраивало то, как действовал банк в годы войны, и почему они продолжали платежи банку? — спросил Шмидт.

Банкир ответил:

— Для того чтобы это стало понятно, необходимо, во-первых, оценить всю меру доверия, которое ведущие банкиры испытывают друг к другу и степень их решимости вести честную игру...

О какой же «честной игре» шла речь? Маккитрик пояснил, что уже тогда, в годы войны, шла речь о предоставлении банковских займов «для послевоенного восстановления Германии». Когда же Шмидт спросил своего собеседника о судьбе золота, награбленного нацистами, тот сказал, что знает, где оно. Более того, он признал, что нацисты переправили часть этого золота в сейфы БМР.

— После войны вы его найдете тщательно отсортированным и учтенным! — заверил Маккитрик.

О каком золоте шла речь?

...Когда король Бельгии Леопольд III оказался интернированным немецкими войсками в загородном замке Лаакен, то счел нужным сообщить оккупантам, что золотой запас его страны находится во Франции и спрятан в местечке под Бордо. Король спросил: не будет ли Гитлер любезен вернуть это золото?

Любезность Гитлера? Как бы не так! Оккупанты стали

искать золото — как бельгийское, так и французское, — но отнюдь не для возвращения его хозяевам. Вишийское правительство не скрывало: да, бельгийский Национальный банк депонировал у своих французских коллег 4944 ящика, в которых находились 221 730 килограммов чистого золота. Кроме того, в распоряжении Банка Франции имелись 1208 ящиков (57 000 килограммов) польского золота, а также 10 тысяч килограммов золота, принадлежавшего Люксембургу, Норвегии, Чехословакии и другим странам. Но все эти запасы уже находились вне Франции: 18 июня 1940 года, через 20 часов после капитуляции маршала Петена, от причалов портов Брест и Лориент отошли тяжело груженные суда, в том числе крейсер «Виктор Шельхер» с золотом Бельгии. «Золотой караван» достиг Дакара через десять дней. Здесь ценности выгрузили и отправили железной дорогой в Сенегал — сначала в военный городок Тиес, а затем в глубь страны, в город Каес, находящийся в 670 километрах от побережья. Казалось бы, надежно?

Но захватчики не унывали. Не смущаясь в выражениях, глава немецкой делегации на «переговорах» Иоганнес Хеммен заявил президенту Банка Франции Бреару де Буасанже:

— Мы завоевали Бельгию! Теперь командуем мы. Все права и собственность перешли к нам!

Месье де Буасанже недолго сопротивлялся: когда Хеммен, не имея никаких полномочий на это, заявил, что Бельгийский банк желает «вернуть золото» из Сенегала, французский финансист принял это как должное. Дало свое согласие и правительство Виши. Так началась вторая «одиссея» бельгийского золота. Только на пути из Каеса в Тиес ящики перегружали четыре раза, дальше повезли железной дорогой до Куликоро, потом снова автомашинами, затем на лодках по Нигеру до Томбукту, старинными караванными путями через Сахару — на верблюдах и автомашинах-вездеходах — более 1700 километров до Бешара, наконец, снова по железной дороге до Алжира. Отсюда золотой груз был переброшен по воздуху в Марсель. Последний этап пути — в немецких военных вагонах до Берлина. 2 октября 1942 года Немецкий рейхсбанк подтвердил получение 4854 ящиков (кое-что, видимо, «пропало» по дороге).

Но главное было впереди: нацистской военной экономике нужно было золото, чтобы расплачиваться за сырье

и другое необходимое за пределами Германии — в Швейцарии, Швеции, других странах. Золотой запас страны был на исходе, а награбленное бельгийское золото, отлитое в слитках с соответствующими штемпелями, иностранные банки брать не хотели. Как быть? Надо было найти нетребовательного покупателя, готового пойти на нарушение правил международного финансового обмена. И эти покупатели нашлись — в первую очередь банк м-ра Маккитрика. Недаром в ноябре 1943 года специальный советник министерства финансов США Гарри Уайт заявил:

— Банк контролируется немцами. Германия действует очень хитро и надеется использовать его для восстановления своей финансовой мощи. В то время как наши американские парни сражаются с немцами, президент-американец ведет дела с немцами...

Газета «Нью-Йорк таймс» была такого же мнения, спрашивая: «Должно ли это означать, что в нашем столь безнадежно разорванном на части мире воюющие стороны молчаливо согласились сохранить своеобразный оазис?...»

Да, США согласились. Вслед за похищенным гитлеровцами в Вене австрийским золотом, осевшим в сейфах БМР, последовало золото чешское, оказавшееся в Берлине не без помощи руководителей БМР. Теперь была очередь за золотом бельгийским. Похищенные слитки (а также золотые коронки, снятые с жертв Освенцима) стали поспешно в Берлине переплавлять, ставить на слитках имперские штемпеля и отправлять в Швейцарию, в специально для этого оборудованное «депо» Рейхсбанка в Берне. Отсюда золото на 428 миллионов швейцарских франков перекочевало в БМР. Другим покупателем стал Швейцарский национальный банк: он выплатил за награбленные слитки Берлину 1,2 миллиарда франков. Причем господа банкиры в Базеле и Цюрихе прекрасно знали суть дела: ведь к концу 1938 года немецкие золотые запасы равнялись 70,8 миллиона марок (что равнялось 122 миллионам швейцарских франков). Откуда же взялись еще 1,6 миллиарда? Изучив все прямые и косвенные данные, швейцарский историк Вернер Рингс подсчитал: гитлеровская Германия в результате своих «транзакций» в Берне получила ни много ни мало — 3 миллиарда швейцарских франков на свои прямые военные нужды.

Но вернемся к американским поставщикам вермахта. Их «философию» отлично выразил президент «Дженерал моторс» Альфред Слоан в письме одному из акционеров компании: «Дженерал моторс» является международной организацией. Она действует почти во всех странах мира... Много лет назад—еще до прихода Гитлера к власти—«Дженерал моторс» вложила значительные средства в фирму «Адам Опель АГ». Эта операция принесла большую прибыль, и, отвлекаясь от политики, я полагаю, что в будущем, с точки зрения возможностей развития и получения прибылей, эта акция окажется равной, если не большей по значению, чем многие другие инвестиции нашей корпорации. Фирма контролирует около 50 процентов данной отрасли промышленности Германии... В этих условиях, я полагаю, мы должны вести себя как немецкая организация, привлекающая немецкий капитал».

Пожалуй, отчетливее не сформулируешь принципы «транснационального» предательства, легализирующего сотрудничество американских монополий с нацистскими агрессорами!

Есть и другой аспект. Когда сейчас многие западные историки и экономисты упорно повторяют легенду о «решающем вкладе» американских поставок в победу Советских Вооруженных Сил, то к их утверждениям надо сделать еще один серьезный корректив. Из тех нескольких процентов, которые действительно составили поставки США (мы за них были и остаемся благодарными!), необходимо вычесть те суммы, на которые ИТТ, «Дженерал моторс» и другие участники зловещего «братства» поставили вооружения Гитлеру.

УСС в действии

Год 1942-й. Завершилось победоносное наступление под Москвой, и оно возвестило на весь мир конец легенды о «непобедимом вермакте». Основная группировка немцев на советско-германском фронте потерпела сокрушительное поражение, откатившись на сотни километров на восток от Москвы. Советскую победу высоко оценило и общественное мнение Соединенных Штатов. Но это совсем не означало, что антикоммунистические силы в этой стране сложили оружие. Скорее наоборот.

Для того чтобы оценить действия США на фронтах

«тайной дипломатии» в 1942 году — первом для них году войны, необходимо учесть одно специфическое обстоятельство, которое до сих пор оставалось для нас как бы «за скобками», или, как выражаются при арифметических действиях, «в уме». Перед кардинальным вопросом — как относиться к гитлеровской Германии, какую позицию занять во всемирном конфликте? — стояли не только США. Возможный компромисс и сделку с гитлеризмом рассматривали представители не только американских промышленных фирм и банков. Это был, если можно так сказать, «общий знаменатель» для всех империалистических держав того времени, в первую очередь для Англии, претендовавшей на ведущую роль в мировой политике 20—30-х годов XX века. Поэтому многое, к чему Соединенные Штаты и их политические деятели приходили в 1942 году и позже, являлось как бы «пройденным этапом» для Лондона, для Форин оффис и уж подавно для Интеллидженс сервис — одного из наиболее опытных разведывательных ведомств западного мира.

Когда мы рассматривали внешнеполитическую деятельность прогерманских антикоммунистических кругов США в 1937—1939 годах, то отмечали, что они стояли на некоей периферии общих событий: ведь основные группы «мюнхенцев» функционировали не столько в Вашингтоне, сколько в Лондоне и Париже, а главное, нити закулисных связей тянулись из Берлина опять-таки не в Вашингтон и Нью-Йорк, а в Лондон. Более того: когда в берлинской имперской канцелярии вынашивали планы создания единой антисоветской коалиции, то в первую очередь старались заручиться согласием со стороны влиятельных английских кругов, определявших курс Британской империи. Теперь положение стало медленно меняться.

...С чего Уильям Донован начал свою деятельность, главным объектом которой, как само собой разумеется, являлась нацистская Германия? Архивы УСС (насколько они рассекречены) называют в качестве первой крупной операции так называемый «проект Джордж». Его руководителем стал американский делец немецкого происхождения Джордж Муле Мертенс, получивший американское гражданство в 1938 году. Он открыл и зарегистрировал в Нью-Йорке компанию «Уэстерн континентс». В действительности это была разведывательная организация, созданная англичанами и лишь весной 1942 года переданная Доновану. Мертенс до эмиграции слу-

жил в берлинском «Коммерцбанке» и был деятелем буржуазной республиканской организации Рейхсбаннер, близкой к Социал-демократической партии Германии. Попав в США в американско-немецкую фирму «Шеринг», он обнаружил, что она является «ширмой» для нацистской деятельности, и попытался начать против нее дело. Не получив поддержки от американских властей, Мертенс нащупал пути к бюро английской разведки в Нью-Йорке (знаменитой «комнате 371») и предложил ей свои услуги. Так была создана фирма «Уэстерн континентс».

По указанию Донована Мертенс начал искать «разведывательные источники» в самих США. Ими стали знакомый нам Путци — Эрнст Ханфштенгль, эмигрировавший из Германии, и другой — «главный источник» — эрцгерцог Отто Габсбургский, претендент на австрийский престол. Сиятельный отпрыск Габсбургов уже давно сделал ставку на западные державы как на средство вернуться в венский дворец Хофбург и получал немалые средства — по 50 тысяч фунтов стерлингов в месяц! — от британской разведки. Когда же последняя убедилась в бесполезности эрцгерцога, ему пришлось переселиться в США. Сообщение об этом легло на стол руководителя отдела УСС «по вопросам иностранных подданных» Девитта Пуля.

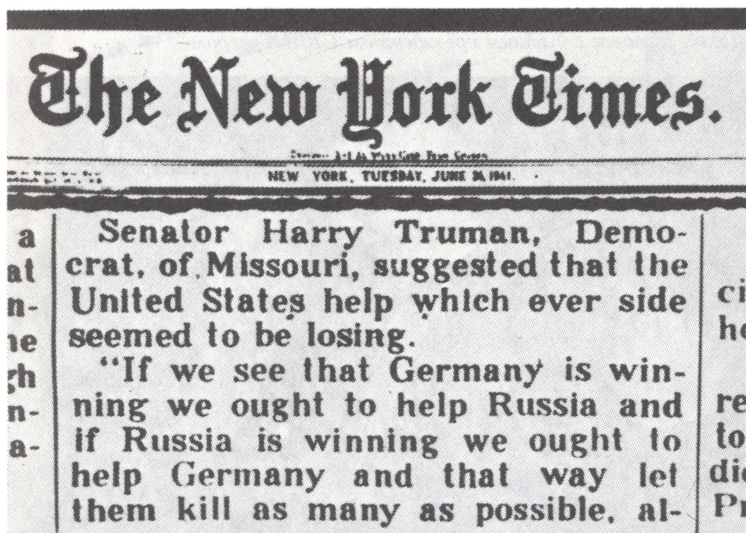
Девитт Пуль? Это имя заслуживает того, чтобы остановиться на нем для определения политической направленности американской разведки. Мы знаем, что Донован начал свою карьеру с участия в американской интервенции против Советской России. Он был у Колчака, а Пуль в то время занимал немаловажный пост американского генерального консула в Москве. И действовал...

Если открыть сборник документов государственного департамента за 1917—1920 годы, то там можно прочитать немало любопытных докладов м-ра Пуля. Так, до того как он попал в Москву, Пуль в декабре 1917 года побывал на Дону. «Добровольческая армия, — сообщал Пуль своим вашингтонским начальникам, — будет представлять подвижную полицейскую силу, действия которой могут привести к восстановлению порядка в тех областях России, которые еще не заняты германскими войсками». Для этого, отмечал он далее, необходимы средства. «Пуль полагает, — добавлял его предшественник в Москве Саммерс, — ... что правительство США и союзники должны оказать этому ядру всю возможную

«Большая тройка» — И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль.

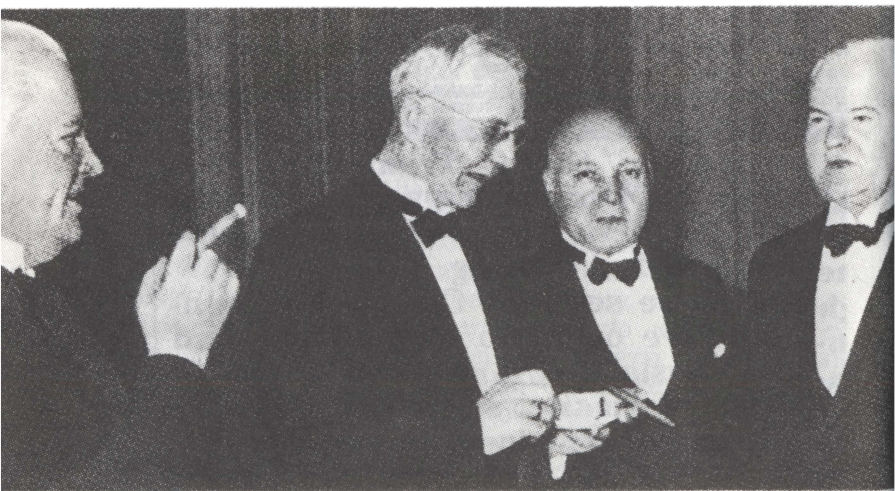
Уже в июне 1941 года на страницах «Нью-Йорк таймс» тогдашний сенатор Гарри Трумэн призывал ждать, пока СССР и Германия истощатся в войне...

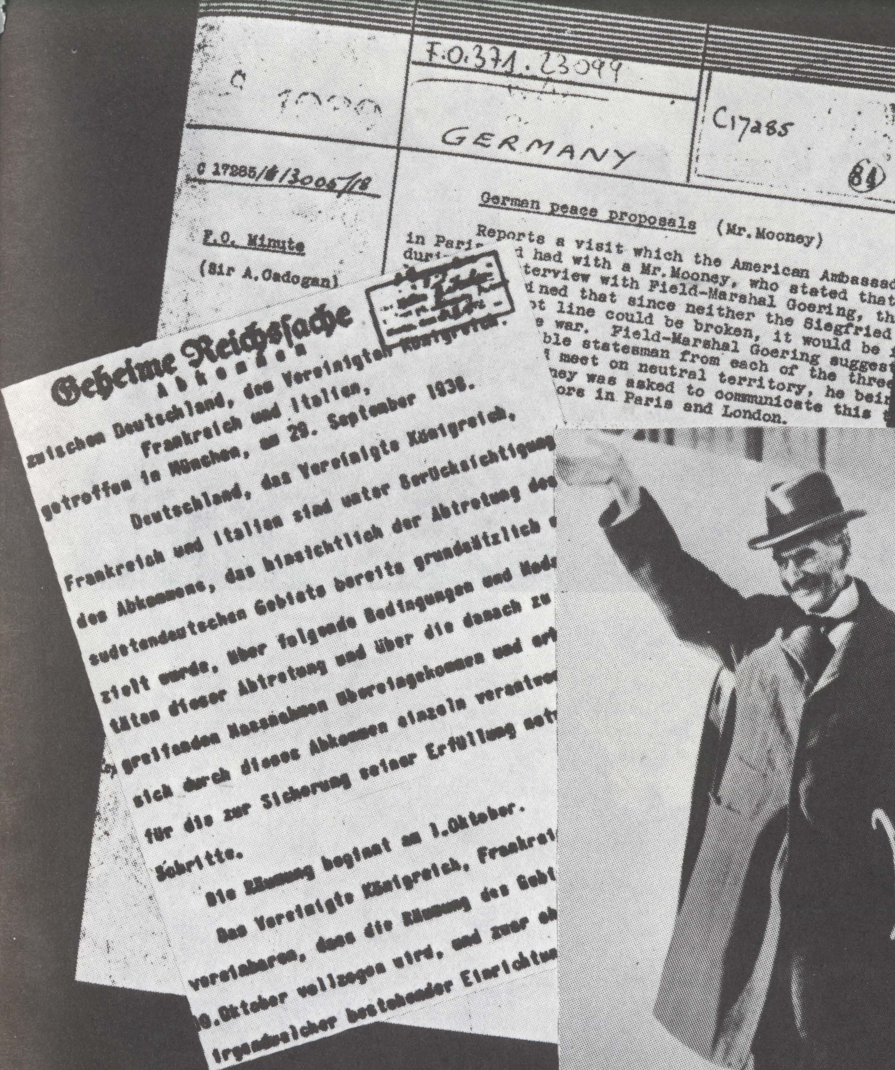

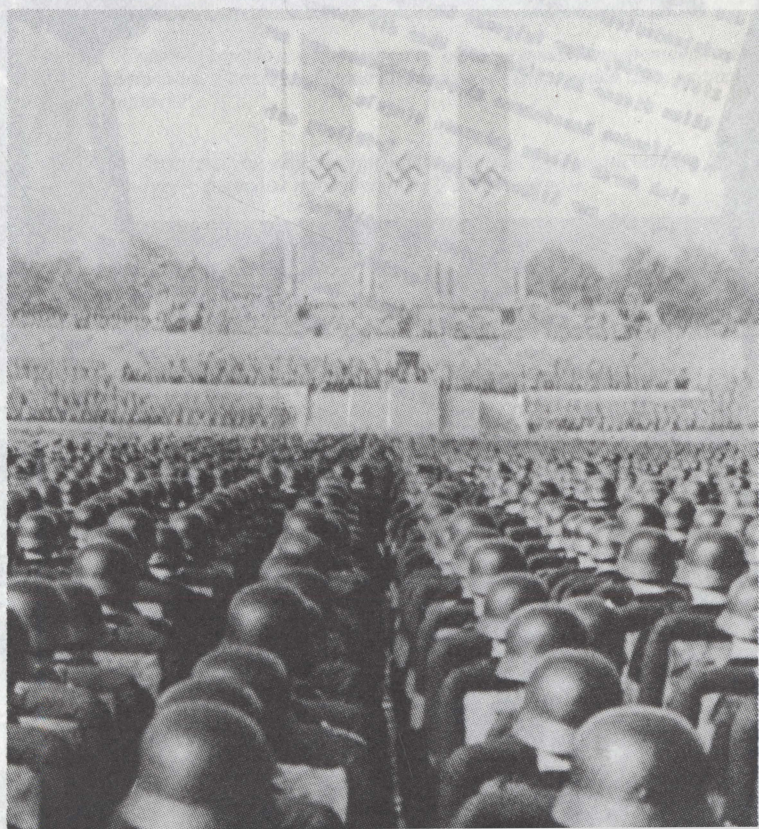
Капитан Смит (справа) был первым официальным представителем США, посетившим Гитлера. Слева на снимке — известный американский летчик Линдберг.

Братство бизнеса: немецкие промышленники и финансисты Шмиц, Шахт, Штаусс с бывшим президентом США Гувером.

Документы Мюнхенского сговора Гитлера, Чемберлена (на снимке), Даладье и Муссолини.

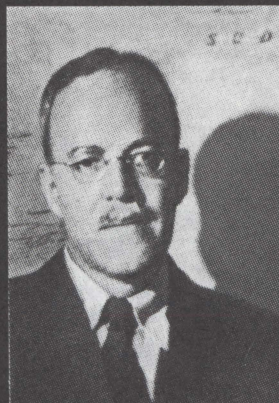

Эти господа не спешили в Москву: английская военная миссия в 1939 году всячески затягивала, а затем сорвала создание единого фронта Англии, Франции и СССР.

Гитлер был готов к войне, которую он начал при попустительстве Запада.

Хотя шла война, за кулисами готовился сговор. Его участники: глава гитлеровского абвера адмирал Канарис, руководитель разведки СС Шелленберг, резидент американской стратегической разведки Даллес.

ENC

REVISION OF POLICYMemorandum by the
U.S. Military

1. For a considerable period by the German Armies, the British, had to do its utmost to provide Russia with the agreement, first to save her to inflict telling blows in its purpose, but with has arisen. Not only has the Germans, but one the an attitude of dominance felt this situation develop has reached a climax at

2. There can be no doubt we were dependent on the Russian leaders, a situation. Soviet domination wherever possible and strategy has been for Russia. We have thought the Soviet leaders look of a separate peace.

3. It would seem resulted only in the Such has not proven historic and inherent They wish their possible. Every requirement

JCS 1313

Union is viewed with suspicion. The Soviet mind can only look for the ulterior motive behind our liberality. Failing to find one, they conclude that our cooperation springs from fear. As the Soviet strength has grown, their demands have increased and our generous response has continued. The Soviets have found that no discourtesy to us has the slightest effect on our generosity. As a result they do not respect us. Our attitude is beyond the

4. No
Crimea
of the
U.S. au
decision
Budapest
to Gdyni
ineffect
the Crim

a firm
think of
Soviet
relation
lying fa
is poss
been im
basis fo

5. A
Soviet
and eff
Great
tion in
interes
to and

JCS 131

OFFICE OF STRATEGIC SERVICES
WASHINGTON, D. C.

A72427

~~SECRET~~

SECRET
20 August 1943

MEMORANDUM FOR BRIGADIER GENERAL JOHN H. DEANE

The attached paper, "STRATEGY AND POLICY: CAN AMERICA AND RUSSIA CO-OPERATE?", has been prepared here in Quebec. It is a joint effort, but it is mainly the work of Dr. Gerard T. Robinson, who is Professor of History at Columbia University and our expert on Russia.

I am sending it to you because it is the thinking that leads to the proposed operation as set forth in our paper on the Balkans.

EXCLUDED FROM GENERAL
DECLASSIFICATION SCHEDULE

William D. Donovan
Director

... to be able to
... the whole of our

~~SECRET~~

Документы американской разведки свидетельствуют, что уже в 1943 году американские генералы готовили «холодную войну» против своего советского союзника.

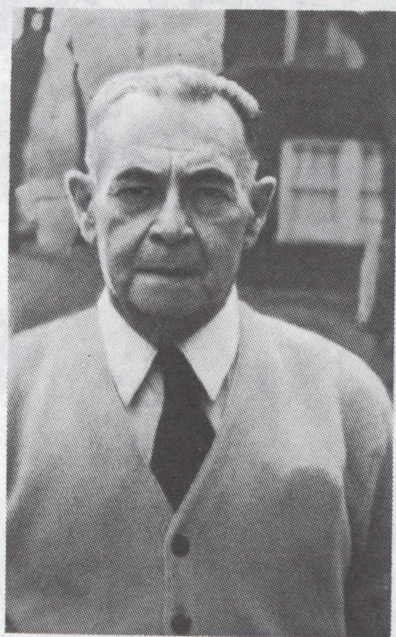

Но второй фронт все-таки был открыт. Высадка войск союзников в Нормандии.

Несмотря на все происки реакции, победила идея совместной борьбы. Весной 1945 года солдаты союзных армий встретились на Эльбе.

Джо Половский (на общем снимке 1945 года он стоит сверху) и после войны сохранил верность клятве на Эльбе, завещав своим соотечественникам помнить об уроках войны. Последнее фото американского ветерана.

моральную и материальную поддержку». Попав затем в Москву, Пуль вместе с Локкартом возглавил подрывную контрреволюционную деятельность. Так, в мае 1918 года он докладывал о группе, действующей «с целью образования правительства, которая с помощью Германии сметит большевиков и будет служить немецким интересам». Пуль имел в виду так называемый кадетский «правый центр». Следующая ставка была сделана на Савинкова и эсеров, причем Пуль принял прямое участие в организации антисоветского заговора в Москве, провалившегося в августе 1918 года.

Нетрудно понять, что для такого человека, как Пуль, экс-эрцгерцог был подходящей фигурой в политической игре. Сам Донован встретился с Отто Габсбургским в марте 1942 года, причем связывал с ним большие надежды, так как Пуль охарактеризовал австрийского претендента как «умного и тактичного» человека с «большими связями за рубежом» (!). Все это было блефом, включая «связи» эрцгерцога. Но, видимо, антикоммунистический синдром (как и в деле Томсена) лишал американских разведчиков способности реально оценивать факты.

Участники «проекта Джордж» приступили к сбору сведений о консервативной оппозиции внутри Германии, что не представляло особого труда при наличии давних связей с деятелями подобного толка. Был составлен список из 200 лиц (в ведомстве Донована их именовали «Черной капеллой»), на которых следовало ориентироваться для «усиления капиталистически-демократических движений в авторитарных государствах». Иными словами, в борьбе с гитлеровской Германией УСС делало ставку отнюдь не на прогрессивные, патриотически-демократические элементы внутри страны.

Итак, в 1942 году — ни одного прямого контакта в самой Германии? Но повторю: Донован был далеко не единственной фигурой на шахматной доске международного антикоммунизма.

Если на мгновение вернуться к 1941 году, то есть к решающему рубежу второй мировой войны, обозначенному датой 22 июня, то сразу после этой зловещей даты посол Германии в Анкаре Франц фон Папен — опытный разведчик эпохи первой мировой войны, бывший рейхсканцлер, бывший вице-канцлер в первом правительстве Гитлера, а затем посол в Австрии и Турции — в беседе с министром иностранных дел Турции Сараджоглу бук-

важно в день нападения на СССР стал обсуждать вопрос о возможности «общей базы» в войне против «большевистской России» между Германией, Англией и США. Он просил Сараджоглу действовать в этом направлении, заручившись по меньшей мере согласием западных держав не вмешиваться в германо-советский вооруженный конфликт. Сараджоглу охотно подхватил этот пробный шар и немедленно встретился с английским послом сэром Нэчбил-Хьюджессеном. Тот, как сообщил Папену министр, «был не против», считая, что это могло бы привести к сделке воюющих держав за счет Советского Союза. В игру вступил и премьер-министр Турции Сайдам, который рекомендовал Папену включить США в круг закулисных переговоров, а с этой целью Германия должна подчеркивать, что ведет войну «не против русского народа», а только против коммунистической системы. Американский представитель в Анкаре Дж. Макмэррей, в свою очередь, не отверг идею Папена—Сараджоглу об антисоветском сговоре...

Такова оказалась «увертюра» в действиях международного антикоммунистического «братства» сразу после 22 июня. Хорошо известно, на эту дешевую удочку не поддались ни Черчилль, ни Рузвельт. Однако, как справедливо отмечает западногерманский историк Бернд Мартин, и Форин оффис, и Риббентроп не отвергали возможности обсуждения этой темы. Когда Папен повторил свое предложение и рекомендовал сделать Турцию посредником, Риббентроп сначала не ответил — видимо, ожидая успехов на фронте. Однако действия Папена стали достоянием печати, и имперскому министру пришлось дезавуировать словоохотливого посла. 24 июля он направил Папену категорическое указание «не обсуждать» с иностранными дипломатами вопрос о «мирных предложениях Германии».

Но когда умолкают послы официальные, начинают говорить послы неофициальные. Так началась одна из первых затяжных «закулисных операций», участниками которой стали английский офицер Уильям Эйткен и венгерский журналист Густав фон Кёвер. Сейчас эта операция известна во всех подробностях, не лишенных примечательности. На первый взгляд, ее участники — лица невысокого ранга: Эйткен — всего лишь офицер королевских ВВС, а Кёвер — журналист, да еще венгерский, а не немецкий. Однако Эйткен был племянником лорда Бивербрука.

Встреча Эйткена и Кёвера состоялась в сентябре 1941 года в Лиссабоне. В Берлине проявили большой интерес к Эйткену, но не торопились с продолжением контакта (ведь шел лишь сентябрь 1941 года!). Однако когда в январе 1942 года Эйткен снова всплыл на горизонте и предложил встретиться с Кёвером в Лиссабоне, Риббентроп не возражал. Новая встреча, правда, сорвалась, так как в газетах появилось сообщение о гибели летчика Эйткена. Но вскоре выяснилось, что погиб не племянник, а сын Бивербрука. Тогда фон Кёвер снова напомнил о себе. На этот раз инициатива была на венгеро-немецкой стороне, и Кёвер срочно направился в Лиссабон.

Имя фон Кёвера не раз упоминалось в послевоенное время, в частности в 1948 году в известной «Исторической справке» Совинформбюро, в которой впервые широко и принципиально был поставлен вопрос о нарушении западными союзниками своих обязательств по антигитлеровской коалиции и попытках сговора с Германией. Деятельность Кёвера подверглась подробному исследованию, однако со стороны западных историков (например, в обширной монографии Бернда Мартина) выдвигался тезис: да, Кёвер встречался с Эйткеном, однако неизвестно, о чем они говорили. Может быть, это был «дым без огня»?

Но как дыма без огня не бывает, так и суть переговоров Кёвера — Эйткена была раскрыта. В Потсдамском архиве советским историком Н. С. Лебедевой был найден важный документ: отчет германского посланника Отто Кёхера о миссии Кёвера, представленный на имя статс-секретаря МИД Германии Эрнста фон Вайцзеккера. Кёхер докладывал: во-первых, беседы носили весьма доверительный характер; во-вторых, Эйткен подробно изложил свою «программу», которая, хотя и исходила из решимости Великобритании добиться победы в войне, однако предусматривала поиск возможностей компромиссного мира. Эйткен и «его друзья», по его словам, были бы готовы «отказаться» от продолжения борьбы и даже от победы, «если бы знали, что путем немедленного заключения мира можно спасти миллионы людей». Однако, как явствует из отчета, рассуждения Эйткена носили не только гуманный характер; как бы между прочим он отметил, что в Великобритании имеются «круги, которые все с большим беспокойством смотрят в сторону России». В разговоре с представителем держав «оси» эти

слова, к тому же сказанные в сентябре 1941 года, имели вполне определенную антисоветскую окраску.

Н. С. Лебедева, обнаружившая этот документ, связывает рассуждения Эйткена со встречей, которую за несколько дней до бесед в Лиссабоне имел дядя Эйткена лорд Бивербрук с интернированным в Великобритании Рудольфом Гессом. Именно тогда Гесс наиболее ясно высказал свое предложение об участии Великобритании в войне против Советского Союза. Гипотеза вполне допустимая, хотя сам Бивербрук не принадлежал к числу сторонников сговора с гитлеровской Германией и не советовал делать этого и Черчиллю.

О том, что гитлеровцы в конце 1941 года еще не потеряли надежд на сколачивание общей «западной» коалиции против Советского Союза, говорит документ, составленный в ноябре и направленный Гитлеру через МИД Германии (точнее — через статс-секретаря Эрнста фон Вайцзеккера) Альбрехтом Хаусхофером — человеком, который вместе со своим отцом, генералом Карлом Хаусхофером, разрабатывал политическую программу полета Гесса в Англию и вел секретную переписку по этому поводу со своими английскими друзьями.

Что же предлагал Хаусхофер в ноябре 1941 года, то есть уже в период провала немецкого наступления на Москву? Он исходил из посылки, что ни одна из великих держав войну выиграть не может, и посему необходимо компромиссное соглашение о разделе мира на сферы влияния. Как не сказать — прямое продолжение идей Альберта Плесмана! Хаусхофер предлагал такие «сферы»:

— Германия в границах 1914 года, рядом с ней «находящиеся под охраной рейха» Польша, Чехия, Словения, а также «дружественные» прибалтийские государства, Словакия, Хорватия и Сербия. Следующей категорией должны были стать «связанные с рейхом» Финляндия, Украина, Белоруссия и Кавказ. В Европе подлежала созданию «федерация» из Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии и Италии. Наконец, Германия должна была получить свою зону влияния в Африке;

— следующая сфера британо-американская;

— за ней японская;

— наконец, Африка, подлежащая совместному владению (опять идея Плесмана!) ¹.

¹ Из архива Хаусхофера, изданного западногерманским историком Якобсеном.

Историки спорят — читал ли Гитлер документ Хаусхофера. Вполне возможно, поскольку в декабре 1941 года фюрер вызвал к себе ассистентку Хаусхофера и предложил ей изложить взгляды ее шефа на Великобританию, а в феврале 1942 года еще раз с ней беседовал. Но для нас интереснее другое: констатировать, с какой настойчивостью в самых различных буржуазных политических сферах — даже по разные стороны фронтов — возникала идея раздела мира на сферы влияния как некоей панацеи от войн и, разумеется, средства ликвидации коммунизма. Правда, великодушный Хаусхофер предлагал сохранить некое «великорусское государство за Уралом», но лишь как «ампутированный остаток» Советского Союза. Это не мешало ему считать, что Германия должна «овладеть всей русской территорией».

По своему характеру операции тайного фронта в конце 1941 — начале 1942 года и в конце 1942 года имели определенные различия. Если сперва они определялись временными успехами вермахта на советско-германском фронте, то после Московской битвы участники контактов — как с немецкой стороны, так и со стороны эmissаров Англии и США — не могли не учитывать новую обстановку. Что касается немецкой стороны, то здесь даже в самой верхушке рейха (исключая, конечно, самого Гитлера) стали появляться сомнения. Как признавался после войны в письме ко мне генерал Франц Гальдер — бывший начальник генштаба сухопутных войск — у него уже после Москвы сложилось мнение, что войну, как он выразился, «нельзя выиграть военными средствами», то есть нужны были средства политические. Аналогичное «прозрение» пришло и к начальнику разведки СС Вальтеру Шелленбергу, который в августе 1942 года в беседе с глазу на глаз поставил Гиммлеру вопрос: что он собирается делать, если война будет проиграна? Ответ у Шелленберга был готов: попытаться, пока не поздно, установить контакт с США и Англией. Гиммлер согласился с ним.

Эта новая ситуация нашла свое выражение и в официальной позиции Берлина. Если в период успехов на фронте всякий поиск сепаратного компромисса отвергался как противоречащий интересам держав «оси», то с середины 1942 года как Риббентроп, так и германские спецслужбы — Канарис и тот же Шелленберг — стали думать по-иному. Пример тому — тайные зондажи, кото-

рые осуществлялись в 1942 году в Швейцарии. Здесь со стороны западных союзников с января действовал английский генконсул Эрик Кэйбл, опытный разведчик.

По документам, хранящимся ныне в Центральном государственном архиве ГДР в Потсдаме, Н. С. Лебедева восстановила ход этой запутанной интриги. 12 февраля 1942 года министр иностранных дел Швейцарии Пиле-Гола, известный своими прогерманскими симпатиями, встретился с немецким посланником Отто Кёхером, который в ближайшие дни собирался в Берлин. Пиле-Гола знал, что Кёхер информирован о зондажах, предпринимавшихся через Эйткена осенью 1941 года. На этот раз Пиле-Гола попросил Кёхера задать в Берлине вопрос: может ли Германия возобновить переговоры с Англией об обмене тяжело ранеными и больными военнопленными? Одновременно он дал понять, что при этом можно было бы «обсудить и другие вопросы». В этот же день Кёхеру был задан швейцарской стороной и другой вопрос: как прореагировал бы Берлин на «мирную инициативу»?

Кёхер, не ожидая инструкций, ответил, что «серьезный запрос относительно заключения мира был бы тщательно изучен в Германии». Однако это начинание не получило развития: Кёхеру было приказано дезавуировать свой ответ и сослаться на «решимость воевать до победного конца». Но буквально через несколько дней Риббентроп, принимая итальянского министра Д. Боттаи, неожиданно заговорил с ним о ... позиции Англии в вопросе заключения сепаратного мира. Вслед за этим в Риме немецкий посол фон Бисмарк, а в Анкаре фон Папен стали интересоваться возможностями заключения сепаратного мира.

«Теплился огонек» и в Швейцарии. В конце февраля швейцарский собеседник Кёхера федеральный советник Шультес известил посланника, что имел беседу с одним «влиятельным американцем». Тот, хотя и не принадлежал к правящим кругам, все же счел нужным сообщить, что в определенных сферах США размышляют над вопросом о целесообразности прекращения войны. Пиле-Гола в апреле снова заговорил с Кёхером о возможности переговоров об обмене военнопленными.

На этот раз Кёхер был более осторожен. Он ответил в духе, предписанном Риббентропом, однако в своем рапорте он высказал мнение, что инициатива исходит вовсе

не от швейцарского министра, а от Э. Кэйбла. Именно Кэйбл, беседуя с известным швейцарским военным промышленником Бюрле, сказал о своем «благожелательном отношении» к идеям «новой Германии» и о том, что следовало бы немедленно начать англо-германские переговоры — предпочтительно на высоком уровне. Новое указание Кёхеру из Берлина было неожиданным: сохранить связь с Кэйблом. Более того: предписывалось выяснить, по чьей инициативе действовал консул, насколько серьезны его намерения. Это указание было выполнено: Бюрле встретился с Кэйблом, а тот пожелал видеть официального представителя германского посольства. Тогда роль посредника взял на себя ... Шелленберг. Заручившись поддержкой Гиммлера, он установил контакт с Кэйблом, который продолжался до 1943 года. Остается лишь добавить, что резидентура УСС знала о действиях английского генконсула.

Следует отметить, что идея «зондирования» противника уже в 1942 году не пользовалась поддержкой президента Рузвельта. Когда в сентябре в Ватикан отправился личный представитель президента Майрон Тэйлор (крупный сталепромышленник), ему было поручено выяснить степень заинтересованности некоторых стран в выходе из войны. Когда Тэйлор занялся этим вопросом, он мог установить, что на «ватиканском плацдарме» идет активное обсуждение этих проблем. Так, накануне его приезда у папы Пия XII получила аудиенцию принцесса Мари-Жозе (супруга наследного принца Италии) и просила его о посредничестве в переговорах с Западом. Была разработана программа, содержащая условия сепаратного мира. Она была передана в Вашингтон. Однако реакция президента была определенной: он заявил, что миновало время, когда подобные условия мира могли быть приемлемыми. Этот ответ стал известным и в ведомстве Риббентропа.

Но вот удивительное дело: позиция президента учитывала реальное положение дел, однако зондажи продолжались. Так, в феврале 1942 года с представителями посольства США в Мадриде установил связь очередной германский агент, который сообщил в Берлин, что его американские собеседники явно настроены в пользу «компромисса». Из имперского министерства иностранных дел последовало указание — продолжать контакты. Ободряюще на Риббентропа подействовало и другое до-

несение: в беседе с послом вишийской Франции Робинотом посол США в Мадриде Вэделл порицал президента Рузвельта за положение, в которое попали Соединенные Штаты. По словам Вэделла, в США есть влиятельные политические силы, которые готовы заключить мир с Германией. Дело дошло до того, что когда американский посол стал рассуждать о трудностях такого поворота, то его секретарь обратился к Робину с вопросом:

— Может быть, вы попробуете поработать для мира?

«Пробовать» решили многие. Когда Вэделла сменил новый посол Карлтон Хэйс, он (по сведениям, дошедшим до немцев через испанских посредников) заявил о своей готовности искать каналы для связи с германскими эмиссарами. Далеко не случайно Риббентроп, принимая болгарского посла, заявил, что в США очень много изоляционистов и, возможно, придет время, когда «вся Америка» выступит за примирение...

Летом 1942 года датируется еще одна закулисная интрига, которой будет суждено получить в дальнейшем серьезное развитие. Она была предпринята в канун нового наступления вермахта на советско-германском фронте. Ее местом был Ватикан, где в это время идея «компромиссного мира», — разумеется, после «победы над Россией» — высказывалась многими влиятельными деятелями курии. Именно папского нунция в Турции Ронкалли (будущего папу Иоанна XXIII) избрал своим собеседником упоминавшийся нами Франц фон Папен, пытавшийся установить связь с западными союзниками еще в 1941 году. На этот раз (судя по всему, с ведома Гитлера) он в апреле 1942 года обратился к Ронкалли с настоятельным предложением готовить «всеобщий мир» на основе идей Ватикана. Ронкалли передал это предложение в Ватикан, куда стекались аналогичные призывы от других папских дипломатов. Вслед за этим Папен направил в Ватикан своего ближайшего сотрудника и единомышленника барона Курта фон Лерзнера. Однако важнее было другое: Лерзнер не был дипломатом, а был послан в анкарское посольство абвером — разведывательным ведомством адмирала Канариса. Человек опытный, он представлял Германию в 1918 году во время переговоров в Спа и Версале, был депутатом рейхстага от немецко-национальной партии и с 1939 года находился с «особой миссией» в Стамбуле.

Лерзнер прибыл в Рим в конце апреля и продолжал

действия, начатые Папеном. В беседе с кардиналом Мальоне он (к удивлению последнего) сообщил, что германский генералитет считает невозможным военными средствами добиться победы и заключения мира. Поэтому Лерзнер видит в Ватикане «моральный авторитет» и призывает его проявить необходимую инициативу. Свои идеи барон уточнил в беседе с другим кардиналом — влиятельным заместителем статс-секретаря курии Монтини (будущим папой Павлом VI). Гитлер, пояснил Лерзнер, заинтересован не во «всеобщем мире», а в сепаратном мире с Англией, в ходе которого Германии будет обеспечена «естественная гегемония». Лерзнер даже назвал время — осень 1942 года.

Лерзнер беседовал и со статс-секретарем Риббентропа, опытным дипломатом «старой школы» Эрнстом фон Вайцзеккером — человеком, через которого шли многие закулисные контакты. Впоследствии, в 1943 году, Вайцзеккер занял пост немецкого посла в Ватикане и продолжал внимательно наблюдать за всеми возможностями сепаратных сделок. Если заглянуть в дневник будущего посла, то там немало любопытных записей, к примеру:

8 февраля 1942 года: «Не произойдет ли скоро в Лондоне крах, и не последует ли оттуда предложение о мире?»

21 марта: «Мы все еще думаем, что пошатнувшаяся Британская империя подаст нам руку мира... Если Лондон сделает это, мы пойдем навстречу».

17 июня: «Часто ставят вопрос, будет ли Англия более склонна к переговорам, если мы, как запланировано, успешно проведем летнюю кампанию против России?»

24 июня: «Мы надеемся или, по крайней мере, хотели бы как можно скорее, например осенью, начать мирные переговоры с Англией. Гальдер также верит в это. На его запрос я сообщил, что настроен скептически в вопросе о темпах. Пробные тесты, среди них зондаж английского генконсула Кэйбла в Цюрихе или английского военно-воздушного атташе Джорджа в Анкаре, дезавуированы английским правительством. Они лишь свидетельствуют, что есть люди, ставящие перед собой в дуэли Германии и Англии вопрос: «Кому это выгодно?»

Пожалуй, здесь можно проследить прямую связь: тот же срок — осень 1942 года, те же ссылки на генералитет. Главное в этом расчете: победы на советско-германском фронте! Тот же Вайцзеккер в своем дневнике вспоминает (со слов бывшего немецкого посла в Москве Шуленбурга),

что Гитлер обещал 15 августа 1941 года войти в Москву, а 1 октября победоносно завершить войну на Востоке. Это не получилось в 1941 году. Летом 1942 года в Берлине снова тешили себя надеждами. Но наступил Сталинград...

А если бы не было Сталинграда? Сейчас, постигнув весь размах закулисных интриг, мы можем добавить ко многим историческим последствиям этой великой битвы и то обстоятельство, что она нанесла удар по попыткам свернуть западных союзников с пути антигитлеровской борьбы. Недаром бывший государственный секретарь США Корделл Хэлл писал впоследствии: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы нас и открыл двери для следующей тридцатилетней войны».

Тема с вариациями

Не только писатель, но и историк-исследователь имеет право на «свою тему». Она приходит не сразу, но постепенно так завладевает тобой, что из книги в книгу хочется ею заниматься,—особенно когда видишь, что она приобретает и общественный интерес. Как-то я познакомился в западногерманском городе Мюнстере с Куртом Прицколейтом — автором книг, пользовавшихся в первые послевоенные годы большой известностью в ФРГ, ГДР и других странах. Они касались одной темы: влияния крупных фирм на германскую политику XIX и XX веков. Первая из них, озаглавленная «Боссы, банки, биржи» и вышедшая в 1954 году, произвела подлинную сенсацию. Тогда в ФРГ было далеко не модно разоблачать влияние промышленных и финансовых монополий на политику. Затем последовала книга «Новые господа», за ней «Кому принадлежит Германия».

— Утверждают,—сказал я моему новому знакомому,—что вы все время пишете одну и ту же книгу...

Прицколейт улыбнулся:

— Я слышу это часто и преимущественно от тех, кому не нравятся мои разоблачения связи сегодняшних хозяев экономики ФРГ с хозяевами нацистского государства. Но я спокойно переношу подобный упрек...

Я долго знакомился с колоссальным архивом, собранным Прицколейтом за многие годы. В нем не содержалось особо секретных документов. Ведь достаточно было собирать и внимательно изучать экономические

разделы газет, отчеты акционерных компаний, а потом сопоставить их с документами, оглашенными на процессе в Нюрнберге,— и картина становилась ясной. Но Прицколейт считал своим долгом все время добавлять к ней новые «мазки», результаты своих дальнейших исследований и сравнений.

Теперь я готов выслушать такой же упрек. В конце 50-х годов случай натолкнул меня на тему, которая не отпускает до сегодняшнего дня, до этой книги. В чехословацкой газете «Руде право» я заметил небольшую статью моего друга, бывшего корреспондента газеты в Берлине Карела Доудеры. Речь шла о том, что существуют документы о секретных переговорах Аллена Даллеса с эмиссарами СС в 1943 году, свидетельствующие о нечестной и нечистой игре, которую вел уполномоченный стратегической разведки США. Приводились несколько цитат из документов и фотокопия меморандума из архива VI Главного управления имперской безопасности СС, которое распорядилось немедленно навести справки о личности Даллеса.

Даллес, 1943-й год? Это заставило меня задуматься. До того времени была известна книга самого Даллеса «Подпольная Германия», в которой говорилось о его переговорах с эмиссарами СС в 1945 году. Известна была тогда и советская публикация на эту тему, принадлежавшая перу историков Александра Галкина и Олега Накропина. Но в 1943 году? Я срочно связался с Прагой и попросил Доудеру прислать мне документы, упоминавшиеся в статье. Доудера выполнил просьбу, сообщив дополнительно, что эти документы были обнаружены в западноберлинском документальном центре, принадлежавшем американским оккупационным властям, однако последние вовсе не намеревались предавать их гласности. Поэтому на документах отсутствовали необходимые архивные сигнатуры, что затрудняло их использование в научной публикации: ведь там необходимо указать архив, исходные данные, номер папки, страницу и так далее.

Здесь на пользу пошло занимаемое мною «промежуточное амплуа» между публицистом и историографом. Так родилась статья, которую журнал «Новое время» поручил написать автору этих строк и известному специалисту по изобличению тайных замыслов империализма Семену Николаевичу Ростовскому. Мне, тогда еще

начинавшему журналисту, было почетно работать вместе с автором знаменитых книг «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», написанных С. Н. Ростовским в 30-х годах под псевдонимом Эрнст Генри. Под этим псевдонимом маститый исследователь неумоимо работает до сего дня...

Публикация появилась. В ней были преданы гласности два из четырех документов, обнаруженных в Западном Берлине. Первый представлял собой сопроводительное письмо к донесению доверенного лица СС о беседах в Швейцарии с Даллесом, в котором запрашивались данные о Даллесе. Второй — запись бесед двух представителей СС с тем же Даллесом. Еще две записи продолжали ту же тему, однако избранный для публикации документ был более подробен и существен. В нем содержались основные пункты, по которым шел обмен мнениями во время переговоров в Швейцарии, и, что самое главное, высказывания Даллеса в беседе с принцем Максом-Эгоном Гогенлоэ (Даллес выступал в документе под псевдонимом м-р Балл) по коренным вопросам войны и послевоенного устройства Европы. Тем самым впервые — кроме подтверждения самого факта секретных переговоров — документально выявлялось их политическое содержание. А именно это всегда было самым трудным при исследовании контактов подобного рода!

Читатель этой книги немного позже познакомится с «оригиналами», из которых сможет составить живое представление о том, какие темы и вопросы обсуждались «высокими договаривающимися сторонами» в швейцарской тиши. Но, поскольку многое предвосхищено предыдущими публикациями, уже сейчас можно зафиксировать основные пункты переговоров:

- стремление найти «общий язык», проявленное с обеих сторон и направленное на выяснение «основ послевоенного мира»;

- готовность Даллеса отойти от рузвельтовского принципа «безоговорочной капитуляции»;

- его готовность предоставить Германии роль «фактора порядка» в послевоенной Европе;

- принципиальное одобрение Даллесом национал-социализма;

- его заявления явно антисоветского характера;

- договоренность о продолжении контактов.

И этого было бы достаточно, чтобы оценить далеко

идуший смысл встречи в Швейцарии. Однако хотелось узнать больше — не говоря уже о том, что надо было с максимальной убедительностью опровергнуть все попытки защитников Даллеса отрицать сам факт встреч в 1943 году. Документы — дело весомое, но, может быть, можно найти свидетеля?

Аллен Даллес скончался в 1968 году. Он, как известно по его книгам, не пожелал признаться в своих интригах.

Второй американский участник, скрывавшийся под псевдонимом Робертс, не был идентифицирован. Мнения различных исследователей о его личности расходились.

Принц Макс-Эгон Гогенлоэ жил после войны в Испании, мемуаров не публиковал.

Был четвертый — Бауэр. Кто он, где он?

...Читатель поймет волнение автора, когда дежурный администратор белградского отеля «Славия», куда меня забросила очередная длительная командировка (белградская встреча участников общеевропейского совещания длилась долго), передал мне письмо из Австрии, из поместья Хинтерталь, что близ Зальцбурга. Его отправитель, г-н Рейнхард Шпитци, извещал, что у него «было три псевдонима — Бауэр, Альфонсо, Гербер; Гогенлоэ именовался Паульсом; м-р Балл это Аллен Даллес, м-р Робертс — Тайлер, финансовый эксперт в Женеве». Это значило, что после долгих поисков я попал на человека, действительно являвшегося участником женевских переговоров.

Обменявшись письмами, мы договорились встретиться — благо мой очередной маршрут пролегал близ Зальцбурга. Несколько часов подряд я записывал рассказ Рейнхарда Шпитци в номере мюнхенского «Кайзерхофа». Зная, что историки не жалуют устных свидетельств, я попросил моего нового знакомого изложить «суть дела» в письменном виде и вообще заняться мемуарами. В результате я вложил в мою папку «Гогенлоэ» 19 плотно напечатанных страниц.

...Все началось, когда убеждения и намерения принца Макса-Эгона Гогенлоэ, еще в 1938—1939 годах пытавшегося наладить английские контакты гитлеровской Германии, совпали с планами гауптштурмфюрера СС Шпитци — бывшего адъютанта Риббентропа и доверенного лица обеих немецких разведслужб (ведомств Канариса и Шелленберга). В 1942 году Гогенлоэ, продолжавший свои тайные контакты с английскими представителя-

ми и после начала войны, решил перебраться в Испанию в безобидном качестве руководителя так называемой «Западной дирекции» заводов «Шкода», акционером которых он являлся. Вот слова Шпитци: «Оттуда, наряду с нормальными гешефтами, можно было завязывать связи с Западом, действуя в интересах разумных людей в аппарате власти Германии. Я должен был ему (Гогенлоэ.— Л. Б.) помогать в этом деле».

Согласие на испанскую миссию Гогенлоэ и Шпитци было дано двойное: и Канарисом, и «самим» Гиммлером. Предусмотрительный Шпитци, зная шаткое положение ведомства Канариса, договорился с Гиммлером, а затем с Шелленбергом, что будет сотрудничать именно с ним. Поэтому так называемый «атташе по полицейским делам» в мадридском посольстве Германии Винцер получил указание оказывать миссии всяческую поддержку. Цитирую слова Шпитци:

«У Гогенлоэ были наилучшие связи с американским и английским посольствами. Он дружил с Франко, многими генералами и чиновниками, особенно с министром иностранных дел Хорданой. Тем самым Гогенлоэ и я получили прекрасную базу и вили наши нити — иногда вместе, иногда порознь, информируя наших единомышленников в Берлине. Наши надежды мы возлагали на западных союзников и на самое мощное государство — США».

В конце 1942 года контакты Гогенлоэ получили новое развитие. Советник посольства США Баттеруорт наладил связь Гогенлоэ с Даллесом и его финансово-экономическим экспертом Тайлером (Гогенлоэ знал Даллеса с довоенных времен). Первая встреча Гогенлоэ с Даллесом и Тайлером состоялась в январе 1943 года, в феврале последовала поездка Шпитци в Женеву и Берн.

Дело в том, что в беседе с Гогенлоэ Даллес выразил желание поговорить с настоящим национал-социалистом — не с каким-либо заговорщиком или оппозиционером. Шпитци как член НСДАП с 1930 года, гауптштурмфюрер СС вполне подходил для этого. Обговорив свою поездку лично с Шелленбергом — ведь речь шла ни много ни мало о встрече с главой европейской резидентуры УСС и, как считали в Берлине, личным представителем президента Рузвельта в Европе, — 21 февраля Шпитци беседовал в Женеве с Тайлером, а 22 февраля... Цитирую:

«Итак, 22 февраля 1943 года, точно в 8 часов вечера я подошел к тыловой калитке садика бывшего бельгийского посольства. Меня сразу впустили. Слуга, к моему удивлению, оказавшийся итальянцем, взял мое пальто. Подумав, я попросил пальто назад и оторвал на всякий случай от внутреннего кармана этикетку с моим именем — как австриец, я знал итальянцев и проявлял некоторую осторожность. Меня уже в Португалии удивляла беззаботность американцев в вопросах конспирации. Там американский военно-морской атташе нанял местную уборщицу, у которой мы к нашему вящему удовольствию регулярно получали содержимое бумажных корзин и, главное, использованные копирки».

Но не будем превращать нашу документальную повесть в детективную (хотя это и напрашивается!). Возьмем один из трех документов, составленных после встречи в Швейцарии, — доклад о переговорах гауптштурмфюрера СС Шпитци с помощником Даллеса 21 февраля 1943 года. Он еще не публиковался в советских исследованиях ¹.

«Встреча м-ра Робертса и г-на Бауэра» ²

В воскресенье 21 марта 1943 года, сохраняя обычные меры предосторожности, г-н Бауэр встретился в Женеве с м-ром Робертсом на частной квартире, которую м-р Робертс считал безопасной. М-р Робертс любезно приветствовал г-на Бауэра и сказал, что в любое время рад видеть его как друга г-на Паульса. Со своей стороны, г-н Бауэр заявил, что явился только как частное лицо по настоянию их общего друга г-на Паульса, хотя сам он и не питает иллюзий относительно возможного успеха этих бесед, ибо у него нет никаких полномочий и власти. Однако, как лояльный гражданин своего государства, он будет охотно отвечать на вопросы, стремясь, если потребуется, устранить ненужные недоразумения и ложные взгляды.

М-р Робертс заметил, что все это ему совершенно ясно, и для него особенно важно узнать, наконец, о взглядах молодого национал-социалистского поколения, не прикрашенных пропагандистскими тезисами.

¹ Первый из трех отчетов читатель может найти в моей книге «Разгаданные загадки третьего рейха».

² По тексту, хранящемуся в Институте современной истории и в трофейном фонде Национального архива США.

Началась беседа, из которой выяснилось, что м-р Робертс (симпатичный человек лет пятидесяти) удивительно хорошо осведомлен о проблемах Центральной Европы, так что г-ну Бауэру приходилось быть все время начеку. Прежде всего м-р Робертс высказал мнение, что с немецкой стороны было колоссальной ошибкой довести дело до войны, а именно без нужды оккупировать Прагу и тем самым обострять обстановку. В ходе мирного развития вся Юго-Восточная Европа де-факто быстро очутилась бы в руках Германии, ибо ни Англия, ни Америка не имели ни намерения, ни энергии противостоять без особой нужды подобному развитию силой оружия. Если бы затем Германия в один прекрасный день овладела этими районами и освоила их, то ей легко было бы вести войну только против России. Общественное мнение Англии и Америки никогда бы в таком случае не допустило, чтобы вступление этих стран в войну помешало тотальной победе Германии над Россией, и было бы волей-неволей вынуждено примириться с превосходством Германии после ее победы над Россией. М-р Робертс сказал далее, что если дело не приняло такой оборот, то об этом Германия должна сожалеть больше, чем США. Он не может понять и того, почему нацисты с шумом ломились в открытую дверь...

...Г-н Бауэр перешел затем к критике м-ром Робертсом германской предвоенной политики на Востоке и отклонил аргумент, согласно которому Германия располагала свободой действий на юго-востоке. Именно американцы противодействовали какому-либо примирению между Германией и Англией...

Германии приходилось добиваться каждого из своих успехов в борьбе против открытого или замаскированного сопротивления англосаксов. Для последних Мюнхен не был финалом, а всего лишь отсрочкой, чтобы в один прекрасный день, вооружившись как следует, более эффективно выступить против Германии. Саботаж чехов, которых поддерживали англосаксы, как раз и привел к оккупации Праги. Германия несет большую ответственность за развитие этих районов... Если Адольф Гитлер решался действовать, то этому всегда предшествовали длительные попытки достичь взаимного соглашения. Однако ему не поверили и не сделали ничего, чтобы сохранить надежды на мирное урегулирование. Англосаксы получили теперь такого Гитлера, какого они сами заслу-

живают. Можно понять, продолжал г-н Бауэр, почему англосаксы сегодня не любят этого человека, но в глазах немцев это скорее плюс, чем минус. Пусть он — м-р Робертс — не предается иллюзиям, будто в Германии могут найтись влиятельные и мощные группы, которые захотят вести переговоры с противником без Гитлера. Опыт последней войны сыграл в этом отношении свою роль. Ни на одного разумного немца вражеская пропаганда о Гитлере или Атлантическая хартия больше не оказывают влияния. Такого рода трюки слишком избиты.

М-р Робертс согласился с этим, поскольку, сказал он, точно известно, что война с Германией будет долгой и тяжелой, а разумных групп, с которыми можно было бы вести успешные сепаратные переговоры, не существует. Америка не предается напрасным иллюзиям в этом отношении. Германия — мощный противник, и ее достижения достойны восхищения. Однако с нею все же справятся, ибо, несмотря на подводную войну, маршруты для конвоев обеспечены достаточной охраной, а возможности американского судостроения фактически неограниченны. Германию скоро выгонят из Туниса, в дипломатическом отношении Турция теперь уже навсегда потеряна для нее, а Болгария уже начинает шататься. Об Италии и говорить нечего, ибо эта страна и ее позиция уже не имеют серьезного значения. Зато исключительно важна позиция Турции. У Америки достаточно времени, денег и человеческих ресурсов, чтобы еще долгое время вести войну; о том же, чтобы союзники были едины, заботится Германия, допуская психологические ошибки. После того как она восстановила против себя социалистов, евреев, масонов и малые народы, она теперь раздражает и христианские церкви. Таким образом Германия делает все, чтобы потерять популярность. Америка не собирается воевать каждые 20 лет и в настоящее время стремится к длительному урегулированию, в разработке которого она желает принять решающее участие, а не предоставлять это Англии, учитывая горький опыт прошлого. Было бы достойно сожаления, если бы Германия сама исключила себя из участия в таком урегулировании, ибо эта страна заслуживает всяческого восхищения и значит для него больше, чем многие другие страны. Он все еще надеется, что Германия останется фактором порядка и будет и в дальнейшем играть такую роль, хотя в настоящее время он не видит, каким образом этого можно достичь...

М-р Робертс вновь заметил, что последнее слово еще не сказано; г-ну Бауэру не следует думать, что он недооценивает силы противника. Возможно, что в ходе войны и в результате вполне возможных неудач на обеих сторонах настроение и воля к борьбе у людей изменятся. Трудно заниматься предсказаниями. Может быть, в один прекрасный день представится возможность ускорить конец войны, своевременно установив контакты. Таким путем можно было бы устранить недоразумения, из-за которых война продолжалась бы еще дольше...»

Оставим в стороне некоторые детали встречи: она состоялась не 21 марта, а 21 февраля; кое-что в доклад включено из беседы 22 февраля в Берне. Все это мне пояснил сам Шпитци, отчет которого переписал Шелленберг для доклада Гиммлеру и Гитлеру. Но по этому документу мы можем ощутимо представить себе «анатомию сговора», свершавшегося во время встреч.

Ведь было бы наивным думать, что представители обеих сторон, усевшись за стол, сразу начнут договариваться о совместных действиях. Скорее наоборот — сначала идет изложение официальных, даже противоречащих позиций — американец говорит о своей будущей победе, эсэсовец — о своей. И тот и другой отпускает весьма язвительные замечания. Но вдруг...

Вдруг выясняется, что, как бы походя, то один, то другой участник бесед роняет замечания, против которых другая сторона не только не возражает, но и не хочет этого делать. Например, когда американская сторона упрекает Гитлера за то, что он ломился в открытые двери, а мог добиться успеха, воюя на один фронт, то есть против России. А как должен чувствовать себя Даллес (или Тайлер), когда он слышит от своего немецкого собеседника упреки в том, что США и Англия перед войной не пошли Гитлеру навстречу? Ведь он сам упрекал Рузвельта за это. А слова об «опасности большевизма»? Как здесь вообще различить две стороны?

Если взглянуть на другие документы — на отчет о первой, вступительной беседе Даллеса и Гогенлоэ и на «сводный» документ, — то в них высвечивается вполне определенная программа возможного «взаимопонимания», которое нащупывала американская сторона. Что касается Гогенлоэ и Шпитци, то здесь дело было проще: они занимались поисками компромисса, ибо у Шеллен-

берга и Гиммлера было куда меньше козырей. Даллес выступал как представитель державы, входившей в хотя еще не победившую, но побеждающую коалицию. Тем более, на сегодняшний взгляд, странными и чудовищными кажутся такие его заявления:

«Германское государство должно сохраниться как фактор порядка и восстановления, о его разделе или отделении Австрии не может быть и речи. Однако прусское засилье должно быть сокращено до разумных размеров, и отдельным областям (гау) в рамках Великой Германии предоставлена бóльшая самостоятельность и равномерное влияние. Чешскому вопросу м-р Балл, по-видимому, придавал небольшое значение; с другой стороны, он считал себя обязанным выступить за создание санитарного кордона против большевизма и панславизма путем расширения Польши в сторону востока, сохранения Румынии и сильной Венгрии».

С каким настроением могли читать в имперской канцелярии эти заявления? У Гиммлера — да и у Гитлера — могло лишь укрепиться убеждение в возможности раскола антигитлеровской коалиции, в перспективах сговора. Но выводы каждый делал разные.

— Гитлер и его наиболее близкие сообщники считали, что ни в коем случае нельзя прекращать войну. Нельзя, как говорил фюрер, остановиться «без пяти минут двенадцать». А вдруг, рассуждал он, часы пробьют победу рейха? Тогда и Запад будет сговорчивее.

— Шелленберг и другие сторонники сговора полагали, что надо расширять закулисные переговоры, выяснять возможности, вбивать где можно клинья между союзниками (не только между западными державами и СССР, но и между США и Англией).

События всегда приобретают объемность, когда мы узнаем о них из разных источников. В те годы за американскими разведчиками в оба глаза следили их гитлеровские «партнеры» — разведчики вермахта и СС. Случай хотел, чтобы бывший руководитель отдела «Швейцария/Лихтенштейн» в VI управлении Главного управления имперской безопасности СС Гейнц Фельфе не только запомнил тогдашние события, но и описал их в появившихся в 1986 году мемуарах. Фельфе отмечает, что одной из прямых функций его отдела было наблюдение за деятельностью разведок США и Англии в Швейцарии

и установление с ними контактов. Был ему, к примеру, прекрасно известен бывший британский генконсул в Кёльне, а затем консул в Лозанне Кэйбл как резидент британской разведки (о нем мы не раз упоминали). Связываться с ним было несложно, поскольку таким же резидентом — с немецкой стороны — был немецкий вице-консул в той же Лозанне оберштурмбанифюрер Ганс Дауфельдт.

Знал Фельфе и о том, чем занимался Аллен Даллес: во-первых, из телеграмм американского посланника из Берна в Вашингтон, которые регулярно расшифровывали в Берлине. Во-вторых, от собственного «источника» — от молодого немца (кличка — Габриэль), прикинувшегося участником антигитлеровского заговора и в этом качестве засланного к Даллесу. Габриэль (в донесениях СС он носил номер 144/7957¹). Из сообщений этого агента явствовало, что американский представитель — открытый недруг Советского Союза и ожидает столкновения СССР и США в ходе «очередной войны», что он осуждает Рузвельта за требование безоговорочной капитуляции Германии и ищет в Германии людей, которые помогли бы Западу. По указанию из Берлина Габриэль и далее поддерживал контакты с Даллесом, причем тот порой так предавался хвастовству, что (во время тайных переговоров с обергруппенфюрером СС Вольфом в Швейцарии) выбалтывал подробности, которые Вольф скрывал от своего начальника Кальтенбруннера. А Габриэль все доносил начальству...

Фельфе свидетельствует, что донесения из Швейцарии немедленно докладывались начальнику VI управления Шелленбергу, затем — Кальтенбруннеру и Гиммлеру. «Когда с фельдъегерем прибывала из Швейцарии почта в больших полотняных пакетах зеленого цвета, — вспоминает Фельфе, — я немедленно смотрел в опись — нет ли там доклада о Фостере? Дело в том, что мы сначала спутали резидента УСС Аллена Уэлша Даллеса с его братом Джоном Фостером. Ошибка была устранена, но обозначение осталось». Особый интерес, поясняет Фельфе, проявил к донесениям Шелленберг, ибо «через него шли и другие связи, при помощи которых выяснялись возможности сепаратных переговоров».

¹ Номер 144 обозначал принадлежность к отделу «Швейцария/Лихтенштейн».

Папка д-ра Шюддекопфа

На этот раз мне пришлось принести свои извинения. Пришло письмо, в котором его автор — историк и политолог д-р Отто-Эрнст Шюддекопф — требовал, как принято говорить, сатисфакции. Он счел себя уязвленным, поскольку считал меня виновным в том, что его, д-ра Шюддекопфа, сочли замешанным в переговоры принца Гогенлоэ и Даллеса и даже участником встреч в Швейцарии. Нет, он в Швейцарии не был, Даллеса не видел, и вообще упоминание его имени в этой связи основано на недоразумении.

Недоразумение действительно имело место. В документах, которые обнаружили в 60-е годы чешские журналисты, упоминалось его имя — в письме, которым в апреле 1943 года (то есть после швейцарских переговоров) начальник одного из отделов ведомства Шелленберга сопровождал очередной отчет о контактах Даллеса. С чего бы это? Не потому ли, что Шюддекопф уже был связан с этой операцией, побывав ранее у Даллеса?

Предположения дело полезное. И хотя на этот раз оно не подтвердилось (в Женеву ездил не Шюддекопф, а Шпитци), оно вывело на некоторые другие акции СС, тесно связанные с интригой Гогенлоэ. Оказалось, что обиженный доктор был «всего-навсего» начальником отдела разведки СС (VI-Д), который ведал Англией. Готовя очередную операцию, д-р Шюддекопф — тогда вовсе не историк, а штурмбаннфюрер СС — собрал ряд секретных документов (в том числе и отчеты Гогенлоэ—Шпитци), положил в специальную папку и унес домой. Правда, он нарушил строжайшие предписания о соблюдении секретности, запрятав документы дома в ящик стола и забыв о них, пока не пришел конец войне. Папка попала в руки английских оккупационных войск, затем — в западноберлинский документальный центр и мюнхенский Институт современной истории¹.

Какая же готовилась операция? Если перелистать пожелтевшие страницы папки, то они достаточно определенно свидетельствуют: речь шла о сепаратных контактах с западными державами.

Вот, к примеру, документ под заголовком «Зондаж английских условий мира»:

¹ В беседе д-р Шюддекопф подтвердил подлинность документов.

«Как ранее сообщалось, президент Шведского придворного суда Экберг решился взять на себя выяснение возможностей заключения мира между воюющими сторонами. Сообщалось также, что об этом проинформирован английский премьер-министр Черчилль. Английский посланник в Стокгольме гарантировал соблюдение тайны.

Сейчас президент Экберг через финского посла Кивимяки дал мне знать, что он по собственной инициативе принял решение поставить английскому посланнику такой вопрос:

если Россия будет полностью разгромлена и захвачена Германией, то при каких условиях английское правительство было бы готово начать мирные переговоры с германским правительством?

Экберг далее сообщил, что, по его убеждению и опыту, почерпнутым из бесед, Англия не заинтересована в победе большевизма.

Английский ответ будет передан мне Экбергом сразу после его получения».

К сожалению, документ не подписан и не датирован. Однако карандашная пометка («21/42») и само содержание дают основания полагать, что он относится еще к 1942 году — по крайней мере, до начала Сталинградского сражения. Ибо кто стал бы рассуждать о «полном разгроме и захвате» Советского Союза в 1943 году? Но запомним Стокгольм как удобную базу для возможных переговоров...

Следующий документ имеет дату 27 ноября 1942 года и озаглавлен: «Разведывательные связи с Англией». А начинается он несколько неожиданно: «Уполномоченный имперского министерства иностранных дел по связи с министерством пропаганды по всем вопросам радиопропаганды д-р Кизингер на утреннем совещании 24 ноября...»

Как говорится, «знакомые все лица»! Д-р Кизингер — благополучно пребывающий ныне в ФРГ ветеран Христианско-демократического союза, бывший федеральный канцлер (1966—1969) Федеративной республики. Однако в 1942 году на совещании его волновали другие вопросы: разведка получает из Англии мало сведений, которые делали бы немецкую радиопропаганду правдоподобной...

Дальше идут документы 1943 года и посущественнее:

например, донесение резидентуры из Парижа от 26 мая 1943 года:

«Содержание: высказывания английского посла в Мадриде Хора о военном положении.

Источник: Агент 36/1.

Агент 36/1, который недавно был в Мадриде, имел личную беседу с сэром Сэмюэлем Хором, содержание которой излагается ниже».

Что же «излагается ниже»? Сначала оценка политики Франко, затем — причины, почему Англия и США в данный момент не собираются вступать в переговоры с Гитлером при посредничестве Испании. Хор сказал: «Мы вовсе не хотим, чтобы Красная Армия вступила в Берлин. Более того, мы готовы бороться с коммунизмом. Однако нам кажется более важным уничтожение национал-социализма в Германии. И без того внутри рейха уже есть значительные коммунистические течения, так как рабочим нечего есть».

Дальше сэр Сэмюэль перешел к возможным действиям союзников: «Сейчас мы заняты тем, чтобы оснастить в Северной Африке 500-тысячную французскую армию. Однако ее собираются не вводить в бой, а подготовить для оккупации Франции, чтобы после отхода немецких войск избежать нарастания коммунизма и других беспорядков».

Можно себе представить, каким елеем были эти поистине кощунственные рассуждения посла для тех, к кому они попали! А рядом легло другое сообщение — также из Парижа: «Запланированные на март операции англичан и американцев по высадке отменены и не будут проводиться, так как союзники пришли к убеждению, что еще в этом году в немецком правительстве произойдут изменения. Об этом официальные лица, принадлежащие или близкие к министерству иностранных дел, а также руководящие деятели экономики и промышленности проинформировали американские круги. Канал к американцам есть».

Взглянем на поля: здесь чьей-то рукой приписано:

«Правильно. См. м-р Балл. 21.3.43»¹.

Итак, швейцарские переговоры были «в работе» у разведки СС, поскольку шли в общем фарватере поисков антикоммунистического сговора, надеяться на который

¹ Прямая ссылка на переговоры Даллеса — Гогенлоз.

позволяли высказывания не только Даллеса, но Хора и иных. Вот, к примеру, агентурное донесение из парижского банка «Вормс и компания», в котором высказывалось убеждение, что «в ближайшее время будет необходимо вести переговоры с англосаксонскими странами, и если из них будут исключены некоторые деятели немецкого правительства (но не сам фюрер), то это станет возможным. В любом случае следует попробовать действовать в этом направлении. Угроза большевизма в Европе... это серьезная проблема, и, к сожалению, чем тотальнее становится европейская война и чем дольше она длится, тем больше будет нарастать большевистская опасность в Европе».

А вот и голос... Гогенлоз. Он прослушивается на двух страничках телеграммы американского посла в Швейцарии Гаррисона. Можно спросить: а как она попала в папку Шюддекопфа? Ведь Гаррисон посылал ее не в Берлин, а в Вашингтон? Секрет прост: дешифровальная служба СС читала все шифрограммы посла. И снова не без удовольствия Шелленберг мог узнать, что Гаррисон, приняв Гогенлоз, сообщал в Вашингтон следующие рекомендации принца:

«Он советует усилить антикоммунистические элементы, которые активны, когда их хоть немного поддерживают... Он убежден, что организация Гиммлера является лучшим наличным фактором для поддержания порядка внутри и для сопротивления коммунизму».

Остался ли этот совет втуне? Некоторые события 1943 года свидетельствуют об обратном. И разыгрались они в том самом Стокгольме, где еще в 1942 году некие шведские посредники предлагали свои услуги для налаживания контактов через линию фронта, благо она не проходила через нейтральную Швецию.

В Стокгольм уже давно наведывались немецкие эмиссары. Наиболее известной стала в послевоенное время миссия пасторов Ганса Шёнфельда и Дитриха Бонхёфера, которые по заданию оппозиционной группы Гёрделера — Бека зондировали позицию Англии через архиепископа Чичестерского Дж. Белла. Бонхёфер вернулся тогда из Стокгольма без каких-либо обещаний с английской стороны, хотя его предложения были доведены до сведения Черчилля. Видимо, позиции «оппозиционеров» были расценены как слишком слабые, чтобы Англия и США могли бы делать на них ставку. Министр иностранных дел Англии Антони Иден, которого информировал о своих

беседах Белл, с полным правом ответил ему, что, во-первых, он считает невозможным вести сепаратные переговоры за спиной других союзников; во-вторых, «оппозиция» себя еще ничем не зарекомендовала, чтобы Англия давала ей какие-либо авансы. Этот ответ Идена был доведен до сведения посла США Вайнанта, который в свою очередь информировал государственный департамент.

Но эти попытки не были исключением. Еще до пасторов в Стокгольме наладил контакты д-р Карл Лангбен — человек с большими связями в Берлине, работавший одновременно и на Канариса и на Гиммлера (не говоря уже о том, что он был в курсе дел Гёрделера — Бека). Лангбен хорошо знал Стокгольм, где в декабре 1942 года познакомился с м-ром Брюсом Хоппером.

Хоппер был профессором Гарвардского университета, но у него была и другая «работа»: начальника резидентуры УСС в Швеции, которая начала свою деятельность с некоторой особенностью. Бюро Хоппера вело разведывательную деятельность не только против Германии, но и против Советского Союза. Этой специфической работой руководил давний специалист по антисоветским делам экономист из Дюкского университета Кальвин Гувер. Поэтому, когда Хоппер познакомился с Лангбеном, тот его крайне заинтересовал. Ведь Лангбен был полностью в курсе замыслов Шелленберга — Гиммлера, связанных с возможными переменами в верхушке рейха! Именно Лангбен организовал в том же, 1943 году встречу уполномоченного «оппозиции» фон Попица с рейхсфюрером СС, в ходе которой Гиммлер поставил вопрос:

— Будут ли Англия и США готовы к сепаратному миру?

Попиц отвечал, что с Гитлером западные державы говорить не будут, а с Гиммлером, может быть, и захотят. Как мы видим, и здесь ставка на СС!

Правда, послевоенная американская версия взаимоотношений Хоппер—Лангбен строится на том, что «Хоппер вежливо указал Лангбену на дверь» (в книге Р. Х. Смита об УСС). Однако непонятно, как мог в таком случае Лангбен сообщить тогда, в начале 1943 года, своим друзьям, что «есть приемлемые возможности мира» с западными державами? И почему не миновало и нескольких месяцев, как другой представитель УСС — Абрахам Стивенс Хьюитт — снова связался с непосредственным

окружением Гиммлера? Эта связь была осуществлена через шведского дельца Иона Граффмана, который был хорошо знаком с личным врачом Гиммлера д-ром Феликсом Керстеном.

О Керстене существует специальная литература — его мемуары, комментарии к ним, исторические и даже беллетристические повествования. Как личность он этого безусловно не заслуживает, но, занимаясь «анатомией измены», нам небезынтересно взглянуть на этого архитипичного участника закулисных комбинаций. Человек с двумя паспортами (шведским и финским), обладатель «магического дара» успокаивать массажем мышечные и иные боли, он чем-то напоминал придворных лекарей средневековых времен. В нацистском рейхе многие держали при себе подобных типов — их особенно коллекционировал любитель «оккультных наук» Гесс; при Гитлере состоял «профессор» Морелль, при Гиммлере — Керстен. Кстати, попал он к нему по рекомендации одного из крупных немецких промышленников, состоявших в знаменитом «кружке друзей рейхсфюрера СС». Но вот что важно: для роли посредника в антисоветских комбинациях мало было придворных талантов. Надо было быть, например, как Керстен, участником подавления Эстонской Советской Республики в 1919 году и вдобавок крупным международным спекулянтом.

Путь вел от Граффмана к Керстену, от Керстена — к Шелленбергу. Именно к нему, ибо еще в 1942 году Керстен стал доверенным лицом начальника разведки СС — после его знаменательного разговора с Гиммлером о необходимости поисков каналов, ведущих на Запад. Сам Шелленберг описывает встречу с эмиссаром УСС так:

...Когда в Берлине были получены сведения о состоявшейся в октябре 1943 года Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании, Гиммлер и Шелленберг крайне обеспокоились, ибо конференция продемонстрировала укрепление антигитлеровской коалиции. Документы попали в Берлин необычным путем: отчет о конференции, составленный в Форин оффис и направленный для информации английскому послу в Анкаре, был тайно сфотографирован знаменитым немецким агентом Цицероном. Шелленберг особенно был расстроен отказом союзников от вторжения на Балканы; оно должно было произойти в Северной Франции. Именно после этого перепуга начальник разведки СС использовал

«открывшуюся возможность» связаться через Керстена с м-ром Хьюиттом.

Встреча (Шелленберг не называет дату) состоялась в Стокгольме и длилась три (!) дня. Оттуда Шелленберг вернулся в Берлин и составил отчет для Гиммлера. У того якобы «перехватило дыхание» от неожиданности, и на разведчика обрушился гнев рейхсфюрера. Шелленберг выждал, благо все были заняты новыми сообщениями Цицерона, подтверждавшими неутешительные для рейха сведения. Тогда Гиммлер сказал своему любимчику:

— Вы правы, надо что-то делать.

И добавил:

— Не прерывайте контакт с Хьюиттом. Не могли бы вы передать ему, что я готов с ним встретиться?

На этом словоохотливый (в других случаях) Шелленберг прекращает свои записи. Восполним сей недостаток. Как явствует из мемуаров Керстена, еще до встречи в Стокгольме с Шелленбергом Хьюитт сообщил ему, что США заинтересованы в «сепаратном мире» (то есть без СССР), если Гиммлер совершит переворот. Сообщил он и американские предложения о возможной базе «компромисса»:

— уход Германии с оккупированных территорий;

— восстановление германских границ 1914 года;

— выборы в Германии под англо-американским контролем;

— контроль Англии и США над германской военной промышленностью;

— наказание военных преступников, роспуск СС и сокращение вермахта.

В другом варианте платформа Хьюитта включала:

— устранение Гитлера;

— восстановление доверсальских германских границ;

— предотвращение «русской гегемонии» в Европе.

Оба варианта не оставляли сомнений в намерениях их составителей — тем более, что когда 9 ноября Шелленберг прибыл в Стокгольм, то Керстен сообщил ему, что Хьюитт «видит опасность, угрожающую с Востока». Гиммлер одобрил программу с некоторыми поправками 9 декабря, а согласие на прием Хьюитта в Берлине дал в конце декабря.

Шелленберг умалчивает, что у него состоялась и вторая встреча: на ней Хьюитт сообщил, что если Рузвельт

одобрит план, то он, Хьюитт, даст в стокгольмской прессе объявление следующего содержания: «Продается ценный аквариум с золотыми рыбками, стоимость 1524 кроны». Если объявление не появится, то это будет означать, что Рузвельт отклонил предложение. Американский эmissар уточнил, что ему понадобится определенное время для того, чтобы выяснить позицию Вашингтона. В случае одобрения и публикации об аквариуме Хьюитт просигнализирует об этом через посольство в Лиссабоне, подписав сообщение псевдонимом Зигель, Шелленберг должен ответить как Браун.

Видимо, до поры до времени Донован и Хоппер могли плести свои интриги на собственный страх и риск. Но на посылку в Германию сотрудника УСС (Хьюитт в беседах именовал себя то «представителем президента США по европейским делам», то уполномоченным государственного секретаря Э. Стеттиниуса; в действительности он представлял в Стокгольме отдел УСС, возглавлявшийся Кальвином Гувером, т.е. отдел, ведущий работу против СССР) необходима была санкция на более высоком уровне. Надо ли догадываться, что он ее не получил? О продаже аквариума за 1524 кроны шведские и иные любители золотых рыбок так и не узнали. Рузвельт и государственный департамент строжайше запретили продолжать контакты (Кальвин Гувер, оплакивая свой план, жаловался, что президент тем самым «проиграл войну»). Да и Гиммлер был изрядно напуган. Шелленберг был упрямее: он продолжал поиски новых каналов, не гнушаясь никакими средствами. Как-то (уже в начале 1944 года) ему сообщили, что известная парижская законодательница мод мадам Коко Шанель близка к окружению Черчилля и люто ненавидит Советский Союз. Мадам пригласили к Шелленбергу, и на этой встрече было условлено, что СС освободит арестованную в Италии подругу Шанель англичанку Веру Ломбарди. Ей будет вручено письмо для английского посла в Мадриде сэра Сэмюэля Хора с просьбой помочь в поиске «компромисса». Письмо же должен передать Ломбарди не кто иной, как наш знакомый Рейнхард Шпитци!

Вот уж поистине «кольцевой сюжет»: от Шелленберга через Шпитци к Даллесу, от Даллеса через папку Шюддекопфа к сэру Сэмюэлю, отсюда через Хьюитта к Шелленбергу, а от него через Ломбарди к Шпитци и снова к сэру Сэмюэлю! Своего рода замкнутый круг интриги.

Стамбульский узел

Теперь перенесемся с севера Европы на юг, в Турцию 1943 года. Это государство, как и Швеция, не участвовало во второй мировой войне. Однако все время вокруг Турции шла напряженная политическая борьба: гитлеровская Германия старалась привлечь ее на свою сторону или, по крайней мере, вовлечь в сферу своего влияния. Страны антигитлеровской коалиции стремились этого не допустить. Но как хотелось нацистам добиться своей цели! Видимо, именно поэтому послом в Анкаре стал человек, с которым связывались большие надежды. Напомним: Папен — немецкий военный атташе в США в годы первой мировой войны, затем видный политический деятель веймарской Германии, рейхсканцлер в 1932—1933 годах, вице-канцлер в первом кабинете Гитлера, после этого — посол в Австрии. Карьера примечательная, особенно потому что Папен не был членом нацистской партии. Более того: представляемую им партию Центра распустили, многие ее деятели эмигрировали или их жизнь оборвала нацистская пуля. А Папен оставался на поверхности!

Турция была важным плацдармом и для нацистской разведки. С этой точки зрения на первом месте стояла не Анкара, а Стамбул — перекресток международных путей, давний центр всевозможных интриг, любимый объект авторов детективных романов. Здесь находился один из главных опорных пунктов абвера — разведслужбы адмирала Канариса. Еще задолго до войны абвер создал свои зарубежные опорные пункты — так называемые «Военные организации» (сокращенно КО) по следующей схеме:

— разведка в районе Балтийского моря против СССР и Англии

— на Иберийском полуострове

— в Латинской Америке

— в Юго-Восточной Европе

— в Центральной Европе

— КО в Швеции и прибалтийских странах

— КО в Португалии и Испании, филиалы — Танжер, Касабланка

— КО в Аргентине

— КО в Венгрии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции

— КО в Швейцарии

— на Ближнем Востоке

— КО в Турции (Анкара),
филиалы — Стамбул, Теге-
ран

— на Дальнем Востоке

— КО в Шанхае

Что касается Стамбула, то Канарис сам часто туда наведывался. А местную резидентуру — филиал КО в Стамбуле — возглавлял опытный разведчик д-р Пауль Леверкюн — человек с большими международными связями, работавший в США и числивший среди своих ближайших друзей многих американских дельцов и юристов, в том числе Уильяма Донована. Разумеется, в Турции было представлено и ведомство Шелленберга в лице оберштурмфюрера СС Людвига Мойзиша (он находился при Папене, в Анкаре).

Американская разведка появилась здесь позже: во-первых, Ближний Восток всегда был излюбленным местом работы и, можно сказать, владением английских спецслужб; во-вторых, когда УСС стало открывать свои бюро на Ближнем Востоке (сначала в Каире), то выбор Донована пал на владельца импортно-экспортной фирмы Улисса Амосса, который больше занялся своим бизнесом, чем разведкой. Летом 1943 года он был смнен бывшим вице-президентом «Фёрст нэшнл бэнк оф Бостон» Джоном Тулмином. Турецкое бюро УСС возглавлял Ланнинг Макфарланд, совладелец банка «Нозерн траст». В Стамбуле было открыто самостоятельное бюро УСС под руководством бывшего журналиста Арчибальда Колемэна. Здесь же работал «археолог» Джером Сперлинг. Макфарланду Донован передал «ключ» к работе в Турции — рассказал о своем давнем знакомстве с д-ром Паулем Леверкюном. Для связи с ним в стамбульском бюро были два немца-эмигранта — экономист профессор Александр Рюстов и Гейнц Вильбранд. Однако бюро УСС в Стамбуле было не единственным «глазом» США в Турции. Сюда в конце 1942 года в качестве специального наблюдателя в ранге военно-морского атташе был направлен бывший посол США в Болгарии Джордж Эрл.

Дж. Эрл — фигура примечательная. Крупный делец из Пенсильвании, он принадлежал к числу лиц, финансировавших первую избирательную кампанию Рузвельта. После избрания Рузвельта он получил пост посла в Вене, затем был в 1940—1942 годах послом США в Болгарии. «Это один из тех состоятельных людей, — писал о нем

видный американский дипломат Уильям Додд,— которых назначают на дипломатические посты за границей, но которые, однако, мало знакомы с историей своей родины или какой-либо другой страны... Он умен, хотя на все общественные явления смотрит глазами богатого человека».

Сейчас трудно установить, кто конкретно был инициатором разведывательно-политической акции, предпринятой поздней осенью 1943 года с участием Эрла. Сам он впоследствии рассказывал, что еще в январе 1943 года к нему в стамбульскую гостиницу явился неизвестный человек и представился:

— Я адмирал Канарис, начальник абвера...

Якобы состоялась беседа, во время которой Канарис предложил такие условия: США отказываются от требования безоговорочной капитуляции, Германия идет на сепаратный мир...

На самом деле все обстояло более прозаично. В феврале к Эрлу действительно явился нацистский агент, но не сам адмирал, а некто Мацхольд, живший долго в США и связанный с немецкими спецслужбами и МИД Германии. Мацхольд знал Эрла с довоенных времен и пришел к нему с предложением о сепаратном мире. Эрл сообщил об этом в Вашингтон, добавив к этому впечатления о своих беседах на ту же тему с фон Папеном.

В принципе Эрл занялся не своим делом: его послали как «знатока болгарской ситуации» для освещения положения на Балканах. Однако, получая сведения о колоссальном воздействии побед Советской Армии на положение на Балканах, о быстром процессе революционирования масс, о грядущем крахе прогнивших антинародных режимов, Эрл проникся испугом своих собеседников. Вслед за ними он считал, что надо срочно спасти позиции Запада на Балканах, а для этого пойти навстречу тем немецким кругам, которые искали сговора с США. А эти круги представляли как Папен, так и Канарис.

Встречался ли Эрл лично с Канарисом? Очевидцы, с которыми беседовал западногерманский публицист Хейнц Хёне, утверждают, что встречался. Сперва собеседником американского разведчика был барон фон Лерзнер (мы с ним уже знакомы), благо он в прошлом также был моряком, а в давние времена пребывания в США был знаком с тогдашним военно-морским министром Франклином Рузвельтом. Лерзнер организовал встречу

Эрла с адмиралом Канарисом. «Два моряка, два завяз-
тых антикоммуниста — дело могло пойти», — иронизи-
рует по этому поводу Хёне. Программа Канариса гласи-
ла: «После государственного переворота в Германии
оппозиция предлагает западным союзникам капитуля-
цию, единственным условием которой явятся совместные
англо-американо-германские действия, долженствующие
воспрепятствовать советскому продвижению в Централь-
ную Европу». (Так ее изложил знакомый нам Альберт
Ведемейер, друг Эрла.) Эрла эта программа привела в
восторг, и он сообщил о ней в Вашингтон для доклада
Рузвельту. В ожидании ответа он встречался с Лерзнером
и заверял его, что все будет в порядке:

— Наш друг Франклин Рузвельт сообщил мне, что он
и его единомышленники благожелательно обсудят любое
мое предложение, так как он верит мне на слово...

Неудивительно, что Лерзнер, выслушав эту похваль-
бу, даже собрался вылететь вместе с Эрлом в США и
заручился поддержкой Ватикана (Ронкалли, Монтини),
где он за год до этого побывал с аналогичной целью.

В действительности дело обстояло иначе, совсем ина-
че: как и в других случаях, Рузвельт ответил категориче-
ским «нет» (Ведемейер датирует отказ весной 1943 года).
Однако оба интригана не успокоились: Лерзнер в мае
1943 года «обрадовал» Эрла новым планом: отборные
немецкие части, получившие большой боевой опыт на
советско-германском фронте, окружают штаб-квартиру
Гитлера в Восточной Пруссии, арестуют фюрера и...
выдадут его западным союзникам. Как видно, Лерзнер
ни в чем не хотел уступать хвастуну и авантюристу Эрлу.
Другим «перлом» было предложение Канариса послать в
Англию офицера немецкого генштаба, дабы он открыл
союзникам западный фронт, если те высадятся во
Франции...

Плохие анекдоты? Увы, нет. Когда впервые после
войны стали известны «похождения» Эрла в его собствен-
ном изложении, то многие (включая и автора этой книги)
считали это чистым блефом. Однако советский исследо-
ватель В. Мальков много лет спустя обнаружил в архиве
Гопкинса и Рузвельта большое количество донесений
Эрла, в которых тот в течение 1943 — 1944 годов (правда,
гораздо более скупое и, разумеется, без упоминания Кана-
риса) докладывал о предложениях, поступавших от не-
мецкой стороны. Эти же источники подтверждают, что

Рузвельт отвергал политические авантюры Эрла. Дело дошло до того, что, когда в конце войны в личном письме президенту Эрл потребовал разрыва с Советским Союзом и даже угрожал президенту политическим скандалом, тот ответил резким письмом, расценив требования зарвавшегося политика как «величайшее предательство» и запретив ему публичные выступления. Кстати, это письмо Рузвельта, написанное 23 марта 1945 года, еще раз свидетельствует, насколько тверд был президент в своем политическом курсе.

Но вернемся в Стамбул. Здесь Эрл, несмотря на запрет Рузвельта, не прекратил своей деятельности, продолжая бомбардировать Вашингтон телеграммами о «советской угрозе». В то же время не будем забывать: Эрл был лишь «аутсайдером» в стамбульских делах, основную нить здесь должны были вить Донован и его подчиненные. Чем же они занялись?

Как и следовало ожидать, Донован активно использовал свой канал, ведущий к Леверкюну и Папену. Он, разумеется, был в курсе связей с Эрлом, но повел дело несколько иначе. Его центральной задачей (вскоре мы поймем почему) было тщательное изучение возможностей, которые привели бы к смене гитлеровского правительства — до высадки союзников в Западной Европе или после нее. Это означало, что требовалось в первую очередь определить перспективы «консервативной оппозиции» в Германии.

С этой точки зрения были изучены предложения Канариса — Леверкюна. С обоими у Донована были прекрасные отношения. Летом 1939 года, на самом пороге войны, будущий директор УСС побывал в Берлине, где встречался как с Леверкюном, так и его шефом — «адмиралом от разведки», а также с сотрудником адвокатской конторы Леверкюна графом Гельмутом Джеймсом фон Мольтке и статс-секретарем МИД Германии Эрнстом фон Вайцзеккером. Все они теперь в той или иной степени оказались замешанными в заговоре. Поэтому Леверкюну сейчас, в 1943 году, было поручено изложить предложения Канариса в письменной форме. Они были переданы в Вашингтон, где подверглись экспертизе и были признаны подлинными.

Текст предложений Леверкюна — Канариса не сохранился. Зато сохранился и опубликован важнейший документ, который получил в УСС кодовое название «план

Герман», подробно излагавший замысел заговорщиков. Он был результатом визита в Стамбул графа фон Мольтке.

Мольтке был давно на примете у УСС — еще во времена «проекта Джордж». Правнук легендарного фельдмаршала, он учился в США и Англии, где получил звание адвоката. Мать графа была англичанкой, родственницей южноафриканского премьера фельдмаршала Сметса и лондонского банкира Шредера. Сам Донован характеризовал молодого графа как «врага русских по убеждению и симпатизирующего англосаксам». В годы войны Мольтке стал одной из центральных фигур «оппозиции»; в поместье Крейсау собирались его единомышленники, обсуждая свои политические планы. Возможно, Донован переоценивал консервативные убеждения своего давнего знакомого, ибо в Крейсау преобладали представители либеральных групп. Но так или иначе, Мольтке точно знал о состоянии дел и замыслах заговорщиков, а служба у Канариса давала ему возможность поездок за границу, где у него было много знакомых, например тот же д-р Леверкюн, в адвокатской конторе которого он служил до войны.

В 1943 году Мольтке несколько раз побывал в Стокгольме и Стамбуле. Первый визит на берега Босфора не принес особого успеха. Замысел состоял в том, чтобы встретиться с американским послом в Каире Александром Кэрком, которого Мольтке знал с давних времен. Передав это предложение через посредников, Мольтке собирался лететь в Каир или встретиться с Кэрком в Турции. Американская сторона не могла пойти на столь рискованный шаг — ведь Мольтке был официальным сотрудником абвера. Личная встреча Мольтке с военным атташе США в Турции Тиндэллом также мало что дала — Тиндэлл был связан инструкциями госдепартамента.

Однако Леверкюн нашел другой путь: он свел Мольтке с двумя агентами стамбульского бюро УСС — Александром Рюстовым и Гансом Вильбрандтом. Так как Мольтке вскоре должен был уехать, Рюстов взялся изложить мысли графа в письменном виде. Этот документ сохранился и представляет собой исключительный интерес, как наиболее развернутая программа возможного сговора Германии и США. Эту программу нельзя

считать чисто немецкой, поскольку агент УСС Рюстов практически был соавтором документа. Вот он:

«Экспозе о готовности мощной немецкой группы подготовить и поддержать военные операции союзников против нацистской Германии.

Предварительное замечание: нижеследующее экспозе излагает взгляды и планы весьма влиятельной группы внутригерманской оппозиции по вопросу ускорения победы союзников и ликвидации нацизма. Оно составлено на основе многочисленных и подробных бесед и дискуссий с одним из ведущих членов этой группы. . .

Характер и позиция немецкой оппозиционной группы: если отвлечься от национал-социалистской партийной иерархии и подчиненных ей органов и функционеров, в Германии есть две группы, обладающие властью: офицерский корпус вермахта и высшие чиновники. . . Внутри тесно связанных между собой кругов высшего чиновничества и кадрового офицерства можно различить три категории: 1) политически нейтральных специалистов. . . 2) убежденных нацистов. . . 3) решительных и сознательных противников нацизма. . . Третья категория, в свою очередь, распадается на два крыла: одно одобряет «восточную», прорусскую ориентацию, другое — «западную», проанглосаксонскую тенденцию. . . Хотя западная группа оппозиции численно слабее, она занимает многие ключевые посты в военной и чиновничьей иерархии, включая верховное главнокомандование. Она находится в тесной связи с католическими епископами, протестантской церковью, руководящими кругами бывших профсоюзов и рабочих организаций, а также с влиятельными представителями промышленности и интеллигенции. Сейчас эта группа ищет практической основы для эффективного сотрудничества с англосаксонскими союзниками.

Предпосылки для сотрудничества с союзниками:

. . . Важной предпосылкой нижеизложенного плана является сохранение Восточного фронта, который должен пройти примерно по линии Тильзит—Лемберг. . . Подобная ситуация оправдывает перед национальным самосознанием решающие действия на Западе, являющиеся единственным средством предупредить мощную опасность с Востока.

Группа готова осуществить далеко идущие планы военного сотрудничества с союзниками. . . Победа над Гитлером, вслед за чем произойдет возможно быстрая

оккупация Германии союзниками, молниеносно изменит ситуацию...

Если будет решено создать второй фронт на Западе, введя со всех сторон превосходящие силы, которые затем осуществят тотальную оккупацию Германии, группа готова поддержать операции союзников всеми своими силами... Она позаботится о том, чтобы одновременно с высадкой союзников было образовано временное антинацистское правительство... Она исполнена решимости воспрепятствовать опасности (большевизации) и в первую очередь помешать тому, чтобы война окончилась победой Красной Армии, которая означала бы русскую оккупацию Германии еще до прихода англосаксонских армий...»¹

Это важное экспозе было направлено из стамбульского пункта УСС в Вашингтон, в штаб-квартиру Донована, для доклада президенту. Рюстов мог рассчитывать на поддержку своего начальника, зная о его убеждениях. И действительно, в течение всего 1943 года Донован все больше склонялся к принятию немецких предложений. «Эта акция,— писал он в одном из докладов Рузвельту,— будет подразумевать заверения Англии и США в том, что когда нацисты будут свергнуты, то переговоры будут вестись (немецкой стороной.— Л. Б.) только с западными державами, и ни при каких обстоятельствах с Советским Союзом. Подчеркивается принципиальный консерватизм участников этих групп и в то же время их готовность сотрудничать со всеми приемлемыми элементами из числа левых, исключая коммунистов».

Что же произошло дальше?

...То, о чем мы собираемся рассказать, выглядит абсолютно невероятным даже для детективного романа. Но иногда документы, опубликованные на страницах американских исследований, оставляют далеко позади даже самый дерзкий вымысел.

В июле 1943 года в каирское бюро УСС явился журналист Теодор Морде, представившийся корреспондентом журнала «Ридерс дайджест». Он и раньше бывал в Каире, правда в иной функции — агента американской военной разведки, затем сотрудника бюро военной информации, наконец, личного референта посла США в

¹ Текст опубликован вдовой графа Мольтке и английскими историками Фрисби и Бальфуrom.

Египте Александра Кэрка. На этот раз Морде прибыл в Каир со специальным заданием: он должен был оттуда отправиться в Турцию к немецкому послу фон Папену. И хотя Морде изложил начальнику УСС в Каире полковнику Грюнтеру фантастическую версию о том, что Папен должен помочь свергнуть Гитлера, арестовать его и выдать союзникам, полковник согласился переправить Морде в Турцию. 5 октября 1943 года «журналист» встретился в Стамбуле с фон Папеном. Он вручил немецкому послу американский документ, который, по его словам, должен был стать основой политического соглашения между США, Англией и Германией. Приведем текст этого поразительного документа, сохраненного одним из бывших сотрудников стамбульского бюро УСС и преданного гласности после войны:

«1. Признание принципа, согласно которому Германия будет господствовать в политической, промышленной и сельскохозяйственной жизни континентальной Европы. Для этого:

а) союзники благожелательно отнесутся к тому, что Берлин станет резиденцией парламента, представляющего все государства Федеральных Штатов Европы,

б) союзники благожелательно отнесутся к предложению, согласно которому границы Германии будут пересмотрены с целью включения немецких меньшинств из Польши, Судетской области, Австрии и т.д.

2. Германия, США и Великобритания станут «державами великой тройки». Германия — в континентальной Европе, США — на американских материках и в Китае, Великобритания — в заморских территориях и в Африке (континентальная Европа будет включать Польшу, Прибалтику и Украину). Германия будет закупать сырье у США и Великобритании и поставлять им продукцию. На европейском рынке не будет британской и американской конкуренции с Германией.

3. Германия не будет вмешиваться в действия союзников против Японии. Взамен она получит компенсацию за счет голландской колониальной империи.

4. Ленд-лиз и прямая помощь России будет прекращена в том случае, если Германия не будет помогать Японии в ее действиях против России или против союзников.

5. США и Великобритания гарантируют, что Россия никогда не вторгнется на германскую территорию. В

случае необходимости они вооруженными силами помогут Германии, дабы воспрепятствовать вмешательству России в торговые, политические и промышленные дела новой, послевоенной Европы...»¹

Не больше и не меньше! Недаром, комментируя этот документ, английский публицист Энтони Кэйв Браун характеризует его как «акт невиданного предательства и циничного попрания союзнических соглашений». Можно было бы выбрать выражения посильнее, если учесть, что отчет Морде о встрече с Папеном был направлен в Вашингтон и с визой сотрудников УСС попал к президенту Рузвельту. Таким образом, речь идет не о плоде необузданной фантазии. Не забудем при этом, что идея раздела сфер влияния не раз высказывалась в беседах тайных эмиссаров.

...Выслушав мистера Морде, нацистский дипломат заверил его, что Германия не стремится к «политическому господству» в Европе и он лично «всячески одобряет создание федерации европейских государств», где Германии будет разрешено лишь «руководство экономикой Европы», Австрия останется в составе рейха, Судетская область получит автономию, Польша — западные границы 1914 года. Украина «должна стать независимым государством, объединенным соглашением с Европой, и не должна находиться под азиатским влиянием». Что касается рынков сбыта, продолжал Папен, то в послевоенной Европе «не будет конкуренции между Германией и Америкой», так как Германия нуждается в американских автомобилях, а США — в немецкой химии...

Хорошо зная, кому будут доложены его рассуждения, Папен усердно дул в антикоммунистическую дуду: «Он, как и немецкий народ, знает, что войну не выиграть, и даже нацисты это знают. Он предупредил, что нацисты способны на всякие трюки. Возможно, что, когда русские начнут вторжение на германскую территорию, какой-нибудь «красный» генерал совершит переворот и, спасая германскую армию, сговорится с русскими и перейдет на их сторону, чтобы помочь им создать коммунистическую Европу. Как он сказал, это «может» однажды случиться. Вот почему мы должны немедленно, как можно скорее заключить мир, дабы избежать подобной катастрофы, которая нанесет удар не только Германии и Европе, но также

¹ Текст предложений Морде опубликован после войны Ф. Колемэном в провинциальном американском журнале «Метро».

целям Америки и Англии»¹. На этом основании Папен через Морде просил США и Англию «надолго оставить свои войска в Европе», рассчитывая, что «условия мира разрешат Германии сохранить вооруженные силы для охраны своего восточного вала против русских». Такая «охрана может спасти Европу, что будет вкладом Германии в общее дело». Ни дать ни взять обоснование для приема в НАТО, вплоть до запугивания «красным генералом»!

Так шел торг. Когда же Морде захотел получить от Папена письменные заверения, хитрый и опытный разведчик принялся рассуждать о том, как трудно устранить Гитлера и убедить немцев в необходимости «менять лошадей в дороге». Для этого, считал Папен, требуется официальное подтверждение того, что США и Англия заключат мир с новым правительством Германии. Переговоры кончились тем, что Папен дал Морде секретный шифр, с помощью которого американцы могли связаться с ним через Рюстова (соавтора документа Молтке). Морде вернулся в Вашингтон, где его отчет благодаря содействию Донована был представлен Рузвельту с сопроводительным письмом и позитивной рекомендацией того же Донована. Однако президент не только отказался принять Морде, но распорядился отобрать у него заграничный паспорт.

Не приукрасило ли УСС свою «работу» в Стамбуле, не измыслило ли оно авансы, полученные из Германии? Нет, на этот раз нет. Сейчас установлено: другой правительственный орган — бюро военной информации — передал в Вашингтон свое собственное изложение предложений Папена — Леверкюна². Хотя донесение было датировано 14 января 1944 года, данные, сообщенные информатором, относились к осени 1943 года. Приводим два фрагмента из него:

«Фон Папен вернулся совсем недавно после визита к Гитлеру, и наш информатор разговаривал с ним... Фон Папен развил перед Гитлером свою любимую идею и, кажется, убедил его, что Германия должна продолжать войну, собрав все силы до того момента, пока в США не завершатся президентские выборы, то есть до ноября

¹ По донесению резидента УСС в Стамбуле.

² Документ обнаружен в архиве Рузвельта советским историком В. Мальковым.

1944 года. Его теория может быть сформулирована так: если Рузвельт не сможет одержать победу в Европе до дня выборов, он не будет переизбран. Для переизбрания Рузвельту необходимо, чтобы война в Европе окончилась победоносно до ноября 1944 года. Если же Германия продержится до этого времени, то Рузвельт потерпит поражение. При таком исходе пришедшее на смену его администрации новое американское правительство перенесет свои военные усилия с Германии на Японию, оставив Англию один на один с Германией. Так появится шанс для достижения взаимопонимания между Германией и Америкой».

Как видим, довольно спекулятивный замысел! Однако стамбульский агент далее приводит «разъяснение»:

«Левекюн сказал нашему информатору следующее. Все зависит от Рузвельта... Когда Рузвельт даже после открытия второго фронта не сможет добиться поражения Германии в сроки, которыми он располагает, он вынужден будет уйти. Он потерпит поражение в борьбе за переизбрание на пост президента, что станет крупнейшей и решающей политической победой Германии, открывающей путь к политическим действиям». Вот тогда-то, по мнению Левекюна, Германия и установит контакты с новым американским правительством.

Что же послужит основой для переговоров? Что может предложить Германия? «Она должна сделать упор на следующих трех пунктах: 1. В ходе войны сделалось очевидным для каждого, что Германия никогда не сможет добиться мировой гегемонии, чего, как полагали всегда, она домогается. Разумеется, Германия откажется от каких-либо амбиций в этом смысле. 2. С другой стороны, война доказала, что Германию нельзя сломить без, возможно, невосполнимых и самоубийственных жертв западного мира. Отсюда следует, что Германии должна быть предоставлена возможность в определенных размерах расширить свое жизненное пространство и тем самым обеспечить ее будущее. 3. Такой компромиссный мир автоматически должен сопровождаться либерализацией внутренней жизни Германии. Следует ожидать там изменений в сторону более умеренной системы...

Об этой программе из трех пунктов вот уже много лет мечтает Левекюн. Политически она сформулирована фон Папеном... Где-то в конце июня (1943 года.— Л. Б.) он встречался с Гиммлером и получил его согласие на

продолжение той же линии. Позднее, тем же летом в августе 1943 года, фон Папен снова беседовал с Гиммлером, и тот вновь выразил согласие с предложенной выше программой. К моменту посещения фон Папеном Германии в ноябре он получил согласие Гитлера на ее реализацию».

Перекличка полная — между докладами УСС о встречах с Папеном и отчетом бюро военной информации, который был не только получен в Вашингтоне, но и оказался на столе президента...

Что же означало все то, что творилось в Швейцарии, Швеции и Турции? Что означали эти закулисные интриги? Почему они плелись и почему неизменно оказывались в противоречии с политической линией президента Рузвельта?

Раньше об этом можно было догадываться. Теперь мы располагаем точными сведениями.

121

~~SECRET~~

W.D.
William D. Donovan
Director

MEMORANDUM FOR BRIGADIER GENERAL JOHN A. DEANE

SECRET
20 August
1943

The attached paper, "STRATEGY AND POLICY: CAN AMERICA AND RUSSIA CO-OPERATE?", has been prepared here in Quebec. It is a joint effort, but it is mainly the work of Gerard T. Robinson, who is a University and our chief liaison officer with the Russians. I am sending you a copy of the paper.

EXCLUDED FROM
DECLASSIFICATION

7

ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Меморандум 121

Жернова истории мелят медленно. Можно долго искать, предполагать, сопоставлять события, ища в них определенную логическую линию (всегда ли история развивается логично?), но последний вердикт остается невынесенным, пока на стол не ляжет документ.

Тот, кто познакомился с двумя политическими рядами — закулисными контактами США с различными германскими представителями и оттягиванием открытия второго фронта, — безусловно может делать определенные выводы о тесной связи обоих явлений и о позорной роли антикоммунизма, мешавшего приближению победы. И каждый мог предполагать: наверно, так именно и думали эти господа донованы и даллесы. Теперь не надо строить догадок, ибо мы вооружены документом.

«Стратегия и политика: могут ли Америка и Россия сотрудничать?» — так именуется меморандум, который в конце августа 1943 года составило УСС. Документ имел специальные грифы: «Секретно»; «Исключено из обычного порядка рассекречивания»; «3-я степень секретности. Степень пересматривается каждые 12 лет. Не подлежит автоматическому пересмотру»¹.

Подобные грифы объяснимы: речь шла о документе, составленном УСС под руководством его директора генерала Уильяма Донована. Более того, рукой генерала на

¹ Архив директора УСС в Национальном архиве США. Американские историки упоминали этот документ, но не публиковали его полностью.

нем было начертано: «Напечатать для информации как документ объединенного комитета начальников штабов» (высшего органа вооруженных сил США). А наверху — сделанное также от руки — обозначение «меморандум 121». Иными словами, документ был апробирован высшим военным руководством США и представлен на рассмотрение военных руководителей США и Англии. Его рассекретили лишь в 1978 году.

Почему же американские военачальники задались в 1943 году этим, на первый взгляд, «теоретическим» вопросом?

Вспомним август 1943 года. Еще катится по миру эхо Сталинграда. Завершается Курская битва. 6 августа президент Рузвельт поздравляет советские войска, которые «...своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление. . .»¹. Однако на главном театре военных действий Советский Союз ведет борьбу один на один: ни в 1942-м, ни в 1943 году обещанный союзниками второй фронт открыт не был. В этой обстановке в августе 1943 года в канадском городе Квебек встречаются Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль. Вместе с ними — все военное руководство обеих стран, высшие офицеры разведки. Предстоят важнейшие решения. И для этих решений готовят проекты, в их числе меморандум 121.

Меморандум начинается с изложения принципиальных основ стратегии Соединенных Штатов в войне. Можно лишь быть благодарным авторам за откровенность, с которой они охарактеризовали эти основы. Первый раздел, озаглавленный «Стратегия и политика неотделимы», содержит такие тезисы:

«Стратегия буквально неотделима от политики. Независимо от того, направляется ли она сознательно к достижению конкретных военных целей, стратегия фактически в весьма значительной степени определяет военные цели, которые можно достигнуть и которые действительно будут достигнуты.

Это особенно справедливо в нынешней войне, в которой существует серьезный недостаток единодушия среди предполагаемых победителей в Европе — Соединенных

¹ Советско-американские отношения. . . , т.1, с.358.

Штатов, Великобритании и Советской России. На будущее Европы глубоко и, пожалуй, решающим образом повлияют численность и географическое расположение вооруженных сил при прекращении официальных боевых действий против Германии.

Нынешний кризис в отношениях Соединенных Штатов и Великобритании с Советской Россией настоятельно требует пересмотра и определения стратегии и политики, которые определяют форму послевоенного устройства».

Что и говорить, у авторов меморандума были основания констатировать «кризис» в отношениях с Советским Союзом. Ведь США и Англия только-только известили советское руководство об очередном отказе от обещания открыть второй фронт. Это, впрочем, не мешало генералам видеть войну выигранной (кровью советского народа!) и с олимпийским спокойствием рассуждать о будущем мире. Признаться, летом 1943 года советским людям было еще далеко до такого спокойствия. Перед ними во весь рост стояла задача освободить Родину и разгромить нацистского агрессора. Но в Вашингтоне (сейчас мы сказали бы — в Пентагоне) уже спешили определить будущее Европы. Очередной параграф меморандума выглядит так:

«1. Главной американской целью является безопасность Соединенных Штатов.

2. Первым требованием для безопасности Соединенных Штатов является не допустить попыток Германии объединить силы Европы, подчинить их и руководить ими.

3. Второе требование заключается в том, что после поражения Германии ни одна отдельно взятая держава и ни одна группа держав, в которой мы не имеем сильного влияния, не должна руководить силами Европы.

4. Конечная цель заключается в том, чтобы способствовать созданию в Европе некоторых других условий, которые обеспечат мир, свободу и процветание на благо не только Европы, но и нас самих».

Не будем сетовать на то, что среди военных целей США не указан разгром гитлеризма, а последний пункт умышленно расплывчат. Но главное сказано: необходим такой послевоенный баланс сил, который обеспечил бы главенство Соединенных Штатов в Европе. Правда, в достижении этой цели, как объясняется дальше, США зависят от союзников и от создания «действенных со-

юзов». Кто же они, эти союзники? Авторам меморандума больше всего нравится Англия. Но союза с ней «недостаточно для достижения наших основных целей в Европе». Следовательно, надо искать и других союзников:

«При оценке наших возможностей следует рассмотреть еще один элемент — транспорт. Расстояние от предполагаемого западноевропейского фронта до Центральной Германии короче, а транспортные условия лучше, чем от Западной России до Центральной Германии. К тому же западные союзники имеют заметное превосходство над Россией в воздухе».

Уже эта формулировка заставляет призадуматься: о каком превосходстве ведется речь? Ведь так можно говорить о противнике, а не о союзнике в коалиционной войне! И снова пресловутый «геополитический подход»: кому, мол, ближе к Германии. Исходя из этой посылки, авторы констатируют: «На континенте силы Соединенных Штатов, Великобритании и их сателлитов будут значительно меньше, чем у каждой из двух великих континентальных держав — России или непобежденной Германии». Здесь уже недвусмысленно и, прямо скажем, цинично и оскорбительно ставятся на одну доску агрессор и его жертва, враг США и их союзник. Сразу приходят на ум сказанные в июне 1941 года и уже упоминавшиеся нами слова Трумэна о том, что если будет побеждать Россия, то следует помочь Германии. Трумэн и тогда, в 1941 году, был далеко не одинок. А в 1943 году родился меморандум, в котором на усмотрение высшего руководства США вносились политические «альтернативы». Вот они:

«Ввиду диспропорции между нашими целями и нашими возможностями предлагаются три альтернативных направления стратегии и политики в отношении Германии и России:

1. Немедленно предпринять попытку урегулировать наши расхождения с Советским Союзом и сосредоточить внимание на общих интересах, которые мы имеем с этой державой.

2. Америка и Великобритания продолжают следовать в течение некоторого времени стратегии и политике, в большой степени независимой от стратегии и политики Советского Союза, в надежде добиться таким путем как поражения Германии, так и укрепления наших позиций

на переговорах для достижения некоего урегулирования, враждебного интересам России.

3. Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами».

Да, так и сказано: повернуть против России!

Чудовищность и безнадежность «третьей альтернативы» сегодня ясна. Но тогда авторы меморандума бесстрастно анализировали все «за» и «против». Например, они считали, что к лету 1944 года «нынешняя нехватка продовольствия и живой силы... вероятно, вызовет значительное снижение военных возможностей России». Поэтому американские генералы и их единомышленники рассуждали:

«Имеется лишь один способ победить Советский Союз только силой: повернуть против него всю мощь все еще сильной Германии (то есть Германии, управляемой нацистами или генералами). Это, вероятно, приведет к завоеванию Советского Союза той самой могущественной и агрессивной Германией, которая объявила войну против России и против нас в 1941 году. Однако, чтобы не допустить последующего господства Германии над всей мощью Европы, мы вместе с Великобританией будем обязаны после завоевания России Германией взяться еще раз и без помощи России за трудную, а может быть, невыполнимую задачу нанести поражение Германии».

Любопытное признание! Оказывается, и закоренелые враги нашей страны ясно сознавали, что без СССР не совладать с «могущественной и агрессивной Германией». Но это не мешало им прикидывать: можно ли дать Германии разгромить Советский Союз? Ответ: «Даже если бы это было осуществимо с точки зрения количества живой силы и вооружения,—связанный с этим двойной поворот политики, вероятно, неприемлем для американской и британской политики и морали. В Соединенных Штатах, и еще больше в Великобритании, где общественное мнение решительно мобилизовано против Германии (и в гораздо более ограниченной степени в пользу России), вероятно, невозможно повернуть общественное мнение в пользу Германии хотя бы на время (или, по крайней мере, пока завоевание России значительно не продвинется), а затем вновь ориентировать его на успешное ведение нашей собственной войны против Германии».

Могут сказать: чего возмущаться? Ведь ханжески рассуждающие о «морали» авторы меморандума, хотя и неохотно, все-таки приходят к выводу, что победа Германии была бы невыгодна Соединенным Штатам. Но дело не так невинно, как кажется на первый взгляд.

Во-первых, не забудем: шел уже 1943 год. В июне 1941 года Трумэн еще мог рассуждать о том, кому должны помогать США, на чьей стороне воевать. В 1943 году США были связаны вполне определенными обязательствами, в том числе по отношению к своему союзнику — Советской стране. Это был выбор, поддержанный всем американским народом, о чем неоднократно и выразительно говорил президент Рузвельт. Более того, Соединенные Штаты уже скрепили этот союз кровью своих отважных солдат на многих фронтах. В этих условиях рассуждать о «победе Германии над Россией» было не только кощунством, но и прямой изменой.

Во-вторых, документ содержит рассуждения о возможности победы Германии над Советским Союзом в 1943 году. Но позвольте: ведь уже закончились победой битвы под Москвой, Сталинградом, Курском. В том же меморандуме говорится, что с 1943 по 1944 год «военные возможности Германии значительно снизятся». Следовательно, о повороте войны в «обратную сторону» можно было говорить только при условии, что кто-то поможет гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Кто же? Соединенные Штаты?

В-третьих, в качестве аргумента против «третьей альтернативы» приводился вовсе не подвиг союзных им Советских Вооруженных Сил, а лицемерные рассуждения о «трудности» повернуть общественное мнение США и Англии в пользу создания антисоветской коалиции. Что ж, последнее справедливо. Народы этих стран не допустили бы измены. Однако авторы документа осторожно подсказывают: можно было бы повернуть настроения в США и Англии. Как? Да при помощи жупела «красной опасности»! И он тут как тут: в разделе о «позиции России» клеветнически указывается, что целью СССР в войне будто бы является «значительное распространение на Запад советской революционной системы с образованием новых советских правительств под господством Москвы». Это был прямой плагиат из истерических речей Геббельса, который, не жалея сил, расписывал «красную

угрозу», чтобы подорвать боевое единство антигитлеровской коалиции.

Конечно, руководители американской стратегической разведки и их единомышленники в объединенном комитете начальников штабов не были такими простаками, чтобы ехать в Квебек с одной лишь идеей «обратить всю мощь Германии против Советской России» в ее, так сказать, чистом виде. Они хорошо знали, что настроения в высшем политическом руководстве США и у многих военных совсем иные. Поэтому составители меморандума «припасли» вспомогательный вариант той же антисоветской линии — так называемую «вторую альтернативу», которую сформулировали так: «проводить независимую стратегию в надежде на дешевую победу над Германией и лучшую позицию для переговоров с Россией». Оказывается, победа должна быть дешевой, а смысл ее — «лучшая позиция» США в послевоенной ситуации. Разберем и этот тезис, изложенный с достаточной откровенностью. Вот прогноз меморандума:

«При отсутствии взвешенных, энергичных и успешных усилий для изменения наметившегося хода событий англо-американская и советская стратегия и политика, вероятно, перейдут в течение последующих шести или восьми месяцев от нынешней фазы сравнительной независимости и начинающегося соревнования в новую фазу острого соперничества. Первая фаза — до конца зимы 1943/44 года. При указанных выше условиях ход событий до конца наступающей зимы может быть примерно следующим:

а. Соединенные Штаты и Великобритания

Военные действия на суше могут быть продолжены примерно на нынешнем уровне. . .

В Западной Европе можно не предпринимать крупных сухопутных операций.

Стратегические воздушные операции могут значительно расшириться. Военно-политическую деятельность можно частично направить на попытку отделить ненацистов в Германии от нацистов и других лиц, ответственных за войну, и предложить им несколько примирительные по характеру условия, если нацисты и генералы будут отстранены от власти.

б. Советская Россия

Операции против Германии могут продолжаться примерно на нынешнем уровне и со значительным успехом. . .

в. Германия

Германские войска все больше будут перебрасываться из Западной Европы в Восточную. Способствовать этой перемене будут следующие факторы:

отсутствие сильного давления союзников на Западе, сильное давление русских на Востоке и широко распространенный страх немцев перед Россией и коммунизмом...»

Что означали эти рассуждения? В первую очередь, отказ от открытия второго фронта, по крайней мере, до весны 1944 года, во-вторых, заранее запрограммированную враждебность к СССР, в-третьих, отказ от принципа безоговорочной капитуляции Германии и сговор с немецкими «ненацистами». Но и этого авторам меморандума было мало. Они считали, что весной — летом 1944 года должна последовать вторая фаза. Как это будет выглядеть? Следуем меморандуму:

«а) Соединенные Штаты и Великобритания могли бы предпринять наступление ограниченными силами на Западе.

б) Немцы, предпочитая англо-американскую оккупацию русской, вероятно, станут оказывать сравнительно слабое сопротивление на Западе, но будут пытаться удерживать свои позиции на Востоке.

в) В такой ситуации правление может перейти от нацистов к немецким генералам.

г) При продвижении в Германию ограниченных англо-американских сил, встречающих слабое сопротивление, и при попытках германской армии сдержать русских на Востоке генералы могут попросить у западных союзников перемирия. После отклонения этой просьбы предположительно могут быть предприняты следующие шаги: передача власти центристско-социалистскому правительству, поддержка этого правительства англо-американскими вооруженными силами».

Итак, вот он, смысл «дешевой победы»: сговор с неким «центристско-социалистским правительством» (а может быть, с немецкими генералами?). Где же генерал Донован рассчитывал найти такое правительство? Мы ответим на этот вопрос позднее, а пока разберем финальную часть меморандума. В ней авторы останавливаются на последней альтернативе: «высадка мощных сил в Западной Европе и немедленное соглашение с Россией».

Действительно, не будем предвзятыми к авторам

меморандума. В числе альтернатив на первое место они все же поставили открытие второго фронта и «немедленное соглашение с Россией». Но какова была аргументация? «Повторяем, основные цели Соединенных Штатов в этой войне: в интересах американской безопасности 1) уничтожить германское господство в Европе и 2) не допустить господства в Европе в будущем какой-либо отдельно взятой державы (такой, как Советский Союз) или любой группы держав, в которой мы не имеем сильного влияния». Поэтому, если уж высаживаться в Европе, то мощными силами. Тут авторы документа делятся своим недоумением: «В случае продолжения в умеренно возросшем, но все еще ограниченном масштабе англо-американских операций против стран оси окончание военных действий против Германии застанет советские войска на континенте гораздо более сильными, чем войска западных союзников. Однако, несмотря на такую перспективу, советское правительство все настойчивее продолжает требовать, чтобы союзники предприняли крупное наступление на суше против Германии». Чудаки эти русские! Могли бы располагать превосходством во время торга, и сами рискуют его потерять? Такова извращенная логика антикоммунистов, которым было и есть невдомек, что Советскому Союзу были чужды такие понятия, как «торг» или «превосходство», когда речь шла о союзнических отношениях. Главной целью СССР был разгром фашизма, и только ради нее он требовал выполнения США и Англией своих обязательств.

Для осуществления «первой альтернативы» в документе перечисляется ряд пунктов, по которым необходимо достичь соглашения с Москвой, в том числе об участии в войне против Японии, о совместной оккупации Германии, устранении нацистов и военных преступников, о будущем германских вооружений, невмешательстве во внутренние дела друг друга и так далее. Но и здесь не обошлось без ложки дегтя и неприкрытых угроз: «Если соглашение не состоится, у Америки и Великобритании не останется другого выбора, как преследовать свои цели самостоятельно». Иными словами, следует сохранять возможности для первых двух «альтернатив»!

Теперь я смею утверждать, что в наших руках — ключ к деятельности не только Донована (не будем преувеличивать значение его личности), но и всего анти-

коммунистического «братства» в США, его теоретическая и практическая программа.

Программа-максимум: она содержалась в «третьей альтернативе» и соответствовала самым затаенным мечтам Гитлера, Геринга, Плессмана, Буллита, Линдберга и иже с ними. Но даже для такого завзятого антикоммуниста, каким был директор УСС во второй половине 1943 года, было ясно, что такая программа недостижима. В начале года, когда на Западе еще было не до конца понято значение Сталинграда, там кто-то мог рассуждать о возможном поражении Советского Союза (читайте доклад СС об Экберге!) и стараться «обратить всю мощь еще непобежденной Германии» против Советского Союза. Но после Курска, после победоносного марша советских армий на запад, после вызванного этим энтузиазма народных масс в США и Англии и подъема народно-освободительного движения в оккупированных странах? После этого оставалась лишь **программа-минимум:** она предусматривала неминуемый крах Германии и сводилась к обеспечению господствующих позиций США в послевоенной Европе и именно через эту «искажающую призму» рассматривала развитие событий, в том числе и отношение к второму фронту. Но в отличие от Англии руководители США быстрее поняли необходимость отказа от балканских планов Черчилля. Поэтому бывшие недруги второго фронта теперь превратились в его приверженцев, заботясь о том, чтобы успеть к праздничному столу победителей. Рузвельту, конечно, не были чужды и эти настроения — ведь в его окружении было немало донованов, и внутривластные соображения не раз заставляли его маневрировать. Но он, а с ним и такие видные военные деятели, как Джордж Маршалл и Дуайт Эйзенхауэр, понимали, что военно-политическими комбинациями войны не выигрываются, а будущий мир невозможен без участия Советского Союза.

Именно эта перспектива не устраивала антикоммунистов. Ее, по убеждению авторов меморандума 121, следовало сорвать. Как? Да всеми правдами и неправдами! Саботируя подготовку второго фронта, сея недоверие к советскому союзнику, пытаясь «упредить» освобождение народов Европы, поставить преграды их демократическому развитию после войны. Ведь что мог означать панический вопль о «коммунистической угрозе» для Европы в те годы и месяцы, когда континент томился под

гнетом гитлеризма, а коммунисты несли ему свободу? На доновановско-папеновском жаргоне это означало сменить одну оккупацию другой, не допустить поражения прогнивших и скомпрометировавших себя режимов. Именно в этом направлении и разрабатывался главный практический замысел в «послеквебекский период» — добиться смены гитлеровского режима прежде, чем удары советских войск сотрут его с лица земли.

Так в логический ряд встают те, на первый взгляд, непостижимые и абсурдные шаги, которые предпринимало УСС — да и не только оно — в своей закулисной дипломатии. Раз необходимо какое-то «центристско-социалистское», генеральское или иное правительство для Германии, то надо его искать. Тогда понятны авансы Даллеса и Хьюитта. Даже чудовищные по циничности предложения Морде становятся объяснимыми.

Да, о меморандуме 121 нам еще не раз придется вспомнить. В нем открытым текстом было сказано то, о чем обычно молчат.

Из дипломатической хроники второго фронта (3)

1943 год так глубоко погрузил нас в тину закулисных интриг, что и впрямь можно подумать, что на свете ничего иного и не приходило. Нет, ни в коем случае нельзя допускать «абсолютизации» того или иного предмета исследования, каким бы интересным он ни казался.

1943 год имел другой облик: продолжалась война. Сталинград. Курск. Левобережная Украина. Колоссальные усилия советского народа. Военные действия на других фронтах: на Тихом океане, в Северной Африке. Героическое движение Сопrotивления. Приближавшаяся победа! В нем было все — кроме, увы, второго фронта в Европе.

Сейчас самое время вернуться к нашему важному источнику — подлинным документам дипломатической борьбы за реализацию обещания, данного США и Англией еще в 1942 году. Что же делалось для этого? 13 февраля 1943 года И. М. Майский сообщал из Лондона в Москву:

«Еще сложнее реакция британских господствующих классов на наши военные успехи. В их груди живут сразу две души. С одной стороны, очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев, — нам, англичанам, легче будет.

Сэкономим потери и разрушения. Еще раз используем наш извечный метод — воевать чужими руками. Но, с другой стороны, нам, англичанам, страшно, а не слишком ли в результате усилятся большевики? Не слишком ли повысятся шансы «коммунизма» в Европе? Эти два противоречивых чувства находят теперь отражение в двух основных группировках британского господствующего класса, которые для краткости могут быть окрещены как «черчиллевская» и «чемберленовская». Первая пока сейчас дает крен в сторону испуга перед нашими успехами. Между прочим, это последнее настроение довольно явственно ощущается в руководящем аппарате военного ведомства. Но сейчас Красная Армия еще только на подступах к Ростову и Харькову. Каково будет ощущение «черчиллевской» группы, когда Красная Армия будет на подступах к Берлину, трудно сказать. Не исключены разные неприятные сюрпризы...

Поэтому вопрос о том, когда именно создавать второй фронт становится основным вопросом для Британского правительства, причем в его решении главную роль играли и играют не столько военные, сколько политические соображения. С точки зрения Британского и Американского правительств, второй фронт надо устроить не слишком рано и не слишком поздно, а как раз «вовремя». Но когда именно? Судя по решениям в Касабланке, англичане и американцы как будто бы думают, что у них еще имеется достаточно времени, прежде чем наступит необходимый момент для действия¹.

Действительно, в январе 1943 года в Касабланке были приняты решения, касавшиеся действий на Европейском континенте. Но какие? Англия настаивала на пресловутом «балканском варианте», а США были готовы его поддержать, приняв принцип сосредоточения главных сил в Средиземном море. Срока для вторжения в Европу назначено не было. Правда, в официальном коммюнике говорилось о том, что США и Англия «сознают, какую огромную тяжесть войны Россия успешно несет на себе». Однако только после неоднократных настояний И. В. Сталина был назван новый срок открытия второго фронта: август или сентябрь 1943 года.

Американцы пытались успокаивать законную тревогу советских государственных деятелей. Когда в 1943 году

¹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 339 — 340.

специальный представитель президента Рузвельта посол Дэвис посетил Советский Союз, то в беседе с ним К. Е. Ворошилов затронул вопросы военного положения. Вот как это выглядит в записи:

«Ворошилов отвечает, что он уверен в нашей окончательной победе. Однако несмотря на то, что враг уже основательно потрепан в Сталинграде, под Москвой в свое время и других местах на нашем фронте, а также в Тунисе, силы у него еще достаточно крупны, и нам предстоит борьба, которая потребует напряжения всей нашей энергии, и война может затянуться. Если же англичане и американцы нанесут серьезный удар по врагу с Запада этим летом, а мы с Востока, то противник будет быстро сокрушен.

Дэвис говорит, что он придерживается точно такого же мнения. Однако он не думает, что война затянется. Если Гитлер не смог сокрушить СССР в 1941-м, 1942 годах и если он не сможет достичь Баку и сломить Красную Армию этим летом, то он лишится своей головы в этом году. Америка создает большую и хорошую армию. В Америке сейчас уже производится 7 тысяч самолетов в месяц. Американские солдаты, участвовавшие в операциях в Тунисе, теперь являются очень хорошими бойцами. Конечно, американская армия еще неопытная, зеленая, но она будет хорошей армией»¹.

Но вот произошло то, чего так опасались все, кому была дорога совместная и скорая победа над врагом: США и Англия заявили, что снова откладывают вторжение. И. В. Сталин с полным правом гневно писал руководителям западных держав:

«Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г-ном Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в

¹ Советско-американские отношения. ..., т. 1, с. 322.

единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом»¹.

А ведь во всем мире было ясно, что условия для выполнения дважды данного обещания созрели! Это видели не только в Москве. 2 июля 1943 года А. А. Громыко сообщал в Москву:

«Председатель комиссии по иностранным делам палаты представителей США Блум, с которым я имел беседу (Блум некоторое время тому назад, приглашая меня на концерт, посвященный памяти Рахманинова, выразил желание встретиться и побеседовать), говорил о том, что конгресс в целом хорошо настроен по отношению к Советскому Союзу. Имеются лишь отдельные члены конгресса, которые либо еще не определили свое отношение к нам, либо относятся недоверчиво. В конгрессе сейчас недоумевают, заявил Блум, почему обещанный второй фронт не открывается. Сам он, Блум, также недоумевает. Он считает, что для открытия второго фронта уже существуют очень благоприятные условия»².

Можно понять, с какими чувствами вели советские руководители беседы со своими союзниками на эти темы. В октябре 1943 года А. Иден посетил Москву и объяснил, как «трудно» приходится Англии и США. В записи его беседы с И. В. Сталиным говорится:

«Иден говорит, что мероприятия по подготовке операции «Оверлорд»³ решительно проводятся. Но премьер-министр хотел, чтобы маршал Сталин ознакомился с этой телеграммой, с тем чтобы он мог видеть, в чем заключаются трудности.

Сталин говорит, что если не хватает сил, то ничего не поделаешь.

Иден говорит, что, как он полагает, силы имеются, и он не думает, что дата вторжения во Францию будет отложена. Однако нужно иметь в виду, что кроме десантных судов, возможно, потребуется использовать в Италии также те семь испытанных в боях дивизий, которые предполагалось перебросить в Англию, для того чтобы они составили ударную группу при высадке во Франции...

Сталин говорит, что, очевидно, дело обстоит так: англичане уже произвели одну высадку. Если предположить, что сейчас имеется, например, 20 свободных дивизи-

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 331.

² Там же, с. 338—339.

³ Высадка в Северной Франции.

зий, то вопрос заключается в том, где эти дивизии лучше использовать: в том ли районе, где уже совершена высадка или же где-либо в другом месте.

Иден говорит, что именно в этом и заключается проблема, и добавляет, что, как считает премьер-министр, нельзя рисковать поражением в Италии.

Сталин говорит, что имеются две возможности решения этой проблемы. Первая — это перейти к обороне в Италии и при помощи имеющихся сил, а также тех, которые смогут быть высвобождены в Италии, произвести высадку во Франции. Второе решение заключается в том, чтобы не высаживаться во Франции, а пробиться через Италию в Германию. Можно решить и так и так. Все зависит от расстановки сил»¹.

Сегодня только приходится удивляться — и восхищаться! — тем долготерпением, которое проявляли советские руководители, ведя переговоры с лидерами США и Англии. Вот бы просто стукнуть кулаком по столу — ведь для этого было достаточно оснований, даже не зная всех закулисных интриг! Но слишком была велика ставка, слишком велико было чувство ответственности за главное — за исход войны, чтобы поддаваться оправданным чувствам разочарования и возмущения. Ведь этого только и ждали многие деятели в США и Англии, чтобы сорвать сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции! Такого удовольствия советская внешняя политика им не доставила. За ней стоял великий подвиг великого народа, в котором наши дипломаты черпали силу, терпение и настойчивость.

Сама жизнь давала аргументы в пользу коалиции, а что касается отношений между СССР и США — в пользу сотрудничества. Когда в 1943 году Москву посетил председатель управления по делам военного производства США видный представитель делового мира США Дональд Нельсон, то он заявил в беседе с И. В. Сталиным, что «как представитель деловых кругов, он предвидит большое будущее дружественных отношений между США и СССР. Он полагает, что имеется много путей, которыми обе страны могут помогать друг другу».

В протоколе беседы далее записано:
«Сталин отвечает, что это правильно.

¹ Советско-английские отношения..., т.1, с.482.

Нельсон говорит, что интересы США и СССР не сталкиваются.

Сталин заявляет, что интересы СССР и США не сталкиваются и не должны сталкиваться. Они не будут сталкиваться, если некоторые группы в США не будут давать для этого повода»¹.

Как вспоминал Нельсон, по возвращении он был принят Рузвельтом и подробно сообщил о беседе в Москве. Президент разделял убеждение Нельсона о «необходимости создания прочных основ русско-американской дружбы». Размышляя об этом позже в форме письма некоему советскому собеседнику, Нельсон писал: «Ничто не может быть более катастрофичным, чем конфликт между нашими великими державами, которые никогда не воевали друг против друга. Я убежден, что судьба человечества зависит от продолжения дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами... Различия в наших политических системах не представляют собой разумного повода для враждебности. Мы не собираемся менять вашей системы и не думаем, что вы хотели бы изменить нашу. Различие — не повод для того, чтобы не жить в дружбе, не развивать деловые отношения. Надо совместно работать во имя создания такого всемирного сообщества, в котором война станет не только гипотетически, но и реально невозможной».

Да и сам президент в 1943 году видел жизненную необходимость советско-американского сотрудничества. Летом 1943 года, перед ожидавшейся встречей в Квебеке с Черчиллем, для президента был подготовлен документ, озаглавленный «Позиция России», где высказывалась важная точка зрения на будущее отношений США с Советской страной. Она состояла в следующем:

«По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе... Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав оси, то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией.

Наконец, наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией,

¹ Советско-американские отношения..., т. 1, с. 381.

является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут, и операции могут оказаться бесплодными»¹.

Оценки, высказанные неким «высокопоставленным военным стратегом США» (так назвал его директор бюро военной информации Роберт Шервуд, опубликовавший текст этого документа), были весьма близки самому президенту. Сын президента Эллиот вспоминал об одном разговоре с отцом, который сказал ему перед Квебеком:

— В Европе победа придет к концу 1944 года.

Эллиот удивился, но президент настаивал:

— Посмотри, как Красная Армия нажимает на Центральном фронте.

Тогда сын задал вопрос, видимо навеянный некоторыми вашингтонскими настроениями:

— Можно ли доверять русским?

Франклин Рузвельт ответил:

— Доверяем же мы им сейчас. Какие у нас основания не доверять им завтра?

Записал сын и другое важное высказывание президента:

— Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится...

10 августа 1943 года, перед самой встречей в Квебеке, военный министр США Генри Стимсон обратил внимание президента на опасные последствия былых отсрочек: «В свете послевоенных проблем, перед которыми мы встаем, наша позиция... представляется крайне опасной. Мы, как и Великобритания, дали ясное обязательство открыть второй фронт. Не следует думать, что хотя бы одна из наших операций, являющихся булавочными уколами, может обмануть Сталина и заставить его поверить, что мы верны своим обязательствам». Рузвельт согласился, сказал, что Стимсон «сформулировал выводы», к которым пришел он сам. Вот почему, когда в Квебеке английские представители снова начали тянуть к своему «балканскому варианту», пугая США «вторжением русских в Европу» (то

¹ См.: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, т. 2, с. 431 — 432.

есть ведя ту же линию, что и Донован), Рузвельт и некоторые другие военные руководители США заняли иную позицию. Как известно, именно в Квебеке было решено, что операция «Оверлорд» будет главной операцией 1944 года. Была поставлена задача: «В сотрудничестве с Россией и другими союзниками добиться в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции европейских стран оси».

Но все ли в США мыслили и действовали так? Как мы уже знаем,— не все.

Тегеран и его враги

Процесс выработки и принятия внешнеполитических решений в вашингтонских «коридорах власти» всегда был сложен и неоднозначен. Так было и в годы войны, и — кто знает! — к чему бы он привел, если волю ведущих сил политической и экономической жизни США не выражал бы такой прозорливый деятель, каким был Франклин Делано Рузвельт. Просто страшно подумать — куда повел бы Америку Гарри Трумэн, или автор концепции, именовавшей «империей зла» государство, которое спасло мир от коричневой чумы...

Но были вполне определенные и вполне объективные интересы Соединенных Штатов, которые стояли за Рузвельтом и его непосредственным окружением. Как бы ни пели свои «политические стансы» сторонники сговора с нацизмом, трезвые умы в США видели всю опасность похода Германии за завоевание мирового господства. Правда, они тогда не могли прочитать слов Гитлера о том, что его задачей будет, объединившись с Англией, «наказать» Соединенные Штаты. Не могли они прочитать и секретные планы «ИГ Фарбениндустри», предусматривавшие ликвидацию американских позиций на мировых рынках. Но сама логика войны вела к пониманию этих и подобных им целей германской агрессии. Эта логика вела США к активизации их роли в антигитлеровской коалиции.

Нет слов, Рузвельт и члены объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) читали меморандумы и донесения УСС (ведь ведомство Донована не даром было одним из органов ОКНШ). Но только одним из них! Следуя нашей теме, мы все время сохраняли в фокусе именно УСС, ибо именно ему было удобнее вести опера-

ции на реально существовавшем до 1944 года «втором», то есть антисоветском, фронте. Но Управление стратегических служб было далеко не единственным источником информации. Оценку противника предпринимали и государственный департамент, и разведка армии, и морская разведка. В конечном счете не американское правительство было органом УСС, а как раз наоборот — УСС было органом правительства. Однако в этой формуле, предупреждающей против переоценки роли УСС, лежит и необходимость признания соучастия многих высших деятелей тогдашней администрации США в неблагоприятных операциях на фронтах «тайной войны». Спецслужбы Запада отнюдь не являются неким «государством в государстве». Нет, они представляют собой часть империалистического государственного механизма.

Разумеется, нельзя видеть во всем «происки УСС». Этим мы лишь потрафим бы легендам о «вездесущей» и «всемогущей» американской разведке. В действительности ее «вездесущность» и «всемогущество» были весьма ограниченными. Рузвельт, Маршалл, Стимсон и другие выдающиеся деятели США военного времени прекрасно знали подлинную цену Доновану, Даллесу и его агентуре — недаром военное министерство не раз разоблачало дутый характер многих доновановских «сенсаций», а государственный департамент приходил в ужас от дилетантизма «дипломатов от разведки»...

Когда единству антигитлеровской коалиции угрожала наибольшая опасность? В 1942 году, когда она только создавалась? В начале 1943 года, когда в США Донован и его сторонники еще могли надеяться, что убедят Рузвельта в возможности сговора с германским «центристским или социалистским правительством»? Или в 1944 году, когда некоторые американские генералы рисовали себе картину быстрого марша от Нормандии до Берлина? Или, наконец, в 1945 году, когда Гиммлер был готов заплатить Даллесу любую цену, лишь бы тот пошел на сговор? Все это, конечно, вопросы умозрительные, ибо решали, к счастью, не те, кто хотел сговориться. Решало совсем другое: реальное соотношение сил на фронтах второй мировой войны, и в первую очередь на его главном, советско-германском фронте.

На пороге 1942 года вермахт потерпел сокрушительные поражения. Тогда в гитлеровской верхушке появились первые сомнения — не пора ли взять курс на сговор с

западными державами? Но тогда в США и Англии очень хорошо понимали угрозу, которую несли им вермахт и гитлеровские претензии на мировое господство. США только-только вступили в войну, и американский народ, испытывавший шок Пёрл-Харбора, не принял бы курс на капитуляцию. Непреклонен был и Рузвельт. Лишь небольшая группка «доновановцев» вынашивала иные планы.

Затем год 1943-й. После Сталинграда и Курска стало ясно, что вермахту не одолеть Советской страны. Для тех в США, кто рассматривал войну с эгоистических позиций, отпал главный повод к сотрудничеству с СССР, так как СССР уже «сделал свое дело», сломав хребет гитлеровской армии. Усилились тенденции к сделке и в германских правящих кругах. Пожалуй, это был самый критический момент, и он отражен в меморандуме 121.

Но история жестоко посмеялась над «великими комбинаторами» из антикоммунистического лагеря. Мало того что ставка на «заговорщиков» оказалась несостоятельной. Сама логика вооруженной борьбы на фронтах диктовала руководителям США и даже Англии, что их национальные цели могут быть достигнуты только вместе с СССР, а не в борьбе против него. Можно считать, что уже в конце 1943-го — начале 1944 года сговор был невозможен. Тегеранская конференция руководителей трех великих держав — СССР, США и Великобритании — обозначила этот рубеж.

Если обратиться к ходу дискуссии в Тегеране, то нельзя не заметить, что над ней еще висели тенью идеи меморандума 121. С первого взгляда казалось ясным: в Квебеке «Оверлорд» был предрешиен. Можно спокойно было сказать советскому союзнику: решение принято, второй фронт будет открыт. Но в Тегеране это произошло не сразу.

Конференция открылась 28 ноября 1943 года — через три месяца после Квебека. Однако делегация США заняла сначала весьма неопределенную, выжидательную позицию. В первый день Рузвельт сообщил о квебекском решении, но сразу оговорился, что США и Англия, возможно, будут вынуждены отложить высадку на 2—3 месяца. Затем снова возник пресловутый «балканский вариант» — высадка в северной части Адриатики. Разумеется, это вызвало вопросы с советской стороны — особенно когда Черчилль, не возражая в принципе про-

тив «Оверлорда», стал предлагать сразу три параллельные операции, которые явно ставили высадку в Северной Франции под вопрос. Первый день не принес ясности.

29 ноября вопрос обсуждали военные представители трех держав. Дважды К. Е. Ворошилов спрашивал своего английского коллегу:

— Считает ли маршал Брук операцию «Оверлорд» своей главной операцией?

Брук уходил от прямого ответа. Никаких решений принято не было. На следующий же день выяснилось и другое, более чем странное обстоятельство: еще не назначен командующий объединенными англо-американскими войсками, которые должны уже через несколько месяцев начать высадку. И. В. Сталин сказал без обиняков:

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд»...

Глава советской делегации добивался ответа на три вопроса:

— каков точный срок высадки?

— кто будет ею командовать?

— будет ли высадка в Северной Франции поддержана такой же операцией в Южной Франции?

Не получив ответа, Сталин даже вынужден был напомнить, что советская делегация собирается 2 декабря уехать. Лишь после этого во время завтрака 30 ноября Рузвельт заявил, что «намерен сообщить маршалу Сталину приятную новость». Это и были ответы на поставленные вопросы. Они гласили:

— высадка состоится в мае 1944 года;

— она будет сопровождена операцией на юге Франции;

— главнокомандующий будет назначен в самое ближайшее время (им стал Дуайт Эйзенхауэр, и И. В. Сталина уведомили об этом 7 декабря, то есть через неделю после Тегерана).

В свою очередь, советская делегация заявила, что в момент высадки союзников на советско-германском фронте будут предприняты наступательные действия, которые не дадут вермахту возможности перебрасывать войска с востока на запад. Как сказал Рузвельт:

— Я надеюсь, что наши нации теперь поняли необходимость совместных действий, и предстоящие операции наших трех стран покажут, что мы научились действовать совместно.

Но до июня 1944 года оставалось еще более полугода.

ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ

Еще один «балканский вариант»

Что же оставалось делать врагам второго фронта после того, как решение о его открытии было принято и началась — наконец-то! — практическая подготовка к этой серьезнейшей для США и Англии военной операции? Предположить, что антикоммунисты капитулировали, было бы по меньшей мере преждевременным.

Квебекские решения — при всей своей важности — оставляли для этого определенные лазейки. К примеру, в окончательных формулировках не было принято американское предложение о том, чтобы отдать операции «Оверлорд» «безоговорочный приоритет». Тем самым у приверженцев «балканского варианта» во главе с Черчиллем (Донован принадлежал к их числу) еще оставались определенные возможности. И они были использованы.

...Уже давно вошел в широкий обиход термин «мягкое подбрюшье Европы». Он принадлежит Уинстону Черчиллю, который именно так обозначал роль Балканского полуострова во второй мировой войне. Сам термин как бы таил в себе намек: вот оно, мягкое и уязвимое место огромного европейского тела. Стоит лишь ударить...

Но и удачные термины могут обманывать. Когда Черчилль — а с ним и некоторые американские военные и политики — говорили о Балканах, то имели в виду вовсе не военно-географические свойства Балканского полуострова. Кстати, для высадки союзных войск он был куда менее удобен, чем побережье Северной Франции, а его

отдаленность от возможных исходных точек предполагаемой операции была куда значительнее. Иными словами, если применять термин «подбрюшье», то оно было далеко не мягким. Дело, однако, было совсем не в военной географии, а в политике.

С самого начала споров вокруг второго фронта со стороны Англии настойчиво выдвигалось требование: высадку осуществить на Балканах, здесь сосредоточить основные силы США и Англии, дабы первыми войти на полуостров и не допустить освобождения его советскими войсками. Уже в мае 1943 года Черчилль на встрече с Рузвельтом выступил с широкой программой «балканского варианта» (Донован высказывался в ее пользу еще после своей поездки в Югославию в начале 1941 года, считая Балканы самым слабым звеном в германской стратегии). Эти оценки встретили серьезнейшую критику в военных кругах США, да и в Англии не было единства по этому вопросу.

После Квебека не было сомнения в том, что «Оверлорд» взял верх над «балканским вариантом», но это отнюдь не мешало английским стратегам снова и снова вытаскивать на свет свой излюбленный вариант. Так, когда встал вопрос о необходимости сопроводить «Оверлорд» высадкой войск в Южной Франции (операция «Энвил»), Черчилль снова потребовал операции на Адриатике в районе Триеста. Эйзенхауэр иронически говорил о том, что Черчилль «был одержим» своей идеей.

Лучше, чем кто-либо, определил смысл балканской авантюры Черчилля сам Рузвельт, беседуя со своим сыном Эллиотом в дни Тегерана:

— Всякий раз,—пояснил Рузвельт,—когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...

Затем он долго разъяснял смысл английской затеи и подытожил:

— Мы ведем войну, и наша задача выиграть ее как можно скорее и без авантур. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится.

Увы, Черчилль долго не хотел этого понять — а с ним и некоторые американские деятели. «Без авантюры» они обходиться не хотели, даже ценой прямого нарушения воли президента.

Вернемся к меморандуму 121. В сопроводительном письме к нему, направленном 20 августа 1943 года бригадному генералу Дину (секретарь объединенного комитета начальников штабов, затем — глава американской военной миссии в Москве), Донован упоминал о какой-то «предполагаемой операции, изложенной в нашем документе о Балканах». Зная позицию Донована, который всегда поддерживал Черчилля в его стремлении заняться «мягким подбрюшьем Европы» и сорвать открытие второго фронта, заранее можно предположить, что речь шла об очередном варианте этого плана.

Действительно, в первом пункте плана говорилось: «Наступающий развал Италии усиливает страх балканских правящих классов перед тем, что «ось» потерпит поражение и что Советская Европа будет господствовать в Восточной Европе», и этот страх надо использовать. Ведь далеко не случайно сам Донован осенью 1943 года отправился в Каир. Отсюда он руководил рядом мероприятий, целью которых были Балканы.

К примеру, под прицелом УСС была Румыния. Как гласят документы, еще в январе 1943 года представитель УСС Бернард Ярроу (в просторечии белоэмигрант Жаров) связался с крупными румынскими предпринимателями Эдгаром и Максом Аушнитами. Те, в свою очередь, обратились к румынскому диктатору Иону Антонеску. Как докладывал Ярроу Доновану от имени Макса Аушнита, Антонеску готов выйти из войны, если «получит от Соединенных Штатов гарантии независимости Румынии». Донован приказал Аллену Даллесу, возглавлявшему европейскую резидентуру УСС, уточнить предложения Аушнита — Антонеску. Даллес в свою очередь доложил, что румынская сторона требует ни меньше ни больше, как «обеспечения границ, существовавших до 1940 года», и «возвращения к прежней ориентации на сотрудничество с демократическими правительствами Запада».

...До сих пор на одном из центральных проспектов Бухареста стоит многоэтажное серое здание, характерное для 30-х годов, — бывшая контора Аушнитов. «Железный король» довоенной Румынии Макс Аушнит и его семья

владели многочисленными предприятиями металлургической и машиностроительной промышленности. Эдгар Аушнит эмигрировал в США, Макс остался в стране и, хотя находился под «домашним арестом», поддерживал прямые связи с Антонеску.

Когда я рассказал об этом видному румынскому историку и публицисту д-ру Эужену Преда, он не удержался от иронии:

— Генерал Донован не отличался хорошим знанием своей клиентуры. Аушниты были известны своей проанглийской ориентацией — ведь у них были акции знаменитой военной компании «Армстронг — Виккерс». А в условиях острой конкуренции секретных служб США и Англии на Балканах ставка на Аушнитов не обещала особых перспектив. Впрочем, в своих попытках ориентации на Запад они не были оригинальны, если вспомнить румынский зондаж в Мадриде, предпринятый в конце 1943 года...

Что он имел в виду? В ноябре 1943 года в Мадриде советник румынского посольства Григориу от имени Антонеску вел секретные переговоры с американским послом Карлтоном Хэйсом. Последний формально сохранил союзническую лояльность, повторив требование о безоговорочной капитуляции, однако добавил, что при этом условии можно... избежать «оккупации всей Румынии» советскими войсками. Антонеску ответил, что согласится на это в том случае, если капитуляция произойдет после высадки англо-американских войск на Балканах и их продвижения в Румынию. В этом же духе действовал румынский посол в Турции Крецяну, направленный Антонеску в Анкару в мае 1943 года. Диктатор и его однофамилец министр иностранных дел Михай Антонеску прямо предписали Крецяну добиваться высадки западных союзников на Балканах, а лидер буржуазной «оппозиции» Юлиу Маниу просил Крецяну передать западным союзникам, что все готово к их приему и Румыния, «как только англо-американские войска подойдут к Дунаю, перейдет на их сторону». Иными словами: замысел клики Антонеску и буржуазной оппозиции состоял в том, чтобы, толкая США и Англию на «балканский вариант», сохранить свой режим. Как подтверждал Крецяну, Антонеску считал, что США и Англия «скорее заинтересованы в предупреждении советского вторжения в Европу, чем в ликвидации гитлеровского режима». Что же, военный

преступник Антонеску догадывался о том, что у него есть единомышленники в лагере западных держав!

...История румынских и американских зондажей длинна. Историки СРР подробнее ее исследовали. Когда я беседовал с одним из них — генералом Георге Захариу, — он сказал:

— Смысл этих зондажей со стороны Антонеску был ясен: увидев, что Германия проигрывает войну, попытаться спасти не только свою шкуру, но и сам прогнивший социальный режим. Перспективу видели в сговоре с антикоммунистическими кругами США и Англии. Причем если Ион Антонеску, так сказать, косил глазами то на Гитлера, то на Запад, то его министр иностранных дел Михай Антонеску смотрел только в сторону США. Свои контакты Михай Антонеску развернул еще в 1942 году...

Действительно, в конце 1942 года по указанию министра началось выяснение возможностей сепаратного мира между Румынией и Германией с одной стороны и США и Англией — с другой. Как выяснилось после войны, румынские эмиссары предлагали свои услуги, дабы добиться от Гитлера согласия на то, чтобы допустить высадку союзников во Франции. Антонеску настолько обнадежила реакция Запада, что весной 1943 года он сообщил об этом в Берлин. Там, разумеется, его немедленно поставили на место. Когда в апреле 1943 года Антонеску встречался с Гитлером, тот сделал ему выговор (видимо, считая возможные сделки своей прерогативой). Но вот что любопытно: Гитлер сообщил, что немецкая разведка перехватила шифровку государственного секретаря США Хэлла, который рекомендовал послу США в Лиссабоне поддерживать возможные «инициативы» о переговорах. А чтобы пристыдить своего румынского ставленника, фюрер зачитал текст доклада о зондажах румынских эмиссаров, которые сообщали американцам: «Гитлер, возможно, будет готов к миру по соглашению с англичанами и американцами. Он оставит все занятые ими страны, кроме Украины»¹.

С западной стороны делались неоднократные весьма прозрачные намеки на то, что США и Англия относятся с пониманием к антисоветским целям боярской Румынии.

¹ Как эта фраза совпадает с американским предложением, переданным Т. Морде Папену!

— Английское и американское правительства заинтересованы в том, чтобы предотвратить угрозу большевизма...

Такое заявление сделал румынскому эмиссару И. Георгиу резидент английской разведки в Стамбуле Честлен. И он же на вопрос — почему не бомбят румынские нефтепромыслы — ответил:

— Потому, что мы не хотим этого...

Английская разведка в этом регионе весьма активно конкурировала с американской, базируясь на своих давних связях. Тот же Честлен (английский делец, носивший пышное имя графа де Шателен, однако давно англизированное) владел в Румынии нефтетранспортной фирмой ЮНРИА, которая оказала огромные услуги экс-королю Каролю II. Он знал в Бухаресте «всех и вся», и этим определялся выбор английской разведки, которая выбросила в сентябре 1943 года на территории Румынии «десант» — Честлена и офицера-связиста. Любопытна судьба этого десанта: он попал в руки румынской контрразведки, которая не выдала Честлена немцам (как этого требовал наместник СС в Румынии), а разместила в уединенном имении. Практически через Честлена режим Антонеску поддерживал прямую связь с английской резидентурой в Стамбуле (хотя в принципе Честлен должен был контактировать с оппозиционной группой Юлиу Маниу). Более того, радиста Честлена поместили в Бухаресте в... здании службы безопасности. Ион и Михай Антонеску через группу Честлена были полностью в курсе всех контактов.

Но канал связи шел и в Вашингтон. Румынский дипломат Кароль Давилла — бывший посол в Париже — оказался в США. Его разыскал доновановский специалист по Восточной Европе Девитт Пуль и разработал очередной план посылки Давиллы в Румынию в качестве эмиссара УСС.

Разумеется, и в Вашингтоне и в Лондоне понимали ограниченность своих возможностей. Хотя из Бухареста умоляли англичан и американцев «прийти» в Румынию, «не пустить» большевиков, сие было не во власти антикоммунистических комбинаторов. Красная Армия громила вермахт, а с ним — и румынских оккупантов. Поэтому США и Англия были вынуждены привлечь Советский Союз к переговорам о выходе Румынии из войны: когда с румынской стороны к союзникам была послана

миссия во главе с бывшим премьер-министром князем Барбу Штирбеем, то после некоторого промедления США и Англия проинформировали СССР об этом, и переговоры пошли на трехсторонней базе. В те дни «Нью-Йорк таймс» (15 марта 1944 года) иронически писала о том, что «англичане и американцы, которым руины готовы были сдаться, находятся очень далеко».

Поэтому перед фактом неудержимого советского наступления американским разведчикам типа Донована не оставалось ничего другого, как начать тайную войну — на этот раз не против держав разваливавшейся «оси», а прямо и официально против Советского Союза. Когда меморандум 121 в августе 1943 года был отвергнут в Квебеке, Донован начал подкоп под давний официальный запрет Рузвельта вести разведку против СССР. Мы знаем, что запрет отнюдь не мешал резидентуре УСС в Стокгольме и Берне практически действовать именно в этом направлении. Однако на этот раз УСС открыто поставило вопрос об «ослаблении» запрета на работу против СССР. «Неясно, получил ли Донован,— пишет Э. Браун,— прямую директиву объединенного комитета начальников штабов о начале разведывательных операций против России. Возможно, это было устное разрешение. Однако в любом случае он принялся за осуществление своих планов».

Еще в январе 1943 года был составлен документ о засылке агентуры в СССР. Был сделан запрос в государственный департамент, откуда пришел ответ: такие попытки вызовут «серьезные осложнения с политической и военной точек зрения» и нанесут ущерб отношениям США со своим союзником. Да, можно сказать, были разумные люди в Вашингтоне в те времена! Но, увы, и их число оказалось невелико. Американское дипломатическое ведомство всего лишь посоветовало действовать осторожнее и только в контакте с посольством в Москве. Искушенные в этом англичане рекомендовали взять резидента из числа способных и умелых сотрудников посольства, а именно секретаря посольства Левеллина Томпсона-младшего, и предложили свои услуги как «связников» между Томпсоном и Вашингтоном. Тогда государственный департамент возразил: зачем посредничать? Мы и сами можем им руководить. . .

Так или иначе, первая «официальная» разведоперация против СССР была запланирована в сентябре 1943 года: в

Советскую страну послали группу инженеров фирмы «Баджер и сыновья» якобы для монтажа нефтеперегонных установок, а в действительности для сбора разведанных по всей (!) стране вплоть до Владивостока. Такие же группы засылались и в освобожденные страны Восточной и Юго-Восточной Европы, например в ту же Румынию. Специальный отряд УСС под руководством бывшего банкира Фрэнка Визнера осенью 1944 года направился в Бухарест, где успешно конкурировал с группой Честлена в оказании активной помощи реакционным элементам и сборе данных о Красной Армии. Визнер вошел в тесную связь с сохранившейся после краха режима Антонеску и глубоко законспирированной частью фашистской контрразведки.

Не будем, однако, забегать вперед. «Балканский план» включал не только Румынию. В нем были Болгария и Венгрия, где американские разведчики также намеревались захватить «плацдармы» для будущих действий. Исходной точкой снова и снова был Стамбул — тамошняя резидентура УСС во главе с бывшим банкиром полковником Ланнингом Макфарландом. Ему полностью доверял Донован — вплоть до того, что передал ему свой ценнейший «личный канал» к Паулю Леверкюну. Следуя общей любви УСС к пышным наименованиям, Макфарланд свою сеть на Балканах назвал «Цереус» (вид кактуса). Макфарланд и его помощник Арчибальд Колемэн (мы знаем его по делу Морде), получивший кодовое имя Снапдрагун, расположились в маленьком городке Бабек под Стамбулом. «Цереус» состоял из двух «ветвей»: «Розовую» возглавлял нефтепромышленник Э. Уолкер. Во главе другой «ветви» стоял человек под псевдонимом Дагвуд (его настоящее имя до сих пор не рассекречено). Система была обширной и сжирала в год 500 тысяч долларов. Агентура Дагвуда находилась в самой Германии, в Австрии, Венгрии и Болгарии; а среди них был агент под псевдонимом Триллиум — в действительности венгерский военный атташе в Турции подполковник Отто фон Хатц.

Что касается Болгарии, то здесь УСС сделало ставку на крупного местного банкира Ангела Куямдинского, эмигрировавшего в США (его состояние оценивалось в 15—20 миллионов долларов). Нью-йоркское бюро УСС установило, что у Куямдинского сохранились большие связи при дворе царя Бориса. Банкир, как констатирова-

ли его новые покровители, «был настроен весьма проамерикански», а кроме того, имел контакты с македонской фашистской организацией ИМРО — вплоть до того, что участвовал в финансировании на шумевшего убийства югославского короля Александра I и французского министра иностранных дел Луи Барту в 1934 году.

Все это полностью устраивало разведывательное ведомство: Куямдинский получил кличку Кисс и стал агентом УСС. Был разработан план: дать Киссу документы представителя бюро экономической войны США и послать, разумеется, в Стамбул; находясь там, он должен был завязать связи с царским двором в Болгарии и деятелем ИМРО И. Михайловым. На операцию были ассигнованы ни много ни мало 220 тысяч долларов, с задачей создать в Софии группу, на которую можно было опираться (вплоть до попытки свергнуть правительство и оторвать Болгарию от «оси»). План весьма понравился в Вашингтоне.

Каково же было разочарование, когда из Берна от Даллеса поступило сообщение: Кисс известен как корыстолюбивый делец и авантюрист, и «ни один солидный болгарин не станет с ним связываться». Но Донован не обратил внимания на сигнал. «Полковник» Кисс, прибыв в Стамбул, быстро был взят на учет германской разведкой, все его связи в Софии становились известными в Берлине. Там узнали, что он встречается с болгарским послом в Турции Балабановым, который, связавшись с Софией, якобы предложил переговоры об «отходе» от Гитлера. Донован бил в барабаны, такой, мол, успех! Однако выяснилось, что все это выдумки. Кисс оказался «болтуном» (заключение бюро американской контрразведки на Средиземноморском театре военных действий).

Афера болгарского банкира не принесла лавров американцам. Немногим больше дал «балканский план» в Венгрии. Здесь американская стратегическая разведка снова поставила все на одного агента — упоминавшегося выше подполковника фон Хатца. От него сначала ожидалось многое: во-первых, организация переговоров о выходе Венгрии из войны (это обещал Хатц от имени своих будапештских единомышленников). Еще больше устраивало УСС предложение Хатца заключить «соглашение с представителями венгерского генерального штаба о сотрудничестве в сфере разведки». Прямо скажем: предложение весьма необычное, ибо шла осень 1944 года, Вен-

грия и США находились в двух различных лагерях, причем венгерская сторона вызывающе игнорировала требование о безоговорочной капитуляции. Однако Колемэн и Макфарланд сочли возможным вести переговоры. Переговоры, явно нарушавшие все союзнические обязательства (!), шли в весьма практической сфере, а именно — о посылке американской секретной миссии в Будапешт, где она должна была вступить в скрытый контакт с венгерской разведслужбой. Размечтавшийся Макфарланд предлагал — ни более ни менее — стать «нашим (американским) уполномоченным в венгерском генштабе, нашим главным представителем и агентом в Центральной Европе». Как видим, прямая параллель с методами, применявшимися в Румынии (миссии Честлена и Визнера).

Что же касается политического смысла намеченной операции, то, как доносил один даллесовский агент, следует полагать, что «венгры будут сотрудничать только в том случае, если западные державы оккупируют Балканы и защитят Венгрию от Красной Армии, которая приближается к ее восточной границе». Знакомая, знакомая песня! Да, в Вашингтоне прекрасно понимали, в чем дело: в соответствующей директиве объединенного комитета начальников штабов говорилось, что «в случае если Венгрия выразит желание вести переговоры о заключении сепаратного мира, то предложения надлежит передать самым срочным образом начальникам штабов для вручения государственному департаменту». Заметьте: для передачи, а не для немедленного отклонения!

Почему появились такие формулировки в директиве будущей миссии? Да потому, что практическая работа по подготовке была поручена двум хорошо нам знакомым по переговорам 1943 года лицам: Даллесу (Баллу) и Тайлеру (Робертсу). Сведения об их переговорах с Гогенлоэ достигли Будапешта, и правительство премьер-министра Каллаи, уже давно искавшего связей с США, направило в Швейцарию очередного эмиссара, директора Венгерского национального банка Липота Бараньи. Бараньи хорошо знал Ройала Тайлера по тем временам, когда последний был в Будапеште в конце 20-х годов финансовым контролером Лиги Наций. В задачу Бараньи входило выяснить отношение США к «русскому вопросу» и к возможности спасения хортистского режима. В то же время Бараньи было поручено намекнуть американской стороне, что Венгрия не может порвать с «осью», пока

американские и английские войска находятся «далеко от Венгрии».

Вслед за Бараньи в Берн был послан сторонник Каллаи барон Дьердь Бакач-Бешеньей, в Стокгольм — барон Антал Уллейн-Ревички. Последний вел переговоры с уполномоченным УСС Тэйлором Коулом, подчеркивая, что Венгрия просит не применять к ней термина «безоговорочная капитуляция». Барон Бакач-Бешеньей, в свою очередь, ссылаясь на Даллеса и Тайлера, докладывал в Будапеште, что если дело дойдет до оккупации Венгрии, то она будет осуществлена только войсками США и Англии, то есть без участия Советского Союза. Западные державы, мол, не допустят «русского господства над этим исключительно важным в географическом и военно-стратегическом отношении районом — воротами в Западную Европу». Зная убеждения Даллеса и Тайлера, можно с уверенностью сказать, что барон не преувеличивал, ибо идея воссоздания антисоветского «санитарного кордона» предполагала и наличие в его составе Венгрии. Во время бернских переговоров обсуждался и вопрос посылки американского десанта-миссии в Будапешт. Даже упоминалось имя Донована как главы миссии!

В декабре 1943 года была сформирована американская секретная миссия (кодовое наименование «Спарроу») из трех человек во главе с подполковником Флоримондом Дюком — опытным разведчиком, участвовавшим в секретных контактах с адмиралом Канарисом. Дальше разыгралась такая же история, как с Киссом: УСС получило сведения, что фон Хатц — двойник и работает на нацистскую разведку, снабжая ее полными отчетами о своих связях с американцами. Макфарланд, разумеется, защищал честь своего мундира и расписывал «высокие качества» своего агента. Ему было приказано порвать контакты, но глава «Цереуса» игнорировал запрет. Фон Хатц, в свою очередь, настаивал на посылке миссии, так как хортистское правительство «встревожено перспективой... русского вторжения». По другому каналу УСС получило сообщение о том, что определенные венгерские круги «готовы рискнуть на разрыв с Германией и попытаться защитить свои границы при условии, если им будут даны гарантии против вторжения Красной Армии... Они будут приветствовать любую форму англосаксонской оккупации». Куда яснее!

Итак, политический соблазн был велик, поэтому все

предупреждения о двойной роли фон Хатца игнорировались. 13 мая 1944 года группа «Спарроу» была сброшена близ Надьканижи в Венгрии. Сначала все шло хорошо, и даже появился связной от венгерской военной разведки. Трех агентов УСС отвезли в Будапешт, где они предстали перед начальником военной разведки генералом Иштваном Уйсаси. Тот был весьма любезен и обещал встречу с двумя членами правительства. Заодно он спросил: какие предложения привез Дюк?

Развития сей авантюрный сюжет не получил, но не по воле Дюка. В воскресный день 19 марта в Венгрию были введены немецкие войска и создано новое, преданное Гитлеру правительство. Дюка передали немцам. А УСС? Оно снова потерпело провал. Вдобавок не только Кисс и фон Хатц, но и вся система «Цереуса» оказалась дутой, ибо выяснилось, что ее глава Дагвуд — немецкий агент!

Самостоятельную главу составили действия УСС в Югославии, где обстановка была совсем иной и шла героическая борьба народа против оккупантов. Но и здесь УСС ухитрилось сделать ставку не на народные силы, а на их врага Драголюбa Михайловича, что вызвало возмущение даже у Черчилля! Рузвельт был вынужден отозвать американскую миссию из штаба Михайловича. «Миссия УСС — это моя ошибка», — признал президент. Так рушился еще один «балканский вариант», политическая цель которого была однозначна: в весьма ответственный период попытаться помешать налаживанию честного сотрудничества с Советским Союзом, сорвать его.

Эта попытка успехом не увенчалась. А другие?

Что такое план «Рэнкин»

Шло тяжелое, трудное время. В совместных боях выковывалась долгожданная победа, соответствовавшая интересам народов стран антигитлеровской коалиции. Этим коренным интересам даже самые изощренные враги Советского государства не могли противопоставить никакой сколько-нибудь убедительной альтернативы. Великие битвы под Сталинградом и Курском, успехи союзных войск в Северной Африке и Италии складывались в единое целое, перед которым меркли интриги врагов коалиции — скажем, такие, какие предпринимались американскими и английскими разведчиками на Балканах.

Но не только эти провокационные действия омрачали горизонты растущего и укреплявшегося военного сотрудничества, в которое внесло значительный вклад принятое наконец решение провести операцию «Оверлорд».

Но были и другие планы. Один из них родился еще в момент, когда союзники впервые серьезно задумались о том, что второй фронт все-таки нужен. Когда в апреле 1942 года в памятной записке президенту генерал Маршалл писал, что Западная Европа — «единственное место, где объединенные державы могут в ближайшем будущем подготовить и осуществить мощное наступление», то в этом же документе предусматривалась и другая операция по высадке в Западной Европе ограниченными силами, а именно операция «Следжхамер». О ней писалось: «Эта ограниченная операция окажется оправданной... если:

1. Положение на русском фронте станет отчаянным, то есть если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления и не удастся ослабить нажим на русском фронте с помощью атаки с запада английских и американских войск. В этом случае атаку следует рассматривать как жертву во имя общего дела.
2. Положение немцев в Западной Европе станет критическим».

Не будем рассуждать о том, что само обоснование операции «Следжхамер» базировалось на сугубо пессимистической оценке возможностей Советского Союза (даже после Московской битвы!). Нельзя за это упрекать Маршалла; скорее наоборот, можно высоко оценить его готовность пожертвовать союзническими силами, чтобы пойти на выручку Советскому Союзу. Но, как известно, предпосылка № 1 вскоре отпала. А предпосылка № 2?

Трудно догадаться, о каком «критическом положении» немцев в 1942 году мог размышлять американский штаб. Но в дальнейшем эта идея не только не исчезла, но получила официальное развитие, а именно в 1943 году — перед Квебеком и после него. Конференции лидеров США и Англии в Квебеке в 1943 году был представлен так называемый «доклад Моргана» — по имени английского генерала Ф. Моргана, возглавлявшего тогда объединенный комитет начальников штабов обеих стран. Основным мероприятием на 1944 год значился в докладах план «Оверлорд» — высадка в Нормандии и его мор-

ская часть — «Нептун». Как мы знаем, «Оверлорд» и «Нептун» были утверждены, однако в итоговом документе конференции появился специальный параграф «Высадка на континент при чрезвычайных обстоятельствах». Он гласил: «Мы изучили подготовленные штабом генерала Моргана планы высадки на континент при чрезвычайных обстоятельствах (операция «Рэнкин»), приняли к сведению эти планы и дали указание продолжать работу над ними».

О каких «чрезвычайных обстоятельствах» шла речь? Оказывается, имелись в виду действия на случай внезапного краха гитлеровской Германии. Рассматривались три варианта:

— если сопротивление немецких войск будет сильно ослаблено,

— если немцы уйдут из оккупированных стран,

— если Германия безоговорочно капитулирует.

На чем базировали американские и английские военачальники предположения о столь маловероятном развитии событий? Историк УСС Энтони Кэйв Браун считает, что в 1943 году основным источником явились доклады УСС, а именно донесения Даллеса из Швейцарии, конкретно — визит к Даллесу его агента Бернда Гизевиуса («агент 151»), который в марте 1943 года прибыл в Берн. Браун рассказывает об этом так: Гизевиус передал Даллесу подробнейшую информацию о замыслах группы Бека — Гёрделера, а всего с марта 1943-го по май 1944 года Даллес послал в Вашингтон около 145 телеграмм по этому вопросу. Все это, как свидетельствует тот же Браун, «подействовало на стратегическое мышление, например на план «Рэнкин». Более того, «летом 1943 года в Лондоне, — продолжал Браун, — создалось впечатление, что вскоре произойдет крах третьего рейха. Чтобы быть готовыми к такому ходу событий, был разработан план «Рэнкин». . . На этот случай предусматривалась высадка десанта сильных англо-американских и канадских войск, которые, как уже говорилось, должны были пройти через всю Европу до Одера и обеспечить поддержание порядка. При этом союзники намеревались использовать путч против Гитлера, хотя они и неохотно поддерживали людей, планировавших этот путч».

Браун, разумеется, недоговаривает. В начале 1943 года УСС располагало не только донесениями Даллеса. К этому времени оно немало сделало для того, чтобы

наладить прямые связи с теми кругами в Германии, на которые возлагало серьезные политические надежды. Какие именно — мы знаем из «второй альтернативы» меморандума 121, из меморандумов Морде, Папена, Мольтке, из бесед Даллеса с Гогенлоэ. Эта концепция была серьезно обсуждена в рамках «разведывательного братства» США и Англии и даже ... Германии. Германии? Не ошибся ли автор, добавив в список разведслужбу адмирала Канариса?

Нет. В 70-е годы были опубликованы более чем сенсационные документы. Оказывается, летом 1943 года в испанском городе Сантандер состоялись тайные переговоры руководителей разведок трех стран — гитлеровской Германии, США и Англии. Сюда, соблюдая строжайшую тайну, прибыли адмирал Канарис, генерал Уильям Donovan и генерал Стюарт Мензис. Как свидетельствовал один из присутствовавших при переговорах сотрудников Канариса Юстус фон Эйнем, адмирал подтвердил своим партнерам известную программу: устранение Гитлера, перемирие на Западе, продолжение войны на Востоке. Donovan и его английский коллега согласились с предложением Канариса, констатировал фон Эйнем. После этого есть основания полагать, что Donovan и Мензис могли советовать генералу Моргану ориентироваться на «крах внутри Германии».

После Тегерана план «Рэнкин» отнюдь не был отложен в дальний ящик. 7 февраля 1944 года, то есть уже после Тегерана, Рузвельт писал Черчиллю: «Союзный комитет начальников штабов зашел в тупик по вопросу о странах и районах, которые должны быть оккупированы английскими и американскими войсками в соответствии с планом «Рэнкин» или после операции «Оверлорд».

Как видим, оба плана рассматриваются как равноценные, а «Рэнкин» даже упоминается первым. Тупик же заключался в том, что Черчилль собирался себе отвести зону оккупации в Северо-Западной Германии, а американским «коллегам» — в Южной Германии. США сами претендовали на северо-западную часть страны, учитывая, что все снабжение их войск должно будет идти через Бремен и Гамбург. Черчилль утешал президента тем, что США будут «компенсированы» зоной во Франции и французскими военно-морскими базами. На это Рузвельт категорически заявлял, что не собирается долго оставлять свои войска на французской территории. «Я совер-

шенно не желаю осуществлять полицейские функции во Франции,— писал он Черчиллю,— да, пожалуй, также и в Италии и на Балканах». Президент иронически добавлял:

«В конце концов, Франция — это Ваше детище, которое Вам долго еще надо будет пестовать».

Тем веселее упоминание «Рэнкина» в этом контексте: видимо, в штабах США и Англии считали этот план находящимся на повестке дня и заботились о его последствиях. Действительно, 23 февраля Черчилль, подробно отвечая президенту, снова упомянул план «Рэнкин» — даже два раза! Первый раз — описывая общую проблематику распределения зон оккупации, второй — прямо, а именно: «Я согласен с тем, что с военной точки зрения ваши предложения могут быть осуществимы, если будет иметь место вариант «О» плана «Рэнкин», то есть крах Германии до начала операции «Оверлорд».

Это писалось 23 февраля 1944 года. Кстати, небесполезно отметить, что в Тегеране ни Рузвельт, ни Черчилль, ни их начальники штабов не проинформировали Советский Союз о наличии плана «Рэнкин». К примеру, фельдмаршал Брук имел и время, и случай о нем сказать. Почему ничего не сказал — понятно, ибо вызвал бы большое недоумение своих советских коллег. Были бы заданы вопросы: на чем США и Англия базируют свои прогнозы о «крахе Германии»? А о надеждах западных держав войти в Германию раньше Красной Армии, пожертвовавшей миллионами жизней во имя общей победы, вслух говорить не полагалось. Не полагалось говорить и о попытках сговора с германскими консервативными кругами, словом, обо всем, что предписывал меморандум 121. Его зловещая тень все время бродила по англо-американским штабам.

«Рэнкин» существовал не только на бумаге. 12 февраля 1944 года в директиве объединенного комитета начальников штабов главнокомандующему экспедиционными войсками предписывалось: «Независимо от установленной даты вторжения вам надлежит быть готовым в любое время использовать такие благоприятные условия, как отход противника перед вашим фронтом, для того чтобы вторгнуться на континент с теми силами, которые к этому времени будут в вашем распоряжении», то есть еще до намеченной операции «Оверлорд» и, что самое главное, до вступления в пределы Германии Крас-

ной Армии! Генерал Брэдли в своих воспоминаниях писал: «Полный крах Германии смешал бы все карты. Для предотвращения хаоса на континенте мы должны были бросить все силы в Европу, немедленно форсировать Ла-Манш, вторгнуться в Германию, разоружить ее войска и захватить контроль над страной в свои руки».

И опять-таки: это были не теоретические рассуждения. Армия Брэдли должна была выделить 10 дивизий для немедленной высадки; войска США должны были оккупировать всю Германию, а английские, двигаясь из Италии, захватить Австрию. Кроме того, им великодушно отдавались германские военно-морские базы в Балтийском море. Затем 17 мая 1944 года — прямо накануне вторжения! — в план «Рэнкин» были внесены изменения, согласно которым в случае ухода вермахта из Норвегии (ожидалось и это) союзные войска займут Киркенес, Хаммерферст, Тромсё, Нарвик, Тронхейм, Ставангер, Берген, Кристианстад и столицу Осло. Американский военный историк Альберт Норман по этому поводу задавал недоуменные вопросы: «Кажется странным, что как раз в момент интенсивной подготовки к вторжению, которое должно было встретить сильную оборону, стали тратить время на то, чтобы порассуждать о планах на случай полного краха Германии еще до момента вторжения... Не лишено иронии то обстоятельство, что такой крах казался возможным зимой 1943/44 года, то есть за несколько месяцев до того момента, когда крупнейшая в истории десантная операция вступала в стадию практического осуществления...»

Действительно, почему? На что делалась ставка? Чего ждали?

«Правда, но не вся правда»

24 мая 1944 года государственный департамент США направил посольству СССР в США памятную записку следующего содержания:

«Государственный департамент в соответствии с приглашением, достигнутым на Московской конференции, желает довести до сведения Советского посольства, что к американским официальным представителям в Швейцарии обратились недавно два эмиссара одной германской группы с предложением попытки свергнуть нацистский режим. Эти эмиссары заявили, что они пред-

ставляют группу, включающую Лейшнера, лидера социалистов и бывшего министра внутренних дел в Гессене; Остера, генерала, бывшего правой рукой Канариса, арестованного в 1943 году гестапо, и который был под надзором после освобождения и недавно освобожден от официальных обязанностей Кейтелем; Гёрделера, бывшего мэра Лейпцига; и генерала Бека. Другими германскими генералами, упомянутыми позже в качестве членов этой оппозиционной группы, являются Гальдер, Цейтцлер, Хойзингер (начальник штаба Цейтцлера), Ольбрехт¹ (начальник германской армейской администрации), Фалькенхаузен и Рундштедт. В отношении Цейтцлера было сообщено, что он привлечен Хойзингером и Ольбрехтом на основании того, что он должен принимать участие в любом плане для того, чтобы достигнуть упорядоченной ликвидации Восточного фронта и избежать таким образом обвинения за военную катастрофу там, чего он очень боится.

В апреле сего года эмиссары обратились к американскому представителю в Швейцарии² и выразили от имени группы свое желание и готовность попытаться изгнать Гитлера и нацистов. Было заявлено, что группа сможет оказать достаточно влияния на германскую армию для того, чтобы заставить генералов, командующих на западе, прекратить сопротивление союзным высадкам, как только фашисты будут изгнаны. Условие, при котором эта группа соглашается действовать, выражалось в том, чтобы она имела дело непосредственно с Соединенным Королевством и Соединенными Штатами после свержения фашистского режима. Как прецедент для исключения СССР из всех переговоров она привела недавний пример с Финляндией, которая, по их утверждениям, имела дело исключительно с Москвой.

Американский официальный представитель, который получил вышеупомянутую информацию, немедленно выразил эмиссарам свое убеждение, что американское правительство не примет и не может принять никаких подобных предложений, что политика союзников по вопросу безоговорочной капитуляции Германии была ясно высказана и что США ни при каких условиях не будут рассматривать никаких предложений, относящихся к Германии,

¹ Правильно: Ольбрихт.

² То есть Даллесу.

без участия СССР. На следующие подобные обращения был дан такой же ответ. Этот ответ, конечно, выражает позицию правительства США. Британское посольство было извещено о вышеизложенном»¹.

Что же, наши союзники отказались наконец от сепаратных переговоров с гитлеровской Германией? Они своевременно поставили СССР в известность о коварных германских происках, направленных на спасение рейха и раздоры коалиции?

Не тут-то было! Еще «великий молчальник», кумир германского милитаризма фельдмаршал Гельмут фон Мольтке говорил: «Говорите правду, только правду, но не всю правду». Составители памятной записки от 24 мая следовали именно этому рецепту.

Да, действительно, контакты имели место.

Да, именно эти лица принимали участие в заговоре. За исключением Хойзингера и Рундштедта, которые лишь знали о заговоре, но не участвовали ни в каких действиях, остальные лица действительно принадлежали к числу заговорщиков.

Да, в Вашингтоне и Лондоне не дали положительного ответа. Но... Американское и английское правительства узнали о заговоре не в мае 1944 года, а за шесть лет до этого. Все эти годы германских консерваторов втайне поощряли. С ними вели не только разговоры, а сепаратные переговоры (вспомним лишь о Даллесе и Гогенлоз, Морде и Папене, Хьюитте и Шелленберге!). На антисоветские авансы заговорщиков в адрес США и Англии отвечали отнюдь не протестами, а в таком же антисоветском духе.

Перечисленного, на мой взгляд, достаточно, чтобы понять смысл демагогического американского демарша и лицемерных ссылок на решения Московской конференции 1943 года, где было решено не вести сепаратных переговоров. Теперь спросим: почему вспомнили о московских решениях лишь в мае 1944 года?

Для ответа на этот вопрос надо обратиться как минимум к трем источникам: первый — положение на фронтах второй мировой войны; второй — особенности военного планирования США и Англии; третий — внутренняя ситуация в терпящей поражение нацистской империи.

... Лето 1944 года застало воюющие стороны на пороге

¹ Советско-американские отношения..., т.2, с.117 — 118.

важнейших событий. В Тегеране была достигнута договоренность об открытии второго фронта. К тому времени антигитлеровская коалиция обладала значительными ресурсами. Ей противостояла коалиция агрессоров — более чем 9 миллионов солдат и офицеров вермахта и 2,7 миллиона человек в войсках стран-сателлитов. Японские вооруженные силы достигли 4,5 миллиона человек. Главное ядро вражеских армий находилось на Восточном фронте, где действовало более 60 процентов всех сил и средств — 179 дивизий и 5 бригад вермахта, 49 дивизий и 18 бригад союзников Германии — всего около 4,3 миллиона человек.

К этому времени немецкая армия уже давно лишилась ореола непобедимости — и это видело даже ее командование. 15 февраля 1944 года гросс-адмирал Редер — главнокомандующий военно-морским флотом Германии, один из столпов нацистской стратегии — собрал своих ближайших помощников, чтобы обсудить общую ситуацию. Он обратился к ним со следующими словами:

— Мне кажется, что я стою голый. Дела обстоят так: 1943 год показал, что в общем ходе войны мы оттеснены в оборону...

Для такого вывода он имел все основания: в начале 1944 года были разгромлены крупнейшие стратегические группировки вермахта под Ленинградом и на Правобережной Украине. В ходе боев были освобождены значительные части Украины и Крым. Советские войска вышли на юго-западную границу СССР и перенесли военные действия на территорию Румынии.

Эти победы выражались в таких цифрах: ведя зимнее и весеннее наступления 1944 года на фронте протяженностью свыше 2,5 тысячи километров, советские войска продвинулись на отдельных направлениях до 450 километров и разгромили более 170 дивизий противника. И хотя бои шли далеко от районов будущего второго фронта, они помогали и англо-американскому командованию: Гитлер оттягивал одну за другой дивизии с запада на восток. 20 декабря 1943 года на оперативном совещании генерал Буле попытался возражать:

— Только мы сформируем что-либо, как этого уже нет...

— Кому вы это говорите? — возмутился фюрер. — Ведь мне очень трудно. Я каждый день смотрю на ситуацию на Востоке. Она катастрофична...

В свою очередь, начальник штаба оперативного руководства генерал Йодль фиксировал в дневнике: «невероятные переброски на восток», «лучших людей отсылаем», «как можно будет вести войну в воздухе против вторжения?».

Так было до самого лета 1944 года.

В конце апреля 1944 года в Москве на совместном заседании Политбюро ЦК партии и Ставки Верховного Главнокомандования было принято решение провести новое мощное наступление, что полностью соответствовало соглашениям, достигнутым в Тегеране.

В чем состоял замысел? Главный удар нанести на центральном участке по группам армий «Центр» (фельдмаршал Буш) и «Северная Украина» (фельдмаршал Модель), оборонявшихся в Белоруссии и западных областях Украины, а затем начать освобождение других районов страны и выступить на помощь народам соседних стран, попавших под иго захватчиков. Наступление должно было начаться операцией Ленинградского и Карельского фронтов на севере, чтобы оттянуть сюда часть сил противника, а затем нанести удар совместными силами четырех советских фронтов в Белоруссии. Активная роль предназначалась и партизанам. Планировалось, что, когда противник будет вовлечен в бои в Белоруссии, 1-й Украинский фронт развернет наступление на львовском направлении.

Удар в Белоруссии должны были нанести 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты, которыми командовали И. Баграмян, И. Черняховский, Г. Захаров, К. Рокоссовский. Была создана мощная группировка — 25 общевойсковых, 2 танковые и 1 воздушная армия (166 стрелковых дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов). Операции дали название «Багратион», а ее начало назначили на 23 июня.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал впоследствии: замысел Белорусской операции «был прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на Белорусском театре военных действий, причем мы заведомо знали, что эти фланговые направления являются наиболее опасными для врага, следовательно, и наиболее защищенными»¹.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1975, с.437.

А как оценивали советские планы в гитлеровском генштабе? Анализ документов, принадлежавших начальнику «отдела иностранных армий Востока» генералу Гелену и его заместителю полковнику Весселю, свидетельствует, что хваленые нацистские разведчики не смогли распознать замысел операции «Багратион». Гелен и Вессель предсказывали, что главный удар советских войск последует в юго-западном направлении — на Станислав и Люблин, а далее на Словакию и Балканы. Базируясь на высосанных из пальца агентурных данных, они расписывали «разногласия» в Москве: будто политическое руководство выступало за удар на Балканы, военное — за удар на Варшаву и Данциг. Вессель категорически заверял, что удар последует через Бескиды и Карпаты на Балканы и даже к Средиземному морю. Операцию в Белоруссии он оценивал как «отвлекающий маневр», а возможность удара на Минск объявлял «сомнительной».

Результаты общеизвестны: группа Буша оказалась разгромленной наголову. Положение не спас и Модель, заменивший провалившегося фельдмаршала. 6 июля Гитлер задал начальнику оперативного отделения генштаба Хойзингеру вопрос о потерях в Белоруссии. Тот ответил:

— В котлах остались от 12 до 15 дивизий. Однако общие потери достигают 26 дивизий. . .

А вот признание самого Гитлера:

— Я могу сказать лишь одно: невозможно представить себе большего кризиса, чем мы пережили в этом году на востоке. . .

17 июля 1944 года жители советской столицы стали свидетелями поразительного события. По улицам Москвы прошли под конвоем более 57 тысяч немецких военнопленных, захваченных во время разгрома группы армий «Центр». Автору этой книги довелось участвовать в доставке для прохождения по Москве нескольких генералов и офицеров группы армий «Центр». Помню, с какими каменными лицами входили в самолет Ли-2 господа генералы. Они никак не могли примириться с мыслью, что под Бобруйском для них повторился Сталинград, а все искусство фельдмаршала Буша оказалось бессильным перед блистательным мастерством советского командования.

Среди пленных был человек с особой репутацией:

комендант Бобруйска генерал Гаман. В самолете он заметно нервничал и все время порывался что-то спросить, и наконец обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, мы не будем делать посадок?

В разговоре выяснилось: Гаман опасался, что самолет сделает остановку в одном из городов, где генерал хозяйничал в годы оккупации. Когда же наш Ли-2 стал под Гомелем заходить на посадку, Гаман побледнел. Его предчувствия оправдались: ведь и в Гомеле он был комендантом (а до этого в Орле). И удивительное дело: хотя о нашем полете знали немногие, на аэродром стал сходиться народ. Когда самолет подрулил, собралось несколько сот человек. Гаман слезно умолял не открывать выходные люки. Пришлось вызвать дополнительную охрану, чтобы спокойно довести «пассажиров» до барака, где они должны были переночевать, а затем продолжить путь к месту назначения.

«Багратион» и вся летняя кампания 1944 года на советско-германском фронте органически вошли в общие действия антигитлеровской коалиции. Г. К. Жуков вспоминал, что, когда в апреле его вызвали в Ставку для обсуждения планов боевых действий, И. В. Сталин сказал:

— В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Немцам теперь придется воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться...

Когда же планирование «Багратиона» было завершено, И. В. Сталин направил Черчиллю следующее послание: «Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами, путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск»¹.

Эти планы были осуществлены. В США и Англии высоко расценили действия советских войск. Так, 1 июля Черчилль писал И. В. Сталину: «Теперь как раз время для того, чтобы я сказал Вам о том, какое колоссальное

¹ Советско-английские отношения..., т.2, с.110—111.

впечатление на всех нас в Англии производит великолепное наступление русских армий...»¹ 3 августа 1944 года посол США в Москве довел до сведения Советского правительства письмо, полученное им от генерала Эйзенхауэра: «Я, естественно, глубоко взволнован тем, как Красная Армия уничтожает боевую силу врага. Я желал бы знать, как мог бы я должным образом выразить маршалу Сталину и его командирам мое самое глубокое восхищение и уважение»².

Черчилль, подводя итоги летней кампании 1944 года, заявил в палате общин: «Пытаясь воздать должное британским и американским достижениям, мы никогда не должны забывать о неизмеримой услуге, оказанной общему делу Россией... Я считаю себя обязанным сказать, что Россия сковывает и бьет гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе».

Действительно, ни одна немецкая дивизия не была отправлена с советско-германского фронта на запад. Генерал-фельдмаршал Ганс Клюге, командовавший войсками во Франции, панически писал Гитлеру: «Войска на Западе с точки зрения притока людских резервов и техники были почти изолированы. Это было неизбежным следствием отчаянного положения на востоке». И хотя ситуация на западе доставляла гитлеровскому командованию много хлопот, оно продолжало концентрировать основное внимание на Восточном фронте. Так, 9 и 11 июля протокол оперативного совещания у Гитлера фиксировал: «Тема совещания: стабилизация положения в центральной части Восточного фронта, где сложилась крайне серьезная обстановка». На другом совещании Гитлер, долго и подробно анализируя ситуацию группы «Запад», все-таки резюмировал:

— Если говорить о том, что меня больше всего беспокоит, то это проблема стабилизации Восточного фронта...

Да, о взаимодействии двух фронтов думали и в Москве. 8 июля 1944 года Г. К. Жуков по вызову Верховного Главнокомандующего прибыл в Москву. На завтраке у И. В. Сталина шла речь о задачах завершающего этапа войны. «Обсуждая возможности Германии продолжать

¹ Советско-английские отношения..., т.2, с.121.

² Советско-американские отношения..., т.2, с.171.

вооруженную борьбу,— вспоминал Г. К. Жуков,— все мы сошлись на том, что она уже истощена и в людских и в материальных ресурсах, тогда как Советский Союз в связи с освобождением Украины, Белоруссии, Литвы и других районов получит значительное пополнение за счет партизанских частей, за счет людей, оставшихся на оккупированной территории. А открытие второго фронта заставит наконец Германию несколько усилить свои силы на Западе.

Возникал вопрос: на что могло надеяться гитлеровское руководство в данной ситуации?

На этот вопрос Верховный отвечал так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету...

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами,— добавил В. М. Молотов.

— Это верно,— сказал И. В. Сталин,— но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства¹.

Справедливые опасения?

Смысл заговора

Как-то в Бонне я смотрел любопытную телевизионную передачу. Ее авторы задались вопросом: если бы в 1944 году в «третьем рейхе» существовало телевидение, то как бы выглядели его передачи в день 20 июля? Этот прием позволил сценаристам зримо представить все перипетии этого бурного дня, начавшегося взрывом бомбы в восточно-прусской ставке Гитлера, подложенной отважным Клаусом фон Штауффенбергом, и кончившимся разгромом заговора и расстрелом его руководителей во дворе здания генштаба на берлинской улице Бендлерштрассе. Кстати, одним из действующих лиц этого телеспектакля был майор Отто-Эрнст Ремер, батальон кото-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1974, т. 2, с. 260—261.

рого сыграл решающую роль в срыве путча в Берлине и спас жизнь Геббельсу. Тот самый Ремер, который 41 год спустя стал одним из лидеров западногерманского неонацизма и с восторгом приветствовал кощунственный визит президента Рейгана на кладбище солдат вермахта и СС в Битбурге...

События 20 июля действительно драматичны. Но за их драматизмом, за отважными действиями Штауффенберга и группы его молодых друзей стоит не менее серьезная политическая драма, которую составляла подготовка и попытка путча. Его историки обычно начинают с конца 30-х годов, когда у небольшой группы консервативных военных и не менее консервативных политиков появились первые сомнения в успехе нацистских замыслов. До этого они рьяно помогали укреплению фашистской диктатуры, росту военной мощи рейха, разработке планов агрессии. Но вот стали зарождаться сомнения: а зачем Гитлеру ссора с Англией и Францией? Не лучше ли напасть на СССР в союзе с ними? Эти вопросы обсуждались в аристократических гостиных, в весьма узком кругу, но дискуссии результатов не имели. Держа, как говорится, «кукиш в кармане», господа генералы и послы продолжали служить Гитлеру или, удалясь в отставку, заниматься в своих поместьях составлением бесчисленных политических прожектов.

Но положение резко изменилось, когда вермахт стал получать сокрушительные удары от Красной Армии. Поражения под Москвой и Сталинградом стали сигналом для «прожектеров», которые начали искать пути к замене Гитлера каким-либо более приемлемым для них (и для Запада) режимом. Затем к ядру формировавшейся в 30-х годах политической фронды прибавились молодые офицеры-фронтовики, которые, побывав на советско-германском фронте, поняли неизбежность краха авантюрных замыслов Гитлера и его генштаба.

Заговор созрел очень долго, медленно. Сначала его участники вообще не хотели предпринимать насильственных действий и, упаси бог, трогать фюрера. Затем у тех же молодых офицеров родились планы террористических актов (например, планировался взрыв самолета, в котором летел Гитлер). Однако главные деятели — генерал Бек и его друзья-фельдмаршалы, «теоретик» заговора Гёрделер — всячески оттягивали решительные действия.

Лишь энергия графа Штауффенберга сломала это пассивное сопротивление и дала возможность произвести взрыв в «Волчьем логове».

Антифашистское Сопротивление — славная и драматическая страница в германской истории. Когда сегодня в нее пытаются задним числом вписать имена тех, кто стал в формальную оппозицию Гитлеру, лишь когда рейх пошел ко дну, над этим можно лишь посмеяться. Например, когда в число борцов Сопротивления включают, скажем, двух начальников генерального штаба генералов Гальдера и Бека и даже пару обергруппенфюреров СС, стремившихся заменить Гитлера на Гиммлера...

Но было и другое, подлинное Сопротивление. Оно началось не в июльский день 1944 года, а за много лет до того, — когда передовые, демократические силы Германии начали борьбу против надвигавшейся коричневой опасности. Когда нацизм был еще в колыбели, германские коммунисты забили тревогу. Они призывали к антифашистскому единству всех демократических сил и не жалели для этого ни труда, ни жизни. В то время, когда генералы рейхсвера (затем вермахта) с восторгом приветствовали нацистского фюрера и его диктатуру, а крупные промышленники не жалели на нее рейхсмарок, честные демократы вели неравный бой с штурмовиками и эсэсовцами. Когда же Гитлер пришел к власти, то на всю страну прозвучали слова великого коммунистического борца, славного гамбургского рабочего Эрнста Тельмана: «Гитлер — это война».

Французскую коммунистическую партию называли «партией расстрелянных», германскую можно считать партией повешенных и замученных в концлагерях. Невероятные муки испытали коммунисты, а с ними многие социал-демократы, другие честные немцы, ведя подпольную борьбу в невероятно тяжелых условиях. Несмотря на террор, антифашисты сохраняли веру в победу. Это была не нацистская, а «другая Германия» — благородная и смелая, шедшая в едином антифашистском строю.

С того момента, когда вермахт стал терпеть поражение, в этом строю образовалось новое, невиданное доселе явление. Среди немецких военнопленных, почувствовавших на себе удары Красной Армии, родилось движение, которое возглавил Национальный комитет «Свободная Германия». Созданный в июне 1943 года, он объединил антифашистские силы как среди военнопленных, так и в

самой Германии и антифашистов-эмигрантов в других странах Европы и Америки. «Гитлер должен быть свергнут, чтобы Германия могла жить» — таков был один из центральных лозунгов комитета, который стремился к созданию нового, подлинно демократического строя, а не к реставрации старых порядков милитаризма и антикоммунизма, как того хотели ведущие деятели консервативного заговора. Звучит символично, что Донован называл заговорщиков «Черной капеллой»: их планы действительно были планами черной реакции.

Сейчас известно, насколько разнородным был этот заговор, созревший в верхах рейха. Лишь немногие из его участников действительно руководствовались национальными интересами немецкого народа. Группа, которую возглавлял полковник граф Клаус фон Штауффенберг, поняла необходимость связи с подпольным Сопротивлением, руководимым коммунистами. Однако главные участники заговора задумали его в других целях: они хотели сохранить «великую Германию» и — самое главное! — предотвратить военный триумф Советского Союза. С этими намерениями они и стремились заручиться поддержкой антикоммунистических кругов в США и Англии. В послании Гёрделера гитлеровскому генералитету прямо говорилось: «Войну нельзя выиграть ранее применявшимися средствами и прежними методами... Однако положение можно спасти». Гёрделер разъяснял: необходимо договориться с США и Англией, «что разрешит сосредоточить все военные усилия немецкого народа на Востоке... Вермахт должен оставаться способным удержать Восточный фронт на старой восточной границе Польши».

Если группа офицеров из окружения Штауффенберга и так называемый «кружок Крейсау» (в него входил граф Мольтке) считали уход со всех захваченных территорий необходимым, а оккупацию Германии державами антигитлеровской коалиции неизбежной, то Гёрделер и его единомышленники требовали, чтобы и впредь «Германии принадлежало руководство европейским блоком», а сама Германия была сохранена в границах 1914 года. Гёрделер писал в 1943 году: «Как и Германия, обе англосаксонские державы заинтересованы в том, чтобы большевизм не продвинулся на Запад». Он разработал 11 требований, адресованных западным державам. Они предусматривали согласие на уход с оккупированных территорий «на

севере, западе и юге Европы», но «продолжение обороны на Востоке».

С глубокой враждебностью группа Гёрделера, мечтавшая о возрождении монархии, относилась к левым силам, и особенно к находившимся в советском плену солдатам и офицерам из патриотического движения Национального комитета «Свободная Германия». Зато заговорщики не гнушались контактов с СС и через своего эмиссара фон Попица прямо информировали Гиммлера о своих замыслах. Они стремились заручиться молчаливым согласием обер-палача. С полным основанием писал в дни 40-летия покушения на Гитлера видный западногерманский антифашист Курт Бахман, что организаторы заговора «не собирались призвать массы к действию. Однако ключевую проблему — свержение гитлеровского режима, окончание войны — нельзя было решить методами заговора».

Когда после неудачи покушения следователи СС стали разбирать обширную документацию, которую оппозиционеры хранили весьма небрежно, то в меморандуме под названием «Цель» были обнаружены такие установки:

— «укрепление немецкого влияния... сохранение единого национального государства для всех живущих вместе немцев»;

— «центральное положение Германии в кругу других национальных государств вынуждает Германскую империю содержать достаточно мощные вооруженные силы. Их сохранение должно быть достигнуто внешнеполитическими средствами. Следует обсудить, может ли немецкий вермахт стать ядром европейских вооруженных сил. Наличие сильного вермахта является обязательной предпосылкой будущего мира...»;

— «центральное положение, численность и высокая производительность обеспечивают немецкому народу руководство европейским блоком»;

— «Германия должна обладать компактной колониальной территорией в Африке»;

— «...следует достичь приемлемого взаимопонимания с английской империей и Соединенными Штатами Северной Америки»;

— «все оккупированные территории немедленно передаются под власть военных генерал-губернаторов, которым будут приданы опытные, твердые характером гражд-

данские чиновники и уполномоченные министра иностранных дел».

Чем в принципе эта программа отличалась от обычных установок германской империалистической политики? Да ничем! Даже на уход с оккупированных вермахтом территорий не могли решиться те, кто называл себя «оппозиционерами». А когда речь зашла о европейских границах после войны, то они потребовали:

— «сохранить Германию в границах 1914 года, признав на юге решения Мюнхенской конференции 1938 года (то есть ликвидацию независимости Чехословакии.— Л. Б.) и отдав Германии Южный Тироль»;

— Эльзас—Лотарингию превратить в «автономную страну» или разделить ее между Германией и Францией;

— у Польши отнять Познань, компенсировав ее... «государственным союзом с Литвой»;

— восстановить антисоветский «санитарный кордон» 20—30-х годов.

А чтобы США и Англия смогли почувствовать себя хозяевами в Восточной Азии, Германия должна взять на себя функцию «охраны Европы от России»!

Здесь уж могли ликовать не только гитлеровские антикоммунистические пропагандисты и политики, но с ними и их единомышленники в США и Англии! При этом трудно сказать — являлась ли эта программа самостоятельным творчеством заговорщиков или она была навеяна их беседами с американскими и английскими эмиссарами? Скорее второе, ибо Канарис своей собственной персоной на допросе в гестапо показывал:

— Мы при случае обсуждали возможности мира. В первую очередь о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними совместно бороться с большевиками. Фельдмаршал Клюге спросил меня, какой компромисс может быть достигнут с англичанами. Я мог ему сообщить лишь то, что через месяц Валленберг изложил как английскую позицию: на востоке границы 1914 года; Польша и Литва должны образовать государственную унию и, ввиду их антибольшевистских настроений, примкнуть к Германии; Австрия и Судетская область остаются немецкими, Южный Тироль вплоть до линии Боцен—Меран снова будет немецким, район Эйпен—Мальмеди остается немецким, об Эльзасе—Лотарингии Германия будет вести непосредственные переговоры. Германский суверенитет неприкосновенен,

никаких репараций, вместо них совместное восстановление Европы, экономическое объединение европейских государств без России...¹

Итак, шведский банкир Валленберг, на которого ссылался Канарис, привез из Англии ту же программу, о которой мечтали заговорщики. А раньше мы видели элементы этой программы и в беседах с Даллесом, Хьюиттом, Морде и другими американскими противниками второго фронта.

Конечно, можно удивляться: неужели такие опытные и профессиональные политики, как Канарис, Бек (бывший начальник генштаба), Хассель (бывший посол), Папен (бывший рейхсканцлер), Попиц (бывший министр), могли предаваться таким антикоммунистическим утопиям и в 1943—1944 годах думали, что им удастся возродить в Восточной Европе «санитарный кордон», а Советский Союз вернуть в положение изолированной страны «вне Европы»? Действительно, эти утопии критиковались в кругу самих заговорщиков. Мы знаем о том, что в своем докладе Доновану Мольтке говорил о «провосточной группе». И в документах гестапо упоминается об этом: «Группа, которая пропагандировала восточное решение, то есть сотрудничество с Россией, без Запада или даже против него, была очень мала. В ходе приготовлений и подготовительных совещаний она еще больше теряла свое влияние. Ярким представителем восточной ориентации был, к примеру, профессор Рейхвейн, и он установил связь с одной прокоммунистической группой. Он говорил, что Россия — великая и мощная страна будущего, располагающая значительными сырьевыми и людскими ресурсами. Без России или против нее невозможно вести европейскую политику...» В докладе отмечалось, что вариант этой линии, так называемый «средний», предусматривал после успеха путча установление контакта и с Западом и с Москвой через бывшего посла в Москве графа Шуленбурга и его военного атташе Кёстринга. Однако наиболее распространенным было «западное решение», которое следователи гестапо изложили в таком виде: «Под решающим влиянием Бека и Гёрделера, которых намечали на посты имперского наместника и рейхсканцлера, сформулировалась с течением времени ярко выраженная западная ориентация, направленная

¹ По протоколам следствия.

против Востока...» Далее цитировался вышеупомянутый меморандум «Цель»: «На Востоке не может быть и речи о плодотворном экономическом и политическом сотрудничестве с большевистской Россией».

И далее: «Эта политическая установка доходила до того, что Бек и Гёрделер начинали надеяться, что при дальнейшем возрастании русской мощи можно будет предпринять попытку заключить с Англией и Америкой союз против России. Гёрделер говорил: «Я думаю не о капитуляции, а о том, чтобы поставить все на карту, дабы удержать Англию от безумия, которое лишит Европу защиты перед лицом большевизма». Леттерхауз¹ говорил: «Мы надеялись, что при молчаливом согласии западных держав сможем усилить Восточный фронт и сдерживать вторжение... На мой взгляд, в качестве главной задачи нынешняя внешняя политика должна заинтересовать западные державы в борьбе против Москвы».

Иными словами: архиконсервативные идеи Бека — Гёрделера были как бы зеркальным отражением антисоветских настроений в США и Англии. И наоборот: Донован, Даллес и иже с ними искали в среде заговорщиков исполнителей своих внешнеполитических замыслов. Именно поэтому американские разведчики не ограничивались сбором информации, а направляли эту информацию в определенный политический канал. В марте и июне 1944 года представитель заговорщиков Адам Тротт цу Зольц посетил американского посланника в Швеции Джонсона и вел с ним долгие беседы, убеждая его в необходимости отказаться от требования безоговорочной капитуляции и разработать взаимоприемлемые условия капитуляции Германии.

В этой ситуации Даллес неоднократно направлял в Вашингтон, а также Эйзенхауэру доклады, в которых высказывался за «позитивные жесты». Эйзенхауэр и его начальник штаба генерал Бедэл Смит (будущий директор ЦРУ в 50-е годы) склонялись к поддержке этой идеи. Когда в апреле 1944 года Адам Тротт цу Зольц прибыл в Швейцарию и вел очередные переговоры с ближайшим сотрудником Даллеса Шульце-Геверницем, то выдвинул новый «аргумент», утверждая, что в Германии постоянно «растет влияние России» и Национального комитета «Свободная Германия», не последнюю роль здесь играет

¹ Один из заговорщиков, сотрудник абвера.

большое число советских военнопленных; Россия предлагает немецкому народу «поток конструктивных идей» на послевоенный период, а Западу «нечего предложить». Тротт разработал программу из 7 пунктов, которая должна была предотвратить «полевение масс».

Даллес, как и раньше, направил эти предложения в Вашингтон. Свои идеи Тротт высказал еще раз в Стокгольме, в том числе корреспонденту «Тайм-Лайф» Дж. Скотту. Непосредственно перед покушением сеть связей была упрочена: в Мадрид послали сотрудника «Льюфтваффе» Отто Иона. Он бывал здесь и раньше; а в июле 1943 года встречался с американским военным атташе полковником Уильямом Хознталем. Ион впоследствии вспоминал: «... я говорил, что вермахт может драться еще семь лет, и саркастически добавил, что пройдет добрых три года, пока они (американцы.— Л. Б.) очутятся у Бранденбургских ворот,— если раньше нам не удастся окончить войну благодаря «смене режима». Он (Хознталь) спокойно принял мои слова к сведению. Тогда, не называя имен, я сказал, что «мы» можем попытаться еще до рождества «изменить режим». Однако нам нужна поддержка в форме заявления союзного командования, согласно которому с германскими фельдмаршалами будут обращаться, как с Бадольо... Я спросил, возможно ли поддерживать контакты. Он ответил положительно, дал мне секретный телефонный номер и обещал хранить все в строжайшей тайне».

На этот раз Ион привез в Мадрид точные данные о сроке путча. Информированность УСС о ходе заговора была настолько высокой, что в момент высшего напряжения— а именно 20 июля 1944 года— «агент 512» Гизевиус находился в берлинском штабе заговорщиков и непосредственно наблюдал за ходом событий. И хотя почти все, кто находился в здании ОКВ на Бендлерштрассе, погибли или были арестованы, Гизевиус «чудом» спасся и через несколько дней оказался у Даллеса в Берне.

В нашем распоряжении есть секретное донесение Даллеса в Вашингтон от 21 января 1945 года. В нем излагаются сведения, полученные от заговорщиков еще 17 августа 1944 года, вскоре после покушения. Донесение гласит: «Источник сообщил, что полковник фон Штауффенберг, совершивший покушение на Гитлера, в случае удачи путча планировал заключить мир с Советами и объявить в Германии «режим рабочих и крестьян». Старомодные

генералы не были согласны с этим планом и, как прежде, выступали за соглашение с западными союзниками без Советов. Однако они не возражали фон Штауффенбергу, так как он был единственным человеком, который решился рискнуть своей жизнью, и только он мог подложить бомбу. Они надеялись, что будут в состоянии повести последующее развитие в более консервативном направлении»¹.

Таков был циничный расчет «старомодных генералов», которые охотно жертвовали отважным патриотом, а своих американских партнеров в очередной раз стращали «режимом рабочих и крестьян», от которого Штауффенберг был весьма далек. Сам Даллес добавил свои предложения: надо немедленно ослабить рузвельтовское требование безоговорочной капитуляции и обещать немецким генералам, которые откроют путь западным войскам, что их не объявят военными преступниками. Все это следует сделать, прежде чем советские успехи на Востоке повергнут Германию в хаос. . .

Как видим, Даллес бил в одну точку: стремился поссорить США с Советским Союзом. В то же время он вместе с Донованом готовил почву для пресловутой «второй альтернативы» — сговора с немецкими реакционерами, дабы сменить нацизм другим реакционным режимом и не допустить демократического послевоенного развития немецкого государства.

Можно понять, почему 23 мая 1944 года, то есть перед самым вторжением в Нормандию, в ходе которого должны были осуществляться союзнические операции «Оверлорд» и «Нептун», всем высшим командирам экспедиционных войск была разослана такая директива: «Политические настроения немецких генералов имеют большое значение. Если вермахт в результате «Нептуна» понесет тяжелый урон, то генералам может принадлежать решающая роль в формировании будущего... Увидев неизбежность поражения, они, возможно, не захотят продолжать вести войну до момента, когда в Германии воцарится хаос. Они, видимо, убеждены, что выторгуют лучшие условия капитуляции, чем это сделали бы нацисты... Если первые недели вторжения покажут, что союзников не удержать, то, возможно, высшие немецкие офицеры решатся на быструю акцию против Гитлера».

¹ Из архива УСС.

И вот поразительное совпадение: до двадцатых чисел июля союзники, высадившиеся в Нормандии, не предпринимали активных действий на фронте, как бы выжидая исхода событий. Удивительная «координация» заговора и действий союзников привлекла внимание исследователей. Так, В. М. Фалин, проанализировав странную на первый взгляд паузу, наступившую в операции «Оверлорд» сразу после удачной высадки и вплоть до начала августа, высказывает обоснованную гипотезу: не выжидали ли в Вашингтоне и Лондоне исхода заговора?¹

20 июля 1944 года не принесло результатов, которых ожидали основная группа заговорщиков и ее идейные сообщники за рубежом. Фактически они бесчестно воспользовались смелостью и мужеством Штауффенберга и его друзей. Генералы проявили поразительную медлительность и неосторожность, бросив дело на полпути. Вот только один пример: предназначавшийся на пост главнокомандующего вооруженными силами генерал-фельдмаршал фон Вицлебен прибыл в штаб заговорщиков с многочасовым опозданием, но в полной форме и с маршальским жезлом. Узнав, что Гитлер жив, он через 45 минут уехал домой. А вскоре Гиммлер начал расправу...

Конечно, меня могут спросить: не преувеличиваю ли я роль заговора? Думается, нет. И вот почему:

а) преувеличение невозможно, поскольку американские действия на фронтах «тайной дипломатии» не кончились в июле 1944 года, а в предыдущий период отнюдь не замыкались на заговорщиках-генералах, а целили дальше, к Гиммлеру;

б) заговор 20 июля был для Донована — Даллеса и его единомышленников «наиболее реальной» рабочей гипотезой для оказания влияния на политику США и Англии. Мы ни в коей мере не утверждаем, что Даллес сам «организовал» заговор, хотя после войны стремился создать подобное впечатление. Заговор был следствием глубокого внутреннего кризиса военно-политической верхушки гитлеровской Германии, возникшего как результат мощных ударов советских войск. Однако он по своей социальной сути был неспособен добиться успеха, ибо был построен не на идее свержения гитлеризма, а на попытке сохранить империалистическую Германию и ее

¹ См.: Мировая экономика и международные отношения. М., 1984, № 7.

захватнические завоевания; он был не народным движением, а верхушечным сговором представителей военной, экономической и политической элиты. Американские антикоммунисты-разведчики, ослепленные иллюзией, будто возможно «не пустить Советы в Европу», не были в состоянии оценить реальные возможности заговорщиков и, следовательно, вводили в заблуждение высшее руководство Запада.

Ведь далеко не случайно, что официальная информация о заговоре в Германии и о предложениях заговорщиков заключить сепаратный мир с Западом последовала в адрес СССР лишь 24 мая 1944 года (причем в неполном и заведомо искаженном виде). Фактически это означает, что все разветвленные контакты с германскими представителями на протяжении 1942—1944 годов представляли собой прямое нарушение обязательств США, взятых ими в начале войны,— не вступать ни в какие сепаратные переговоры с противником. И если даже на минуту принять контраргумент, будто эти контакты поддерживались с «антигитлеровскими кругами», то как объяснить переговоры Даллеса с Гогенлоэ и Шпитци? Или предложения Морде и Хьюитта? Наконец, если даже считать, что вред, причиненный УСС, оказался не столь велик, ибо все его расчеты провалились, то несомненно и другое: назойливым выдвижением своих антикоммунистических альтернатив Донован и Даллес стремились мешать налаживанию военного и политического сотрудничества США с Советским Союзом, являвшимся единственным эффективным средством выигрыша войны. Они постоянно питали своими меморандумами ту группу американских политиков, которые сдерживали развитие и укрепление антигитлеровской коалиции и, апеллируя к самому Рузвельту, пытались подорвать его курс. Тем самым «тайный фронт», созданный американскими антикоммунистами, становился реальной помехой делу достижения Победы.

9

ДВА «ВТОРЫХ ФРОНТА»?

После «Оверлорда»

6 июня 1944 года? Я должен признаться, что мне стоило труда вспомнить эту дату в моей фронтовой биографии. Когда сорок лет спустя один английский коллега задал мне вопрос: «Где вы были в день открытия второго фронта и как вы реагировали на это сообщение?», я ответил не сразу. Мне даже пришлось вытащить из архивной папки записку, составленную моим однополчанином, ныне покойным подполковником Евгением Наровлянским, в которой были зафиксированы все перемещения штаба фронта, в котором мы служили, — штаба Донского, затем Центрального, Белорусского, наконец, 1-го Белорусского фронта, который из Сталинграда пришел в Берлин.

Итак, лето года сорок четвертого? Последнее лето. Так озаглавлена одна из повестей Константина Симонова. И мы жили этим ощущением, ибо июнь следующего, сорок пятого мы встречали уже в Берлине. Но в 1944 году штаб фронта еще был в лесу под Овручем, а между линией фронта и Берлином была добрая тысяча километров. В июне в штабе шла непрерывная и трудная подготовка очередной операции, целью которой было освобождение Советской Белоруссии. Правда, мы, рядовые офицеры, тогда не знали кодового названия «Багратион», но работа шла напряженнейшая. Ведь противник еще был силен: советским войскам противостояли 179 дивизий и 5 бригад вермахта, а с ними 49 дивизий и 15 бригад сателлитов — всего 4 миллиона человек (замечу: 179 из

324 дивизий вермахта). На «белорусском выступе» немецкая группировка насчитывала 800 тысяч солдат и офицеров, 9500 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Иными словами, перед одним нашим фронтом было не меньше, а больше дивизий, чем перед высадившимися в Нормандии войсками генерала Дуайта Эйзенхауэра.

6 июня было обычным днем подготовки операции — ее начало предстояло в 20-х числах. Утром, обработав сводки армий, я отправился на узел связи, спрятанный в хорошо замаскированных блиндажах. К вечеру из очередной сводки генштаба, пришедшей из Москвы, мы узнали о высадке.

Когда я отвечал моему английскому коллеге (он принадлежал к военному поколению и хорошо помнил дни высадки), то не хотел кривить душой. Конечно, для нас открытие второго фронта было событием огромной важности. Но мы так долго его ждали, он так долго откладывался, что определенный осадок все-таки оставался. Да и размышлять было некогда: близился день начала собственных операций...

Сегодня все стало на свои места. Никто не отрицает роли дня 6 июня 1944 года, который завершил долгую и трудную предысторию второго фронта и положил ему начало. Стало реальностью то, о чем долго мечтали все люди на земле, жаждавшие скорейшего разгрома нацизма. Можно понять, что впоследствии день 6 июня был назван одним американским публицистом «самым длинным днем»: в истории боев экспедиционных войск на континенте он был первым и самым тяжелым. Советские воины, у которых таких «самых длинных дней» к июню 1944 года набралось больше тысячи, могли понять ощущения своих братьев по оружию и желали им полного успеха. Эти пожелания от всего сердца были высказаны советским руководством в адрес руководителей США и Англии, в адрес всех солдат и офицеров войск генерала Эйзенхауэра, в том числе и Джозефу Половскому.

Советские люди не забыли и не забывают о той материальной помощи, которую союзники оказали нашей стране в тяжелом единоборстве. Не будем спорить о ее объеме — на Западе сегодня много охотников его раздувать. Мы в любом случае благодарны за этот символ совместных действий. Каждый из нас с добрым чувством вспоминает о мощных «Студебекерах» и вездесущих

«Виллисах», но как не хватало их в самые трудные месяцы и годы войны! Открытие — хотя и запоздалое — второго фронта было существенным вкладом в общую борьбу, доказавшим возможность и способность государств, противоположных по социальной природе, объединить свои усилия в борьбе с общим врагом, действовать во имя общей цели.

Генерал Эйзенхауэр собрал уникальные силы: 39 дивизий, 12 отдельных бригад и 10 отрядов, более 10 тысяч самолетов; 4 тысячи десантных судов — более 2 миллионов человек. Им противостояли лишь 18 дивизий вермахта, около 500 (!) самолетов. Высадке благоприятствовали многие обстоятельства, в том числе просчеты немецкой разведки, которая не ожидала операции в этот день. Надо же было случиться так, что командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Роммель, на участке которого высадились союзники, утром 6 июня был за сотни километров, в кругу своей семьи, а командующий 7-й армией Дольман по непонятным причинам отменил приказ о повышенной боевой готовности. Высадка же ожидалась вообще не в Нормандии, а в районе Па-де-Кале...

После того как открытие второго фронта стало реальностью (Гитлер долго не верил в это; фельдмаршал Рундштедт, командовавший Западным фронтом, убеждал фюрера, что это вовсе не основная операция союзников), войска вермахта оказывали отчаянное сопротивление. Завершить создание плацдармов удалось не сразу. Лишь 14 июня американские войска вырвались с полуострова Котантэн на оперативный простор, 26-го был взят Шербур. Продвижение же в глубь Франции началось лишь 27 июля. Эти трудности воспринимались как понятные: советским бойцам на советско-германском фронте были известны боевые качества и опыт солдат вермахта. Мы ждали дальнейшего развертывания операций Эйзенхауэра...

То, что произошло летом 1944 года, означало крупнейший провал не только прогнозов, но всей политической линии, которая вдохновляла американские антикоммунистические силы и их «оперативный орган» — ведомство генерала Донована. В самом деле: из «трех альтернатив» меморандума 121 не только взяла верх, но и была реализована самая неудобная и немилая сердцу врагов — сотрудничество с Советским Союзом. При всех «но» и «однако» высадка в Северной Франции означала

решительный переход США и Англии к единственно верной линии — к совместным военным действиям с СССР, сжимавшим гитлеровский рейх с запада и востока. Джо-зеф Половский, сойдя на берег Нормандии, еще не знал, что ему предстоит встреча на Эльбе с советскими воинами. Но он вместе с тысячами таких же, как и он, проникался сознанием, что нет и не может быть иного пути, чем непримиримый бой с гитлеризмом. Ибо впервые перед гражданами США и Англии возник подлинный, страшный лик этого чудовищного механизма, о котором они имели лишь смутное представление и не знали, какую подлинную угрозу он несет не только Советскому Союзу, но всем странам мира.

Оказался и ошибочным расчет на перспективы верхушечного заговора и сговора с его участниками. Хотя для этого были заботливо созданы специальные военные планы («Следжхамер», затем «Рэнкин»), союзники ничего не получили от германского генералитета «в подарок». И дело здесь совсем не в том, что США не были уступчивы и «не ободрили» заговорщиков. Сам замысел был построен на ложной предпосылке, что антикоммунистическим заговором можно подменить платформу антигитлеровской коалиции. Деятели типа Донована и Даллеса не захотели распространить эту платформу на отношение к силам Сопротивления в самой Германии — там они искали только архиконсервативных политиканов, далеких от антифашизма. Результат известен.

Однако сугубо ошибочным было бы предположение, что враги сотрудничества США и Англии с Советским Союзом успокоились. Если в 1943 году они ставили вопрос: «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?» и давали отрицательный ответ, то в 1944 году (и позже) продолжали доказывать свою правоту. Им было нипочем, что своими действиями они мешали ускорению разгрома фашизма. Об этом свидетельствуют новые операции, развернувшиеся на тайном фронте войны.

Среди них следует обратить внимание на одно необычайное пристрастие Аллена Даллеса: на его агента, которому он присвоил имя Джордж Вуд. Под этим именем скрывался нацистский дипломат Фриц Кольбе, сотрудник отдела связи между министерством иностранных дел Германии и штабом верховного главнокомандования вермахта (ОКВ).

...История появления Кольбе в числе американских

осведомителей довольно забавна. 23 августа 1943 года в кабинете резидента британской МИ-6 в Швейцарии графа Уильяма Ванден Хювеля появился человек, назвавшийся немецким врачом Кохерталером. Он предложил графу «важное дело», но был выдворен за дверь. Тогда Кохерталер отправился в американское посольство, где повторил свое предложение сотруднику Даллеса Джеральду Майеру, добавив, что приехал в Швейцарию по просьбе некоего чиновника из немецкого МИД, который хотел бы видеть Даллеса. Майер решил доложить просьбу своему начальнику. Оба, долго не задумываясь, решили дать согласие. В этот же вечер в доме 23 по Херренгассе появился невысокий лысоватый человек: Фриц Кольбе, сотрудник отдела, возглавлявшегося посланником Карлом Риттером. В задачу Кольбе, объяснял он, входит предварительный просмотр всех дипломатических документов перед докладом Риттеру. Тут же он вынул из портфеля ни много ни мало 186 копий различных секретных документов!

Даллес пришел в восторг. Он доносил, что «на 400 страницах... предстает картина будущей катастрофы и окончательного развала» (прекрасный аргумент для плана «Рэнкин»!) ... «Дни разведслужбы Канариса сочтены» (почему бы американцам не связаться с разведслужбой СС?). «В телеграммах ощутимы последние предсмертные корчи заржавевшей нацистской дипломатии»...

Однако в Вашингтоне не сразу решились на использование данных Вуда (их еще по-другому назвали «Бостонской серией»). Сначала сомнения высказали английские эксперты. Потом, после того как экспертиза сочла документы подлинными, ее руководитель стал размышлять: кто стоит за Вудом? Это мог быть сам Риббентроп, который хотел осложнить сотрудничество между СССР и западными союзниками. Ведь не случайно среди документов, переданных Даллесу, было очень мало материалов о немецких намерениях и планах, зато много сообщений о продвижении советских войск в Восточную и Центральную Европу. Все они, как под диктовку, сообщали о «хаосе», вызываемом этим продвижением. Невольно создавалось впечатление, что единственная сила, способная задержать этот «потоп», — Германия, а если западные державы разрушат нацистский рейх, то «никто не будет способен сопротивляться русским»... Руководитель экспертизы сотрудник УСС Белин прямо спрашивал: «Не

могут ли эти данные быть подброшены с целью повлиять на выработку позиций при разработке операции?»

Что верно, то верно.

Следует отметить, что со стороны «оппозиционеров» Даллесу все время подбрасывались предложения, мягко выражаясь, провокационного характера. К примеру, еще до путча, а именно 13 мая 1944 года, к Даллесу явился его «агент 512» (Гизевиус) и привез очередной сенсационный план: заговорщики готовы помочь западным войскам, если США и Англия разрешат вермахту удерживать Восточный фронт, а для этого (цитирую телеграмму Даллеса): «(1) При помощи местного командования три союзнические авиадесантные дивизии высаживаются в районе Берлина; (2) Мощные десантные операции проводятся близ Бремена и Гамбурга вдоль немецкого побережья; (3) Надежные немецкие части, дислоцированные в районе Мюнхена, изолируют Гитлера и высшее командование в Оберзальцберге»¹.

Даллес продолжал: «Та же оппозиционная группа считает, что война проиграна и единственная надежда на то, что удастся задержать распространение коммунизма в Германии, возлагается на оккупацию возможно более значительных районов Европы американцами и англичанами. Это поможет нашим войскам вступить в Германию еще до краха Восточного фронта...»

Правда, Даллес в своем докладе Доновану выражал сомнение в способностях и силах «оппозиционной группы». Но как мог он, хорошо информированный человек, передавать в Вашингтон такое заведомо провокационное, полубредовое сообщение? Разве он не знал, что никаких «надежных войск» в Мюнхене нет, а Гитлер вообще находится в Восточной Пруссии? И разве кто-либо мог в Вашингтоне серьезно думать о высадке у Гамбурга, когда она готовилась в Нормандии? Но, видно, соблазн передать очередной антисоветский «аванс» был велик. В результате УСС разослало по высшим эшелонам власти документ о серьезных замыслах «германских генералов и гражданской оппозиции».

Казалось, после высадки в Нормандии и провала заговора 20 июля никому не могло бы и прийти в голову вспоминать о «десантах». Ан нет! Как свидетельствуют архивы УСС, весной 1945 года после большой паузы у

¹ Баварская резиденция Гитлера («Бергхоф»).

Даллеса снова очутился Вуд. Он выжил после провала заговора и теперь появился в Берне, чтобы передать своему шефу самоновейшее предложение очередной группы. Правда, он уже ссылался не на генералов, а на неких «социалистов из организации Рейхсбаннер». Эта группа во главе с самим Кольбе бралась устроить новый путч — на этот раз в самом Берлине, однако с одним условием: американцы должны сбросить на столицу воздушный десант. Как пишет историк УСС Р. Г. Смит, «это была бы новая попытка отдать Берлин в американские руки прежде, чем русские вступят в город». И что же? Даллес снова передал этот бред (не побоюсь такого выражения) в Вашингтон...

Даллес упорно бил в одну точку: хотел поссорить США с Советским Союзом. Для этого он не брезговал прямыми фальшивками. Так, 7 февраля 1945 года он направил в Вашингтон донесение того же плана. Оказывается, некий источник, «принадлежавший к консервативной старой группе, стремящейся к соглашению с западными союзниками», убежден, будто «Советы придут в Германию с тщательно подготовленной и обученной группой немцев, включающей Паулюса, Зейдлица и других лидеров комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Учитывая англо-американские возражения по поводу превращения этой группы в германское правительство, Советы, очевидно, используют ее в своей зоне оккупации. Так как она станет единственной немецкой организацией и будет пользоваться советской поддержкой, то она будет рассматриваться немцами как правительство Германии»...

Далее сей источник предлагал США и Англии срочно создать свои «правительства» в зонах оккупации. А Даллес? Он подтверждал заведомо ложные слухи о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и предлагал «втихую быстро начать неофициальную работу в Швейцарии, Франции и других странах, чтобы отобрать отдельных немцев, имеющих связи в Германии и способных помогать на определенных фазах германских дел и, возможно, служить в качестве членов технических комитетов при оккупационных властях».

Ни дать ни взять — подготовка к расколу Германии еще до начала ее союзной оккупации! Ведь прекрасно известно, что слух о формирующемся «будущем правительстве» из членов комитета «Свободная Германия»

был изготовлен не кем иным, как Геббельсом, а Даллес быстро его подхватил, дабы подкрепить свой авантюристический план сбрасывания десантов.

Даллес был не одинок в муссировании подобных разведывательных перлов, единственной целью которых было посеять семена недоверия в ряды коалиции. В истории американской разведки есть страница, опять-таки связанная с Ватиканом и начавшаяся еще в 1943 году после освобождения Рима союзными войсками. Сюда в числе прочих прибыл из-за океана католический священник Морлион — руководитель группы «Про Деи», иначе именовавшейся «католическим антикоминтерном». Морлион имел тесные связи с УСС, и вскоре в Вашингтон стали поступать секретные донесения поистине сенсационного характера о тайнах Ватикана и его дипломатических представителей и (что было особенно интересно для Вашингтона) сведения, поступающие из Японии. По указанию заместителя Donovan генерала Джона Магрудера новому источнику было присвоено кодовое наименование Вессель (Корабль) и особая степень секретности. В одной из телеграмм Магрудера в адрес представителей УСС на Средиземноморском театре военных действий прямо говорилось: «Материал Весселя обладает особой ценностью. Он представляет собой уникальный канал, идущий из Японии. Мы знаем, что им интересуется президент и государственный департамент».

Действительно, Вессель сообщал об уникальных событиях: о совещаниях у императора, о беседах японских дипломатов, о поисках выхода из войны и «компромиссных» условиях Японии, при которых Япония пошла бы на заключение мира. Сообщения затрагивали и возможную позицию Советского Союза. Можно понять, что последнее особо заинтересовало высшее руководство США, поскольку оно считало необходимым условием победы над японским милитаризмом участие Советского Союза.

И вот, пожалуйста: как раз перед самым Ялтинским совещанием УСС представило Рузвельту очередное донесение Весселя. В нем говорилось, что Советский Союз не предпримет никаких шагов на Дальнем Востоке. Японский посол в Москве якобы уже ведет переговоры с целью закрепить советско-японский пакт о ненападении, взамен чего Япония порвет с Германией и выйдет из «Антикоминтерновского пакта». Это сообщение вызвало в

Вашингтоне крайнее возбуждение. А Вессель не унимался: он сообщал, что Советский Союз уже готов к «посредничеству» между Японией и США. Более того, что советская сторона уже создала «временное германское правительство», которое будет провозглашено во время очередной встречи «большой тройки».

Не будем продолжать, ибо в скором времени выяснилось, что все донесения Весселя — чистейшие фальшивки, изготовленные итальянским «желтым» журналистом Витторио Скатолини за сходную цену — 500 долларов в месяц. «Суперразведчики» из УСС в течение 6 месяцев пользовались его «информацией» и передавали ее в самые «верхи», вплоть до президента. Заблуждение, ошибка? Едва ли. Фактически Донован и его рьяные помощники руками Скатолини пытались посеять в руководстве США недоверие к их советскому союзнику, помешать нормальному ходу советско-американских отношений.

И это не единственный пример того, как разведчики США подсовывали, мягко говоря, дезинформацию. В феврале 1945 года начальник штаба армии США Маршалл передал генштабу Красной Армии, как он сам подчеркнул, важные разведывательные сведения. Он сообщил, что в марте немцы собираются предпринять два удара — один из Померании на Торн, другой — из района Моравска Острава на Лодзь. На деле оказалось, что главный удар готовился и был осуществлен не в этих районах, а около озера Балатон. Сообщая об этом президенту Рузвельту, И. В. Сталин 7 апреля 1945 года отмечал, что советскому командованию удалось избежать катастрофы, потому что он пользовался иным источником информации.

Да и свое командование УСС нередко снабжало неверными прогнозами. В декабре 1944 года оно заверяло, что вермахт находится на грани краха, а через несколько дней Гитлер нанес удар в Арденнах. В марте — апреле 1945 года ведомство Донована утверждало, что гитлеровские войска создают на юге так называемую «Альпийскую крепость», куда отводят войска и сосредоточивают силы. В действительности никакой «крепости» в Альпах не существовало...

Конечно, разведки не выигрывают и не проигрывают войн. Как ни привлекательны бывают сюжеты из жизни разведслужб и их героев, они являются лишь небольшой и далеко не главной частью огромной картины боя.

социальных и военных сил, которое свершалось более сорока лет назад на нашей планете. Когда же речь идет о разведслужбах капиталистического мира, то здесь преувеличение их роли в западной трактовке событий войны часто носит явно прикладную роль: убедить антикоммунистов сегодняшнего дня в том, что у них не было и нет более верных слуг, чем в воинстве Донована и иже с ним. . .

Но не бывает худа без добра. В славословиях многих сегодняшних западных авторов по адресу разведок США и Англии невольно раскрываются подлинное содержание и глубочайший цинизм закулисных операций, которые были не только антисоветскими, но по своей сути антиамериканскими и антианглийскими,— ибо мешали достижению высокой цели, за которую отдавали свои жизни миллионы борцов за свободу народов. В США и Англии безусловно было много разведчиков, которые честно служили великому делу, не подозревая, что результатами их деятельности злоупотребляли многие их начальники в Вашингтоне и Лондоне. Только поэтому и позволил себе автор приложить некое «увеличительное стекло» к ряду событий, развертывавшихся, в сущности, на периферии войны, где им, собственно, и было место. Подвиг Джозефа Половского и тысяч его боевых товарищей для нас весит куда больше, чем интриги закулисных комбинаторов.

Новый заход?

Все мы считаем победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией водоразделом войны и мира. А вот когда об этом спросили сотрудников Центрального разведывательного управления — ветеранов УСС, то они даже удивились.

— Для нас,— отвечали они,— война вовсе не кончилась.

Поэтому, когда некоторые западные историки называют события, развернувшиеся в Северной Италии и Швейцарии в конце 1944-го — начале 1945 года, «первой операцией «холодной войны», то им нельзя отказать в некоторых основаниях.

Речь идет о том, что теперь известно не только историкам. Переговоры Аллена Даллеса с обергруппенфюрером СС Вольфом стали теперь темой беллетристики,

кино и телевидения. Но я попытаюсь взглянуть на этот эпизод несколько шире и привлечь нескольких новых свидетелей, которые помогут понять весьма глубокий смысл и широкий объем тогдашних операций американских разведчиков. И начну не непосредственно с того, что происходило в Берне, Цюрихе и Лугано.

...Место действия — Ватикан. Свидетель — посол Германии при святейшем престоле Эрнст фон Вайцзеккер. Фигура Вайцзеккера примечательна. Один из самых опытных дипломатов, посол в Осло и Берне, затем заведующий политическим отделом МИД, представитель «старой школы», он — несмотря на личное отвращение к методам нацистской дипломатии — долго (с 1939 по 1943 год) оставался на посту статс-секретаря, то есть заместителя Риббентропа, а с 1943 года стал послом при папском престоле. Он давно был в курсе как общих намерений внутригерманской оппозиции, так и ее внешнеполитических связей. Через Вайцзеккера проходили соответствующие документы еще в период деятельности в Берлине. Еще больше он мог наблюдать со своего ватиканского поста.

Если снова заглянуть в его дневник, изданный после войны канадским историком Леонидасом Хиллом, то мы увидим, что он полон записей, отражающих как настроения посла, так и многие дипломатические акции. Сразу после Сталинграда Вайцзеккер замечает, что нацистская печать начинает спекулировать на мифе о «большевистской опасности для Европы» (запись 12 февраля 1943 года) и в нейтральных странах провоцирует дебаты о том, что Англия дерется «не на той стороне». Затем — после речи Геббельса о «тотальной войне» — дипломат задумывается о необходимости искать каналы для переговоров. Ему кажется, что главная миссия Германии — «дать Европе новый порядок», ибо грядет «третья мировая война между марксизмом и демократией». Вайцзеккер ожидает, что папа должен усилить свои попытки «объединить древние культурные нации Запада против большевизма» (13 декабря). Так в настроениях Вайцзеккера отражались давно знакомые и, можно сказать, «классические» черты антикоммунистической паранойи, которой был поражен не только немецкий посол в Ватикане. Ведь именно здесь, под покровительством курии, совершались многие закулисные контакты, причем уже с 1942 года к ним подключились и представители Соеди-

ненных Штатов. Шли и контакты, связанные с заговором 20 июля.

Но вот июльские события миновали. Осторожный Вайцеккер не оставил в своих записях никаких следов своей реакции на них. Зато есть другие свидетельства: беседы посла с американскими деятелями. Первый из них — бывший посол США в Германии м-р Хью Вильсон, с которым Вайцеккер «случайно» встретился, гуляя по ватиканскому немецкому кладбищу Кампо Санто Тевтонико. Вильсон только что вернулся с аудиенции у папы, и посол использовал возможность побеседовать с гостем из-за океана. «Я говорил ему об уверенности нашей ставки в победе,— записал Вайцеккер,— чтобы затем поdiskутировать об обратном. Я сказал, что союзники лишь укрепляют немецкое сопротивление, когда предают анафеме всех немцев. Это будет стоить американцам много крови» (12 августа 1944 года). Это, как говорится, уже не ново: такие мысли не раз высказывали немецкие эмиссары до 20 июля, стремясь подорвать требование безоговорочной капитуляции.

Но вот 26 августа 1944 года в дневнике Вайцеккера появляются иные интонации: «20 августа я встретил на кладбище в Кампо Санто Тевтонико знакомого мне с августа 1939 года по Берлину полковника Донована». Почему снова это место для встречи? Дело в том, что кладбище Кампо Санто Тевтонико, созданное еще в средние века, непосредственно примыкало к собору Св. Петра. Здесь с эпохи Карла Великого хоронили лиц немецкого («тевтонского») происхождения, и для немецкого дипломата был более чем обычным визит на Кампо Санто Тевтонико. А случайного визитера Донована могло заинтересовать, к примеру, надгробие кардинала Карла фон Гогенлоэ — предка одного из нацистских эмиссаров, приезжавших к Даллесу.

Что же действительно привело Донована в сень собора Св. Петра?

«Он приехал из Неаполя и интересовался вопросом: с кем в Германии можно сотрудничать? Я ответил, что не знаю, ибо не знаю, кто там остался. Мои тамошние связи оборвались. У меня сложилось впечатление, что из-за ошибок американской политики теперь все уже поздно. Когда русские дойдут до Эльбы, дело западных держав будет проиграно».

Запись эта чрезвычайно интересна, ибо свидетель-

ствуем об умонастроениях директора УСС сразу после провала его главных надежд, связанных с 20 июля. Казалось бы, все рухнуло. Но Донован упорен: он ищет себе (и политике США) опору. И хотя ему пришлось выслушать ехидные упреки посла, беседа на этом не завершилась. Вайцеккер нарисовал своему собеседнику такую картину: либо вся Германия будет оккупирована советскими войсками, либо она придет к сепаратизму. Последнее он не одобряет, так как сепаратизм «ведет к нестабильности».

Эти рассуждения требуют некоторого разъяснения, так как запись весьма конспективна. До немецкой стороны дошли сведения о планах расчленения Германии, которые США официально выдвигали на ряде совещаний, в том числе в Москве и Тегеране. Конечно, у такого «хранителя немецких традиций», каким чувствовал себя Вайцеккер, это не могло не вызывать большую тревогу, и он поспешил сообщить об этом Доновану, но тот успокоил его:

«Донован сказал две интересные вещи:

1. В США еще колеблются относительно сепаратизма (он лично против и дал понять, что Рузвельт тоже).
2. Передача восточной части русским в качестве зоны вовсе не предрешена».

Спрашивается: зачем было директору УСС так подлаживаться под своего партнера вплоть до того, что говорить ему явную неправду — ведь деление Германии на зоны уже было фактически предрешено? Ответ вытекает из главной установки: искать тех, «с кем можно сотрудничать». Последняя проблема, безусловно, обсуждалась серьезно, что видно из дальнейшей записи:

«... На мой вопрос, почему Америка разочаровывает тех немцев, которые ориентируются на Запад, Д.¹ ответил, что группа 20 июля частично ориентировалась на Восток. Кроме того, генералы все-таки остались вместе с Гитлером». Как видим, Доновану пригодились «доносы» Гизевиуса на Штауффенберга и соответствующие доклады Даллеса, чтобы требовать от Вайцеккера и его единомышленников полной «благонадежности».

Увы, кроме записи посла у нас нет других, более полных сведений о переговорах Донована с Вайцеккером. Но есть все основания полагать, что говорилось там

¹ Донован.

о многом. Иначе с чего бы посол вслед за беседой сел за составление очередного меморандума в американский адрес нью-йоркского епископа Спеллмана¹, уже не раз принимавшего участие в американо-германских контактах? Содержание меморандума известно. Вот оно:

«Грядущий мир должен представлять собой конструктивное общее соглашение, которое спасет Европу для западной цивилизации. С 1918 года² Россия перестала быть частью Европы. И впредь Европа будет заканчиваться у русской границы. Поэтому мирное соглашение должно решить — будет ли Германия принадлежать Европе или нет...

Практически это должно означать:

1. Оккупацию и охрану Германии американскими и британскими войсками. Только они пригодны для такой функции, ибо их страны не имеют территориальных претензий к Германии.

2. Начальную помощь Германии в снабжении, здравоохранении и т.д.

3. Внутренние немецкие дела должны решаться самими немцами...

5. Германские границы спорны лишь на востоке. Покуда идет мировая война и покуда неясны военные цели Советской России... нельзя говорить об окончательном начертании границ. Этот вопрос не должен решаться на стадии перемирия, а оставаться прерогативой позднейшего мирного договора.

Примечание:

Вышеназванные пункты имеют силу только в том случае, если германская территория будет оккупирована исключительно американскими и британскими войсками».

В этих рассуждениях можно усмотреть лишь один: очередной вариант бывшего плана «Герман», приспособленный к новым условиям, то есть к факту неизбежной оккупации Германии союзными войсками. В нем есть все прежние замыслы: ориентация на раскол коалиции, противопоставление западных союзников Советскому Союзу и стремление сохранить максимум для будущей Германии. Судя по всему, меморандум подвергся обсуждению в Вашингтоне, ибо через некоторое время в Рим прибыл

¹ Он неоднократно бывал в Ватикане.

² Так в тексте.

некий посланец (д-р Гебель), который встретился с Вайцзеккером и задал ему следующие вопросы:

- 1) Готов ли посол указать союзникам путь, который привел бы к свержению Гитлера?
- 2) Кто мог бы осуществить переворот?
- 3) Кто из участников покушения 20 июля остался в живых?
- 4) Находится ли посол в связи с ними?
- 5) На какой базе возможен переворот?
- 6) Произведут ли переворот политические или военные круги?

Вайцзеккер отвечал (привожу его собственную запись):

«20 июля создало прецедент, который призывает к осторожности. После этого дня реакция¹ в Германии крайне бдительна и замышляет, хотя и в сложнейших условиях, как можно скорее положить конец войне Гитлера. Хотя многие участники 20 июля погибли, появились новые люди, готовые в необходимый момент снова испытать судьбу. Мое нынешнее положение посла при Ватикане в последнее время несколько мне мешало, однако никогда не затрудняло поддерживать контакт (пусть и косвенный) с людьми, которые, как правило, связаны как со мной, так и с моей семьей. Переворот могут совершить только военные, ибо теперь только генералы допускаются к фюреру и только они могут подкрепить оружием свои приказы. Многие из них способны заключить мир, однако они либо рассеяны, либо не могут установить личный контакт. Нити заговора могут соединиться только извне. Без прямой помощи союзников это соединение произойти не может. Поэтому я вношу следующее предложение:

так как я знаю людей и пути к ним, я был бы готов встретиться с авторитетным лицом. Предпочел бы одного из знакомых мне англичан (м-р Кирк-Патрик, сэр Александр Кадоган или посол Кеннерт)². Сначала Вашингтон информировать не надо, так как велика опасность утечки информации. Не надо посылать телеграмм, не надо упоминать мое имя. Этот контакт и в дальнейшем должен идти по чисто английской линии. Подобные меры вызваны не «затуманиванием», а необходимостью сохранить секретность во имя конечной цели».

¹ Так в тексте. Очевидно, надо «оппозиция».

² Так в тексте. Надо: Киркпатрик, Кеннард.

Если читатель упрекнет меня за несколько неуклюжий перевод этого весьма важного документа, то в качестве извинения скажу, что он написан на неуклюжем немецком языке и даже содержит непростительные для опытного посла фактические ошибки.

Но как полезно бывает использовать не один источник, а сравнить несколько! К примеру, дневник посла за лето 1944 года не содержит ни слова о предстоящих событиях, о его американских контактах. А они, оказывается, были. Донован еще до августовской встречи побывал в Ватикане, а именно в начале июля 1944 года. Он получил личную аудиенцию у святого отца (обсуждал с ним вопросы «коммунизма, Германии и России»), после чего посетил немецкого посла. Вайцеккер информировал его о ходе заговора и в свою очередь спросил: чего заговорщики могут ожидать от союзников, если произведут переворот? Они договорились встретиться в августе.

Итак, вот первая поправка: беседа 26 августа была не результатом случайной встречи. Вторая поправка: Донован был не единственным, кто поддерживал связь с послом. Эту миссию выполнял и полковник военной разведки США Джозеф Родриго. Посредником служил ближайший сотрудник посла Альбрехт фон Кессель — человек с большими связями в военных кругах. Впрочем, мы даже можем привести его характеристику из документов УСС: «42-летний профессиональный дипломат, первым постом которого было немецкое посольство при Ватикане (1930—1932). Вслед за этим он служил как вице-консул в Катовицах, Словакии и в Мемеле, затем в течение трех лет в германском посольстве в Берне (1935—1937). Работал у Вайцеккера в министерстве с 1937 по 1941 год, а потом — до назначения в июле 1943 года на нынешний пост в Ватикан — был консулом в Женеве. Считается, что он настроен против нацистов и против японцев. Есть неподтвержденные слухи, что располагает связями с СД».

Кстати, коли мы уже заглянули в эти документы, посмотрим, что писали чиновники УСС о самом Вайцеккере: «Посол при Ватикане с апреля 1943 года. До этого был преемником фон Бюлова в качестве статс-секретаря МИД, в этой должности иногда занимался отношениями с Америкой. Был послан в Ватикан, чтобы иметь на этом весьма важном посту дипломата первого ранга... Не согласен с внешней политикой Риббентропа, но поддерживает весьма тесные связи с оберштурмбаннфюрером

Эллингом, советником посольства и одной из главных фигур СД в Италии. Пользуясь маской «исследователя германо-ватиканских отношений», он создал в Риме сеть агентов, состоящую преимущественно из монахов-бенедиктинцев и дипломатов, которая действует и после ухода немецких войск. Отношения Эллинга к нацистскому режиму определяются его стремлением сохранить дееспособность Германии на будущее. Вайцзеккер не член нацистской партии, однако его националистические настроения и большой опыт делают его весьма полезным для нацистов». Как видно, деятели УСС прекрасно знали, с кем имеют дело. А дело шло! В тех же документах УСС за конец 1944 года подтверждается запись посла о желательности передать связь с ним англичанам. Отчет УСС о «мирных зондажах немецких дипломатов через Ватикан» от 21 января 1945 года, направленный в объединенный комитет начальников штабов США, гласит, что Вайцзеккер и Кессель «31 октября 1944 года проинформировали британских представителей о том, что они собираются передать важную информацию, касающуюся маршала Гейнца Гудериана¹. Запросив инструкций от британского Форин оффис, британские представители получили ответ, что их руководство считает ненужным принимать какие-либо обязательства. 15 ноября представитель Форин оффис Генри Гопкинсон сообщил полковнику С. Хилл-Диллону, что министерство не возражает против контакта с Кесселем с целью сбора развединформации без принятия обязательств. Британцы заинтересованы в том, чтобы Кессель оставался на своем посту в германском посольстве и работал на них².

17 ноября офицер британской разведки встретился с фон Кесселем. Кессель заявил, что его главная задача состоит в том, чтобы сделать для Германии все возможное, пока события не примут стремительный характер и Германия и Западная Европа не потерпят полный крах. Он сказал, что, помогая Германии, хочет помочь Британии и западной цивилизации. На встрече был также сотрудник посольства барон Сигизмунд фон Браун³. Фон

¹ Фактическая неточность: Гудериан занимал пост исполняющего обязанности начальника генштаба в чине генерал-полковника.

² Из другого источника известно, что англичане завербовали Кесселя.

³ Из справки УСС: «Агент СД, следящий за деятельностью сотрудников посольства». После войны — видный дипломат ФРГ.

Браун заявил, что, хотя нынешнее немецкое правительство не заинтересовано в заключении мира, маршал Гудериан и маршал Рундштедт хотят этого и способны сделать это на Западном фронте».

Такова была информация, которую Вайцзеккер считал необходимым довести до западных союзников. Он действовал не только по «английскому каналу» — через полковника Родриго он адресовался прямо к Доновану. В дополнение Кессель изложил свой план — отправиться в Швейцарию, где может встретить «влиятельного друга», советника немецкого посольства барона фон Ноштица¹ для ведения переговоров с Гудерианом и Рундштедтом. Но цель Вайцзеккера была достигнута: 24 января 1945 года Донован доложил о новом плане объединенному комитету начальников штабов, причем он действовал быстрее, чем его английские коллеги, которые еще с октября 1944 года «пережевывали» сообщения, пришедшие из Рима.

Теперь отвлечемся от документов американской разведки и рассмотрим реальное положение на фронтах в конце 1944 года. После паузы, которая задержала (как мы теперь знаем — в ожидании исхода заговора) союзные войска в Северо-Западной Франции, союзные армии продолжили свое наступление. Одновременно завершилось грандиозное наступление советских войск в Белоруссии и на других фронтах. Последовательно и закономерно осуществляла Ставка Верховного Главнокомандования задуманные удары. Вслед за завершением операции «Багратион» началась Львовско-Сандомирская операция на Западной Украине. Здесь, в районе Броды, были окружены восемь вражеских дивизий. К концу августа немецкая группа армий «Северная Украина» понесла крупное поражение, а советские войска освободили юго-восточные районы Польши и вышли в предгорья Карпат, к границе с Чехословакией.

Немецкое командование тщетно пыталось латать дыры. Когда же оно перебросило на помощь своим войскам в Белоруссии и Западной Украине 8 дивизий из группы «Южная Украина» генерал-полковника Фриснера, то и по этой группе был нанесен сокрушительный удар. 20 августа здесь началась Ясско-Кишиневская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов для освобождения Молдавии и

¹ Из справки УСС: «Представитель абвера».

выхода в Румынию. Операция завершилась полным успехом.

Не ослабевали советские удары и на северном участке фронта. Здесь одна за другой была осуществлена серия операций 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, а также Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Советские войска очистили от захватчиков Эстонию и Литву, почти всю Латвию и вступили в Восточную Пруссию. Наконец, осенью 1944 года была разгромлена группа немецких войск в Заполярье, и началось освобождение Северной Норвегии. На всем огромном протяжении государственной границы — от Крайнего Севера до Черного моря — захватчик был изгнан с советской земли. У него оставался лишь небольшой плацдарм на земле Советской Латвии.

Свет свободы всходил над странами Восточной и Юго-Восточной Европы, где уже давно шла героическая антифашистская борьба народов против оккупантов. В июле 1944 года в польском городе Хелме прозвучал исторический манифест Польского Комитета Национального Освобождения. Близился день свободы и для других стран. Морис Торез говорил, обращаясь по радио к своим соотечественникам, ко всем народам Европы: «Что было бы с нами сейчас без Советского Союза, без усилий и жертв этого замечательного народа и его героической Красной Армии!» «Победы Красной Армии, — отмечал в 1944 году Пальмиро Тольятти, — это и наши победы; это победы всего прогрессивного человечества, всех людей, которые хотят, чтобы гитлеризм и фашизм были быстрее раздавлены».

Удары советских войск привели к развалу гитлеровской коалиции. Еще в августе Финляндия обратилась к Советскому Союзу с просьбой о мире и вышла из войны. Победоносное наступление советских войск в ходе Яско-Кишиневской операции создало условия для вооруженного восстания патриотических сил Румынии под руководством коммунистов. 23 августа 1944 года был сметен военно-фашистский режим в Румынии. 24 августа Румыния объявила войну Германии. В сентябре войну Германии объявила Болгария, в которой победило народное восстание. Советские люди с радостью читали военные сводки как с советско-германского фронта, так и с Запада. Илья Эренбург писал осенью 1944 года: «Велика радость жнеца; а мы были пахарями Победы. Вот почему

Красную Армию приветствуют как освободительницу и Парижский совет Сопротивления, и король Норвегии, и рыбаки Греции, и епископы Англии. Пусть для многих еще недавно мы были падчерицей Европы, пусть одни глядели на нас свысока, другие искоса, третьи исподлобья; теперь полны признательности просветленные взгляды; и на всех языках мы читаем те же многозначительные слова: «Советская Россия спасла Европу и мир».

За это время сотрудничество в рамках коалиции поднялось на новый уровень, поскольку речь шла о совместных действиях. Так, перед началом высадки со стороны руководства США и Англии высказывалось пожелание, чтобы советское наступление оттянуло немецкие силы на восток и по меньшей мере не дало ОКВ возможности перебросить войска с востока на запад. Операция «Багратион» и действия на других участках советско-германского фронта выполнили эту цель: фельдмаршалы Роммель, Клюге и Рундштедт не получили ни одной дивизии в подкрепление группы армий «Запад». Затруднены были и переброски их дивизий с запада на восток, хотя они и производились. Масштабы советского наступления превосходили даже то, что обещала советская делегация в Тегеране,—и это в то время, как на западе действия войск Эйзенхауэра вызвали некоторое разочарование общественности (как иронически писала лондонская «Таймс», «возможно, что вокруг начавшегося наступления было поднято слишком много шумихи»). Медленно продвигались и англо-американские войска в Италии, а намеченная еще на май высадка в Южной Франции была отложена и началась лишь в августе. В итоге союзные войска, к сожалению, не достигли намеченных целей (выйти в Рур и Саар) и остановились на 800-километровом рубеже реки Маас — «линия Зигфрида» — река Рейн, то есть примерно у западной границы Германии. Продолжить наступление они смогли только в феврале—марте 1945 года.

Что это означало для американской стратегической разведки, и в первую очередь для ее политических намерений? Фактически один провал за другим. Как мы знаем, прогнозы меморандума 121 не оправдались. Затем — летом 1944 года — сорвалась ставка на заговор, и операцию «Рэнкин» пришлось позабыть. Теперь же — осенью 1944 года — появилась новая комбинация. На этот раз союзное командование прельщали сногшибательной

перспективой безболезненного открытия Западного фронта. Вероятно, Эйзенхауэра и Монтомгери могла привлечь перспектива двинуться в Германию, к Берлину без всяких трудностей...

Как и прежде, это был замысел «с двойным дном». Как и прежде (в эпоху разработки плана «Рэнкин»), Donovan и его политические единомышленники под предлогом «возможных изменений» в Германии спускали на тормозах принцип безоговорочной капитуляции и предумышленно подрывали сотрудничество с Советским Союзом. Как и прежде, ими двигали те же опасные планы, весьма далекие от целей совместного разгрома гитлеровского режима. Ибо речь снова и снова шла о том, чтобы сепаратно сговориться с совершенно определенными — и отнюдь не антифашистскими! — немецкими кругами и «опередить» Советский Союз, «не пустив» его в Германию. А метод был на этот раз избран сугубо специфический: подменить полную и безоговорочную капитуляцию «частичными капитуляциями» перед западными войсками, но не перед войсками советскими.

Обратимся к конкретным данным об этой новой форме подрыва антигитлеровской коалиции.

Мы помним, что Альбрехт фон Кессель обещал вступить в переговоры с «маршалами» Гудерианом и Рундштедтом, которые якобы готовы открыть фронт (на каких условиях — об этом достаточно выразительно объяснил Вайцзеккер в своих меморандумах). Но не прошло и нескольких недель, как в игре появился новый участник: еще один, на этот раз подлинный — фельдмаршал Кессельринг (командующий группой войск «Ц» в Италии). Исполняющий обязанности директора УСС Дж. Эдвард Бакстон 13 и 28 декабря информировал объединенный комитет начальников штабов:

«Александр Константин фон Нейрат, германский консул в Лугано, который находится в контакте с маршалом Кессельрингом; генерал-лейтенант Харстер, начальник охранной полиции и службы безопасности в Италии, обергруппенфюрер и генерал войск СС Карл Вольф сообщили для сведения представителя УСС:

1) Кессельринг является одним из немногих оставшихся германских генералов, которые сохранили самостоятельное мнение и интерес к политике. Однако он хотел бы остаться в тени и собирается действовать через генерала Шпейдле (возможно, речь идет о генерал-

лейтенанте д-ре Гансе Шпейделе¹, бывшем ранее начальником штаба у Штюльпнагеля в Париже; пленные немецкие офицеры описывают его как антигитлеровца), который ранее был в Париже и некоторое время в штабе Кессельринга. Но Шпейдель недавно арестован гестапо. Кессельринг сам выздоровел и уехал в Германию на три недели.

2) Предстоит возобновление переговоров с англичанами и с британским генконсулом в Цюрихе Эриком Кэйблом, однако появились некоторые новые посредники. Как сообщил Нейрат, англичане настаивают на присутствии представителя вермахта.

3) Нейрат считает, что, учитывая положение Харстера и Вольфа, невозможно будет договориться с Кессельрингом только по линии ОКВ. Однако некоторые гестаповцы в Северной Италии захотят сотрудничать с Кессельрингом, чтобы спасти свою шкуру, если использовать немецкие войска в Северной Италии как сепаратную группу для ликвидации нацистов. . .

Представитель УСС оценил этот проект как фантастический, однако ему кажется, что англичане знают об этом больше, чем они ему сообщили».

Ба, знакомые все лица! Тот самый Эрик Кэйбл, который занимался связями с немцами в 1942 году. Есть и новая фигура: Александр фон Нейрат. Листаем американскую справку: «Сын бывшего немецкого министра иностранных дел и имперского протектора Богемии и Моравии. Его отец, очевидно, сохранил председательство в тайном имперском кабинете. Молодой Нейрат занимает незначительный пост консула в Лугано с июля 1943 года. Во время немецкого вторжения в Голландию в 1940 году был первым секретарем германского посольства в Брюсселе. По имеющимся данным, занимался военной разведкой и вербовкой агентов. Покинул Брюссель 10 мая 1940 года и после службы генконсулом в Милане был офицером связи между Роммелем и итальянской ставкой в Северной Африке. Его жена — из семьи Макензенов, близкой к Гитлеру. Он участвовал в ряде попыток СД установить контакт с союзниками. Видимо, является активным агентом нацистской партии».

Но не успел м-р Бакстон доложить о Нейрате, как пришло новое донесение:

¹ Будущий генерал бундесвера и НАТО.

«Через линию фронта в Рим прибыл монах-бенедиктинец дон Джузеппе Бьонди. Его послал майор Бегус из службы безопасности (СД) в Вероне (штурмбаннфюрер, руководитель VI отдела РСХА в Италии, политический советник немецкого командования в Италии)... Бегус уполномочил Бьонди вступить в контакт с папой через генерал-аббата бенедиктинского ордена отца дона Эммануэле Каронти... Бегус просил передать папе следующее послание:

«На шестом году войны Германия осталась одинокой в борьбе против большевистской России. В интересах спасения человечества Германия просит его святейшество обратиться за помощью к англо-американцам и гарантирует абсолютную тайну переговоров с Ватиканом».

Бегус считал, что Бьонди должен услышать от папы «да» или «нет». Если придет положительный ответ, то немцы собираются приступить к переговорам через нормальные дипломатические каналы. Тем не менее Бегус специально рекомендовал не встречаться с немецкими дипломатами в Ватикане, а вернуться через Швейцарию и вступить в связь с Александром фон Нейратом, германским консулом в Лугано... Представитель УСС в Риме получил сделанные от руки записи Бьонди, обобщающие смысл послания к папе и перечисляющие детали поручения, выполненного Бьонди в Риме по просьбе Бегуса».

Таким образом, для английских и американских разведчиков было ясно, с кем они имеют дело. Более того, в очередном документе Бакстона от 24 января 1945 года прямо связываются зондажи Нейрата, Бьонди и Кесселя, и делается такой вывод: «Все эти зондажи представляются взаимозависимыми и исходящими из одного источника: от возглавляемого Гиммлером руководства СД в Германии. Возможно, что такие лица, как Вайцзеккер, фон Кессель, действуют не как нацисты или агенты нацистского режима, а как германские националисты, однако нацисты рассматривают их действия, как служащие нацистским целям».

Казалось, все ясно: операция проводится агентурой Гиммлера и служит нацистским целям! Но...

Именно с этого момента и начинается злополучная авантюра Донована «Кроссворд» — «Санрайз», в марте — апреле 1945 года значительно обострившая отношения внутри антигитлеровской коалиции и омрачившая последние дни жизни президента Рузвельта, которо-

го Донован изрядно подвел. Однако что было американским реакционерам до президента, коли они видели возможность достичь своих политических целей?

«Санрайз» против Ялты

...Карл Вольф посмотрел на меня так, как будто готовился сообщить государственную тайну:

— Знаете ли вы, что вам представилась редкая возможность?..

— Конечно, знаю: не каждому удастся поговорить с человеком, с которым Аллен Даллес вел секретные переговоры.

— Да нет, какой там Даллес! Перед вами лицо, следовавшее в иерархии СС сразу после рейхсфюрера, сиречь Генриха Гиммлера.

— Вы ведь обергруппенфюрер?

— Нет, не обер-, а оберстгруппенфюрер, что равно генерал-полковнику войск СС. И я получил это звание не когда-либо, а 20 апреля 1945 года, хотя узнал об этом при весьма забавных обстоятельствах.

— Каких именно? — спросил я человека, имя которого можно встретить на страницах любого исторического исследования, посвященного концу второй мировой войны. Только причастность бывшего обер-... нет, оберстгруппенфюрера к важным военно-политическим событиям заставила меня выслушать полуанекдотическую историю из времен гибели рейха. Впрочем, в ней просматривается и некий политический смысл. Итак, Вольф рассказал:

— Последний раз я видел Гитлера в ночь с 17 на 18 апреля в имперской канцелярии, когда докладывал ему о результатах моих встреч с Даллесом. А через день меня произвели в высший чин. Но я об этом узнал лишь позже, а именно в американской следственной тюрьме...

— Почему не раньше?

— 19 апреля я улетел в Северную Италию, и в суматохе наступающего краха мне ничего не сообщили. Однако когда меня допрашивал американский следователь как свидетеля по процессу фельдмаршала Мильха, он зачитал официальный список высших чинов СС, где я стоял на первом месте как оберстгруппенфюрер. Я запомнил это, и когда очутился на свободе и занялся своей пенсией, то решил напомнить о своем звании.

— Ну что же получилось?

— В 1947 году я решил разыскать соответствующий документ и отправился в федеральный архив. Его директор даже поздравил меня, но, к сожалению, документа не дал. Оказывается, он находится в принадлежащем США западноберлинском документальном центре. Стали искать — и в моем личном деле нашли лишь записочку о том, что грамота о присвоении звания изъята из досье и отправлена в Вашингтон. Я так ее и не получил — по весьма понятным причинам.

— Каким именно?

— Видите ли, я вел переговоры с Даллесом. Официальная американская версия, в том числе и версия самого Даллеса, состояла в том, что я вел эти переговоры без ведома и без одобрения Гиммлера и Гитлера. Но посудите сами: 17 апреля я у Гиммлера, 18-го — у Гитлера. Докладываю о переговорах. А 20-го получаю высшее эсэсовское звание. Из факта такого производства логически вытекало, что я вел переговоры не по личной инициативе, а с ведома Гитлера и получил за это повышение. Конечно, американцы поспешили спрятать документ, а я не получил пенсии по моему последнему званию...

Оставим на время Карла Вольфа с его разочарованием и займемся куда более важным вопросом — дипломатической миссией, сведшей воедино на последнем этапе войны высшего чина СС, Аллена Даллеса и других представителей США и Англии. Это была так называемая операция «Санрайз» (англичане называли ее «Кроссворд») — секретные переговоры представителей США и Англии с высшими чинами нацистских войск в Северной Италии.

Об этой операции высказывались разные мнения и суждения, однако самое парадоксальное принадлежит американскому историку Брэдли Смиуту. Оно выглядит примерно так: эта операция вовсе не заслуживает того места, которое уделено ей в истории заключительного периода второй мировой войны. И совсем не потому, что на нее обращает особое внимание советская сторона как на свидетельство нарушения США союзнических обязательств. Нет, просто потому, что не кто иной, как Даллес и его начальник Донован, искусственно раздули значение этой операции. Сначала оба нуждались в таком «эффектном достижении» УСС после провала в Арденнах и дру-

гих неудач, а после войны Даллес уже по инерции приукрасил события в своих мемуарах.

Разве не соблазнительно принять такую точку зрения — ведь она не делает чести инициаторам секретных переговоров, состоявшихся в Швейцарии? Но ради этой тактической выгоды — получить солидного союзника из числа американских исследователей — не стоит жертвовать соображениями принципиального характера. Они же заставляют видеть в операции «Санрайз» нечто большее, чем средство удовлетворения амбиций руководителей американской стратегической разведки. Будь лишь последнее движущей силой столь серьезной политической акции США и Англии на финальном этапе войны, перед самой Победой, в кульминационный момент боевого сотрудничества трех великих держав, — то и тогда никак нельзя было бы понять как упорство в ее проведении, так и «чрезвычайные» меры по ее маскировке и оправданию.

Маскировка, действительно, была исключительно искусной. Не говорю уже о знаменитой западной ноте от 12 марта 1945 года, где Советский Союз ставили «в известность» о действиях УСС с таким опозданием и таким извращением сути переговоров, с которыми может соперничать лишь аналогичная нота на пороге заговора 20 июля 1944 года (о ней мы говорили выше). Но американские власти скрывали свои действия не только от нас: о них долго ничего не сообщали англичанам, которые питались лишь косвенными сведениями. Более того, тот же Брэдли Смит, проанализировав архивы УСС и Белого дома, установил поразительный факт: оказывается, текст посланий Рузвельта И. В. Сталину по этому поводу принадлежал не смертельно больному президенту, а начальнику его личного штаба адмиралу Леги (кстати, известному своими антисоветскими настроениями).

Я добавил бы еще: во время моих бесед с Вольфом, которые происходили в 1982 году в западногерманском городе Дармштадте, Вольф категорически утверждал, что инициатива принадлежала американской стороне. Об этом он говорил и другим, об этом даже писал (хотя ему было бы выгоднее представить себя «инициатором»).

— Судите сами, — говорил Вольф, — какой мне был смысл рисковать, встречаясь с Даллесом, если я не имел бы гарантий успеха? Мы прекрасно знали о всех контактах, которые шли через Ватикан, знали и о том, что «напрашиваться» в таких случаях крайне невыгодно...

При этом Даллеса «не пугало», что нити германских контактов идут не от кого иного, как от СС. Однако Даллес, получив через итальянского посредника барона Парилли сведения о возможности переговоров и данные о том, что участником их будет бывший начальник личного штаба Гиммлера Карл Вольф, не только не отменил их, но поспешил оттеснить от них англичан.

Слушая Вольфа, я вспомнил и другое: о том, что в 1943 году инициатива встречи с Гогенлоэ и Шпитци также принадлежала Даллесу. Кстати, именно тогда у него родилась идея искать связи именно с СС, как «единственной реальной силой» в разваливавшемся рейхе.

Не менее примечательна и настойчивость американской стороны в продолжении переговоров. Уже после первой встречи своих помощников Шульце-Геверница (в Люцерне) и Блюма (в Лугано) с эмиссарами Вольфа Даллес послал в союзный штаб в Казерту и в Вашингтон весьма позитивные донесения. При этом уже во время бесед в Лугано американской стороне стало ясно, о чем идет речь,—именно о том, что Вольф и иже с ним были бы рады окончить войну в Италии, если западные союзники согласятся на создание совместного фронта против Советского Союза в Европе.

7 марта 1945 года Даллес встретился с Вольфом в Цюрихе. После этого он послал в штаб англо-американских войск в Казерте и в Вашингтон ряд донесений, в которых весьма позитивно оценил свою встречу и рекомендовал продолжить переговоры. Так, в докладе от 10 марта прямо указывалось, что «этот план (то есть соглашение с Вольфом.—Л. Б.) в том случае, если успешно завершатся переговоры Вольфа с Кессельрингом, представляет уникальный шанс приблизить окончание войны, захватить Северную Италию и, возможно, при благоприятных условиях прорваться в Австрию». Уже из этих строк можно видеть, какие перспективы рисовались в воображении Даллеса. Ему было при этом безразлично, в какую опасную совместную игру с СС он вовлекает свое высшее начальство.

Более того, Даллес пошел на прямой подлог. В своем первом докладе от 8 марта он заведомо ложно сообщил, что в числе сопровождающих Вольфа лиц находится представитель верховного главнокомандования (ОКВ). Это были не такие уж безобидные слова. Дело в том, что в Казерте и в Вашингтоне не были в большом восторге от

переговоров с СС и всячески искали намеков на то, что речь пойдет о военной капитуляции, что входило в компетенцию ОКВ. В своей очередной телеграмме — от 9 марта — Даллес перечислил участников делегации, однако не опроверг своего предыдущего сообщения. Затем в игру вступил Донован, который «отредактировал» телеграммы Даллеса. Если тот докладывал, что Вольф, «возможно, готов к заключительным переговорам», то Донован поправил: «Они, возможно, готовы дать точное обещание по поводу прекращения немецкого сопротивления в Северной Италии» (как раз этого Вольф не обещал!). С такими «коррективами» он доложил обо всем Рузвельту, государственному секретарю Стеттиниусу и главнокомандующему англо-американскими войсками Эйзенхауэру.

Английский фельдмаршал Александер проявил осторожность: 10 марта он предлагал перепроверить, насколько надежны предложения Вольфа и стоит ли за ними Кессельринг? В Лондоне согласились с этим и даже выразили некоторое неудовольствие по поводу того, что с немецкой стороны фигурируют эмиссары СС. Британское высшее военное командование высказало мнение, что можно было бы согласиться на посылку военных представителей для переговоров, однако при условии, что будет проинформирован Советский Союз. Черчилль наложил резолюцию: «Согласен». На следующий день он подтвердил свое решение: не посылать представителей, пока «не будут проинформированы русские». Однако представители Александера (генералы Лемнитцер и Эйри) были уже в пути; переодевшись в рядовых, они прибыли в Берн к Даллесу и 19 марта встретились в Асконе с Вольфом. Как раз после этой встречи и начался острый конфликт.

Итак, упорство было необыкновенное. Его источники?

Первым из них можно назвать линию на осуществление так называемых «частичных капитуляций» соединений вермахта, в данном случае — в Северной Италии. Действительно, для врагов сотрудничества с Советским Союзом было очень важно, чтобы капитуляция соединений вермахта происходила бы по частям и вдобавок только через англо-американское командование, без участия советских представителей. Не говорю уже о том, что если бы «обнажились» целые участки фронта в Северной Италии и на западной границе Германии, то войска

Эйзенхауэра и Монтгомери получали возможность необычайно быстро продвинуться в центр рейха, в Австрию, в Триест. Примечательно, что мысль о «необходимости частичной капитуляции» пришла в голову и руководителям вермахта. Кейтель, Йодль, Дёниц, Фридебург — все они видели в этом последнюю возможность вбить клин между союзниками, а заодно сохранить живую силу вермахта в англо-американском плену. Именно поэтому немецким частям отдавался приказ — стараться сдаться не советским, а западным войскам.

Даллес и Донован обещали такого рода «частичную капитуляцию» то в Италии, то на западном фронте. Но если взглянуть на реальное положение дел, то они своими действиями и докладами вводили высшее руководство США и Англии в заблуждение. Последние рассчитывали на капитуляцию немцев в Северной Италии, но именно для этого оснований не было. Это выяснилось очень скоро. После многих недель даллесовской интриги к апрелю 1945 года капитуляцией и не пахло. Вольф не смог выполнить своих обещаний, Кессельринг вообще вышел из игры, его преемник генерал Фитингоф ставил вызывающие условия. Войска группы армий «Ц» оказывали значительное сопротивление, когда после долгих проволок 9 апреля фельдмаршал Александер все-таки решился начать наступление (на его отсрочку бесспорно повлияли швейцарские переговоры). Войска продвигались очень медленно. Зато отношения внутри антигитлеровской коалиции были значительно омрачены. Продолжался обмен резкими посланиями, в которых припертые к стенке Рузвельт и Черчилль были вынуждены оправдываться. Казалось, пришло время поставить крест на операции «Санрайз» и заняться главным: завершением разгрома фашизма. Все шло к тому, и даже Черчилль стал сомневаться в пользе закулисных интриг.

Не могу отказать себе в удовольствии зафиксировать некоторые «откровения» Карла Вольфа, которыми он поделился со мной во время продолжительной беседы. Несостоявшийся оберстгруппенфюрер прекрасно запомнил все обстоятельства своих переговоров с Даллесом и сопровождавших их событий.

...17 апреля 1945 года Вольф явился к недовольному им Гиммлеру, чтобы доложить о переговорах. Здесь на него с упреками и обвинениями в предательстве интересов рейха набросился начальник Главного управления

имперской безопасности СС Эрнст Кальтенбруннер. Самое забавное было в том, что все они — по секрету друг от друга — вели переговоры с Западом. Вольф — прямо с Даллесом, Кальтенбруннер — через своего эмиссара Хёттля с тем же Даллесом, сам Гиммлер — через шведского графа Бернадотта и уполномоченных Всемирного еврейского конгресса — с УСС и английскими представителями.

Вольф не без труда отделался от упреков обоих эссовских бонз, причем он произвел на Гиммлера особое впечатление таким аргументом:

— Я старался не столько для военных дел, а для дня «Икс», то есть для первого дня после войны. Ведь я заложил фундамент для союза с Западом, и мне было это легко сделать при моей прозападной и антивосточной репутации...

В этом же духе Вольф держал ответ перед Гитлером, убеждая его в необходимости своих контактов. Гитлер стал рисовать ему картину того, как во время боев в Берлине столкнутся советские и англо-американские войска, и тогда придет его, Гитлера, час.

— На чьей стороне вы хотите завершить войну, мой фюрер? — спросил Вольф.

Гитлер задумался и, подняв глаза к потолку (Вольф: «Так он делал, когда провозглашал эпохальные истины для будущих времен»), сказал:

— Я присоединюсь к тому, кто мне больше предложит.

И добавил:

— Или к тому, кто первый со мной свяжется.

Вольф даже перепугался: неужели речь может идти не о Западе? Гитлер успокоил его:

— Я еще должен подумать!

Заметим, было 18 апреля, до краха рейха оставалось 20 дней. Гитлер напомнил Вольфу о злополучном полете Гесса, которому не удалось сговориться с Западом, и он «с болью в сердце» должен был отказаться от своего любимого заместителя. А Вольфу — считал Гитлер — повезло больше. Вот где лежали корни производства его в высшее звание СС! В свою очередь Гейнц Фельфе, которому пришлось беседовать с Вольфом, когда они после войны находились в следственной тюрьме Штраубинг, вспоминал такие слова Вольфа:

— Я хотел сохранить жизнь немецким солдатам, так

как знал, что они вскоре пригодятся. И, как вы сегодня видите, оказался прав!

Фельфе с полным правом добавляет в своих мемуарах: «Ясно — против кого должны были пригодиться солдаты. Именно это объединяло Даллеса и Вольфа». И начальник Вольфа, кровавый рейхсфюрер СС, заботился о новом военном блоке.

Об этом — рассказ самого Вольфа:

— Под влиянием Шелленберга Гиммлер связался с шведским графом Бернадоттом и заявил ему, что, несмотря на все происшедшее на оккупированных территориях и на Востоке, он является в глазах англо-американцев вполне приемлемой фигурой как организатор наикрупнейшего антибольшевистского фронта...

Но все надежды рушились. Рушилась надежда немецких генералов обеспечить «частичные капитуляции» на северном участке западного фронта, где особые усилия к этому прилагал будущий подсудимый в Нюрнберге Артур Зейсс-Инкварт. Но вот что удивительно: активность действий в этом направлении с американской стороны не ослабевала.

Ключ ко всем достаточно многочисленным загадкам швейцарских переговоров («бернского инцидента», как его именовали в документах руководителей США и Англии) лежит, однако, не только и не столько в тех или иных интригах американских разведчиков. Смысл операции «Санрайз» — в ее политическом контексте, в политической и военной обстановке заключительного периода второй мировой войны. Того периода, символом которого является Крымская конференция «большой тройки», состоявшаяся 4 — 11 февраля 1945 года в Большом Ливадийском дворце. С полным правом ее именуют кульминационным пунктом сотрудничества трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Недаром слово «Ялта» до сих пор приводит в бешенство врагов идеи мирного сосуществования и конструктивного сотрудничества двух социальных систем.

Начало 1945 года застало нацистский рейх в предсмертных судорогах. Но и в этой ситуации победа не приходила сама собой. Как никогда раньше, необходимы были единство и решимость в нанесении окончательных ударов — ведь ничего иного так страстно не желал Гитлер, как столкновения союзников (как живописно поведал нам об этом Вольф). Однако объективное развитие

событий — от Тегерана до Ялты — шло в ином направлении. Несмотря на все трудности, несмотря на наличие серьезных разногласий, Ялта принесла важнейшие результаты:

— три державы добились единства в вопросах военной стратегии на финальном этапе войны, скоординировали свои действия;

— три державы решили в духе единодушия сложный комплекс вопросов, связанных с Германией после ее поражения, наметили основы согласованной политики во имя предотвращения новых войн;

— три державы проявили единство и согласие в вопросе о создании ООН.

Иными словами, в ялтинских решениях содержался как бы «экстракт» будущей политики мирного сосуществования и мира, которой искренне желали народы, измученные годами войны,— той политики, которая вела к Потсдаму, а позднее — к хельсинкскому Заключительному акту. Восемь дней Ялты в этом смысле стоили куда больше, чем долгие месяцы закулисных интриг и комбинаций. Президент Рузвельт говорил в конгрессе, что ялтинские решения положили конец «сферам интересов, балансам сил и всем прочим ухищрениям, к которым прибегали столетиями и которые всегда терпели крах». Будто прямо сказано в адрес антисоветских комбинаторов!

Вот против этого поистине исторического значения Ялты были направлены усилия инициаторов «Санрайза». Они всеми силами старались омрачить горизонты боевого и делового сотрудничества с Советским Союзом, которые открылись на конференции. И если серия закулисных переговоров началась еще в конце 1944 года, то сразу после Ялты они с явно провокационной целью были подняты на уровень государственной политики.

...Это было 24 февраля 1945 года, вскоре после окончания Ялтинской конференции трех великих держав. В этот день генерал-майор Уильям Донован внезапно покинул Вашингтон. Его биографы до сих пор гадают: что заставило руководителя американской стратегической разведки столь срочно покинуть столицу? Ведь он только-только вернулся с западного фронта, а сейчас не мешкая уезжал, сказав своей супруге, что летит на Гавайи...

Нет, Донован полетел не на Гавайские острова, а в

Западную Европу. Сюда привлекла его серия срочных донесений, пришедших в Вашингтон. В одном из них главнокомандующий англо-американскими экспедиционными войсками генерал Дуайт Эйзенхауэр сообщал, что он «получил через каналы УСС сообщение о возможном контакте с неким высшим германским офицером, предложившим ускорить победу союзников на Западе, чтобы внезапно закончить войну». Генерал оговаривался, что не считает себя вправе вести переговоры на «политическом уровне» и не собирается сохранять «канал для подобной связи». Но Донован был другого мнения.

Мы знаем, что еще раньше УСС располагало предложением Вайцзеккера и Кесселя с помощью Гудериана и Рундштедта открыть западный фронт перед войсками Эйзенхауэра. Тогда, перед Ялтой, Донован дал своим агентам указание временно — до окончания конференции трех великих держав — воздержаться от всяких контактов с Кесселем. Зато англичане не были столь щепетильны: они начали выяснять у Кесселя возможности сговора и даже завербовали его в качестве сотрудника английской разведки. Донован возмутился и приказал внимательно следить за... своими английскими коллегами, которые, по свидетельству одного историка, «вели переговоры без ведома представителей США и СССР» (!). Что же предлагал Кессель англичанам? Бюро УСС доносило в Вашингтон из Рима: «...его главный интерес состоит в том, чтобы сделать все возможное для Германии, пока не произошел полный крах Германии и Западной Европы».

Что же заставило активизироваться немецкого посла в Ватикане? Ответ дает тот же дневник, в котором он конспективно изложил указания, которые 17 февраля 1945 года получил от своего начальника, имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа. Они сводились к следующему: необходимо внушить Западу страх перед Советским Союзом. СССР якобы собирается «включить освобожденные страны в свой состав», «завоевать Европу», «сделать ее коммунистической», выйти к Суэцу и даже «уничтожить» саму Англию. Выход: США и Англия должны повернуть фронт. Дословно: «Британская корона, консервативная партия и правящие круги должны быть заинтересованы в том, чтобы с Адольфом Гитлером ничего не случилось».

Такому опытному дипломату, как Вайцзеккер, было ясно, что на такую удочку серьезные политики Запада

едва ли клюнут. Но что удивительно: барон немедленно запросил аудиенцию у папы и у его статс-секретаря Тардини. Последнему Вайцеккер откровенно заявил, что он сам невысокого мнения о маневре Берлина, но идея соглашения с Западом заслуживает внимания. После беседы посол записал, что «центральный пункт, а именно сотрудничество мировых держав для предотвращения всемирного большевистского потопа, был близок к построениям моего собеседника».

Вопрос посла был поставлен прямо:

— Заплатят ли США и Англия что-нибудь, если устранить Гитлера и вступить в переговоры?

Тардини уклонился от прямого ответа и спросил:

— Должен ли я понять вас в том смысле, что могу передать вышесказанное американскому послу Майрону Тэйлору?

Вайцеккер ответил утвердительно. Тогда Тардини успокоил его, сказав, что «западным союзникам вышеуказанные немецкие идеи вовсе не так чужды». Кардинал даже подсказал, что «с немецкой стороны было бы логично немедленное и ощутимое перенесение центра тяжести обороны и боев с запада на восток».

Миновало лишь несколько дней, и Вайцеккер 1 марта 1945 года был принят папой Пием XII. Ему он говорил все то же: «В Берлине продолжают считать, что единственным оставшимся бастионом против большевизации является национал-социалистская Германия, и полагают, что западные державы должны это понимать и сделать надлежащие выводы».

Посол осторожно намекнул на желательность посредничества Ватикана в этом деле. Пий XII отвечал: подобные мысли соответствуют его собственным, и он «часто — до и после Ялты — излагал их союзникам».

Однако папа был очень скептически настроен в оценках перспектив зондажей. Вайцеккер доложил в Берлин ответ своего святейшего собеседника: «Теперь, после Ялтинской конференции, англо-американцы не изменят своего решения сотрудничать с советскими русскими до конца, то есть до тотального разгрома Германии. Они считают, что немецкий крах близок. Предупреждений о продвижении большевизма они не слушают. Переубедить их нельзя, и папа хотел, чтобы я не сомневался в этом факте, глубоко его разочаровывающем». Зафиксируем: даже такой убежденный антикоммунист, каким был

Пий XII, в начале 1945 года понимал безнадежность провокационных попыток «повернуть» западных союзников против Советского Союза, по крайней мере, до окончания войны.

Но Донован был лишен даже того реализма, к которому вынужденно пришел папа. Он верил в силу своих комбинаций и уже предвкушал, что Гудериан и Рундштедт вот-вот откроют на западе фронт, а Кессельринг сделает то же самое в Италии. Сейчас можно только удивляться, как можно было тогда серьезно заниматься подобными спекуляциями. Кессель в ноябре 1944 года обещал, что Рундштедт откроет фронт. Вместо этого тот в декабре нанес по американским войскам столь осязаемый удар (знаменитое Арденнское наступление), что Эйзенхауэр смог спастись, лишь получив поддержку с советской стороны, которая раньше срока начала наступление на Висле. Трудности англо-американских войск в значительной мере объяснялись провалом разведки. Занимаясь своими политическими комбинациями, УСС «проспало» Арденны, военная разведка не заметила сосредоточения немецких войск. В штабах Эйзенхауэра и Монтгомери много рассуждали о «марше на Берлин», но не видели того, что творилось у них, как говорится, под носом. А Донован продолжал убаюкивать высшее политическое и военное командование сказками, будто немцы откроют фронт. На этот раз уже не Кессель, а Нейрат заявил Даллесу, что его личный друг, генерал Зигфрид Вестфаль (начальник штаба группы армий «Г» генерала Бласковица), «откровенно обсуждал возможность открыть западный фронт перед союзниками». Об этом УСС доложило объединенному комитету начальников штабов 26 февраля 1945 года.

Руководство УСС (как ни в чем не бывало, как будто бы не было Арденн!) продолжало расписывать перспективы того, что Вестфаль и Бласковиц поддерживают контакт с Кессельрингом и у них «совместная идея открыть западный и итальянский фронты союзникам». Сообщалось, что в качестве платы генералы вермахта просят «заверений, что их не включают в список военных преступников и им дадут возможность оказать помощь в урегулированной капитуляции, дабы избежать ненужных разрушений в Германии». Все это преподносилось как непосредственная увертюра к якобы предстоящей «частичной» капитуляции.

Можно спорить: был ли Донован так охвачен своим антикоммунистическим синдромом и желанием любой ценой привести американские войска в Берлин, был ли он введен в заблуждение такими своими помощниками, как Даллес, хотел ли он насолить своим английским конкурентам? Но все это, собственно говоря, дело второстепенное. Главное в том, что он продолжал — изложенную еще в меморандуме 121! — ставку не на совместные действия, а на конфронтацию с Советским Союзом.

Увы, по сравнению с летом 1943 года позиции сторонников конфронтации с Советским Союзом в Вашингтоне укрепились. Если тогда Рузвельт, опираясь на подавляющее большинство в общественных кругах и на влиятельные политические и экономические круги, смог добиться сохранения своего курса, то в начале 1945 года ситуация изменилась. И не только из-за резкого ухудшения здоровья президента. К этому времени — то есть ко времени, когда практически стоял вопрос о разработке основ прочного послевоенного мира, — антикоммунистические, антисоветские, «имперские» тенденции в курсе США стали проявляться все больше. Слова Генри Льюса об «американском веке» рассматривались многими как программа действий. А когда после испытания атомной бомбы показалось, что в руках военщины отныне «абсолютное оружие», то давнее стремление стать «хозяином века» возросло до неимоверности. Ведь мечтал же в 1941 году Герберт Гувер, что США «к моменту заключения мира могли бы, обладая нетронутой экономической мощью, положить на стол переговоров свой меч». Теперь этот меч должен был стать атомным!

Конечно, еще действовали и влияли на курс Вашингтона политики, которые видели жизненную необходимость сотрудничества с Советским Союзом. Но они понимали, сколь трудно идти к этой цели. Вот, к примеру, Джозеф Дэвис — человек, который еще в июне 1941 года настоятельно советовал Рузвельту вести борьбу на стороне СССР. Через два года он писал советнику президента Сэмюэлю Розенману, что идет активное противодействие линии Рузвельта и что рузвельтовский курс окажется под угрозой в случае преждевременной смерти президента. В марте 1944 года Дэвис записал в дневнике: «Я с превеликим сожалением вижу, что многие люди моего круга отказываются понять элементарную истину, а именно: без мирного сосуществования Запада и России будущее

их детей будет находиться под угрозой так же, как и их собственное будущее».

На Рузвельта «давили». Генерал Маршалл осенью 1944 года даже прочитал ему «лекцию» о необходимости сохранения американского превосходства в послевоенном мире. Генерал считал необходимым приостановить советское наступление у советских «границ 1941 года» и не допускать советские войска в Германию. Давление, увы, не оставалось без результатов. В частности, в государственном департаменте все более сильные позиции стали занимать завзятые антикоммунисты и недруги Советской страны — Дж. Грю, Дж. Бирнс и другие. На пути от Тегерана к Ялте — последней встрече союзников во время войны — все время нарастали препятствия. Тем более высоко надо оценить Ялту как подтверждение того курса, который привел антигитлеровскую коалицию к победе.

Операция «Санрайз» выглядела бы лишь случайным эпизодом, если бы мы не видели куда более глубоких корней острой политической борьбы, которая шла в начале 1945 года в вашингтонских «коридорах власти». Именно в это время там рассуждали о судьбах послевоенных отношений в мире, и в первую очередь с Советским Союзом. Если перелистать ныне рассекреченные документы высшего военного руководства США, то мы увидим, что в них открыто — гораздо более открыто, чем во время войны! — эти вопросы ставились и обсуждались.

Вот один из таких документов. Он составлен объединенным комитетом начальников штабов 5 апреля 1945 года (номер 1301/2) и отражает курс, который вел к победе¹. Его главный тезис гласит: «Поддержание единства союзников при завершении войны должно оставаться кардинальной и главенствующей целью наших военно-политических отношений с Россией».

Исходя из этого, документ считал второстепенными те «недоразумения», которые возникли с СССР в последнее время и были связаны, как признают авторы, с пребыванием «групп союзнического персонала» на территории, где сейчас находятся советские войска. Памятуя о деятельности подобных шпионских групп (например, миссии Визнера в Румынии), мы знаем, что Советский Союз не имел оснований восторгаться их незаконными акциями.

¹ Из архива объединенного комитета начальников штабов США.

Далее в документе отмечается и «бернский инцидент» (то есть переговоры с Вольфом), который вызвал «весьма серьезные недоразумения в политической сфере». «Вполне возможно,— признается в документе,— что переговоры в Берне были спровоцированы и использованы немцами, чтобы усилить эти недоразумения». Золотые слова! Понимание опасного смысла операции «Санрайз» было тогда настолько ясным, что военные руководители предлагали от имени президента направить И. В. Сталину послание следующего содержания: «Я настолько глубоко расстроен возникшим весьма неудачным и серьезным недоразумением, что хотел бы в дополнение к моему посланию от 4 апреля добавить такое предложение: направить на Западный фронт группу советских официальных лиц, пользующихся Вашим доверием, которым будут созданы все возможности наблюдать военные операции и самим убедиться в доброй воле английского и американского правительств».

Но это послание не было отправлено. Верх брала другая позиция, наиболее цинично изложенная тем самым генералом Дином, которому Донован в 1943 году направлял свой «основополагающий» меморандум 121. Сейчас же Дин возглавлял американскую миссию в Москве. Вот его откровенные рассуждения:

«...В течение длительного периода, последовавшего за вторжением германских армий в Россию, Соединенные Штаты вместе с британцами должны были делать все, чтобы предотвратить угрозу советского краха. Долгое время в наши национальные интересы входило снабжать Россию материальными средствами и морально ее поддерживать — сначала, чтобы спасти ее от поражения, а затем, чтобы способствовать нанесению ею ударов по врагу. Эта политика увенчалась успехом». И дальше: «Не может быть никакого сомнения, что на начальных стадиях войны мы были зависимы от России»¹.

Итак, Дин косвенно признает, что спасение США и Англии зависело от Красной Армии. Оставим на его совести рассуждения о том, что США и Англия «делали все», чтобы спасти Советскую страну. Мы знаем, как дела обстояли в действительности. Но вот война пришла к концу, и Дин требует: «Сейчас возникает новая, серьезная ситуация. Перед нами Россия, которая не только одержжа-

¹ Из архива объединенного комитета начальников штабов США.

ла победу над немцами, но и уверена в своих силах, дающих ей превосходство над союзниками».

Опять передержка, но чего ожидать от генерала? Зато тем решительнее он требовал: «На этой стадии войны военное сотрудничество с Советским Союзом не является жизненно важным для Соединенных Штатов. Конечно, весьма необходимо своевременное и эффективное участие России в войне на Дальнем Востоке. Однако я уверен, что советское участие куда важнее для них самих».

Затем Дин предлагает обратное тому, что говорилось в меморандуме 1301/2. Не улаживать конфликты, а раздувать их. Отказаться от всех совместных операций и проектов. Ждать, пока Советский Союз попросит «сотрудничества». Потребовать авиабазы в районе Будапешта. Отказаться от авиационной поддержки действий советских войск, от американской авиабазы в Полтаве. И так далее и тому подобное...

Сопоставим два документа — увидим две линии. Вот почему такое серьезное, можно сказать, принципиальное значение имела операция «Санрайз», ибо она толкала именно в ту сторону, куда гнул Дин и его единомышленники в Вашингтоне. Не забудем: операция была проведена в весьма ответственный момент, когда определялся послевоенный курс. Еще 6 января 1945 года — как раз в период первых даллесовских контактов — объединенный разведывательный штаб (ОРШ) (орган объединенного комитета начальников штабов) подготовил очередной меморандум под названием «Возможности и намерения СССР в послевоенный период». Он исходил из того, что промышленный потенциал СССР после войны будет на 15 процентов ниже довоенного, а цели третьей (последней перед войной) пятилетки будут достигнуты где-то в 1950—1951 годах. Далее хитрые разведчики полагали, что СССР будет просить больших американских кредитов и лишь это позволит советской промышленности в 1952 году достичь уровня 1940 года¹. Из этого делался вывод (справедливый!), что Советское государство будет придавать «высший приоритет» экономическому восстановлению страны и будет разоружаться «насколько это возможно». Прямо говорилось, что у СССР не будет «экономических поводов» для проведения экспансионист-

¹ Очередная недооценка! В основном те цифры, которые «наметили» американские разведчики для нашей промышленности на 1952 год, были достигнуты уже в 1950 году. Обошлись мы и без кредитов.

ской политики и он будет избегать международных конфликтов, ограничившись лишь обеспечением «пояса безопасности» вокруг своих границ. Абсолютно исключалось создание большого советского военно-морского флота...

Эта сравнительно реалистическая оценка была положена в основу очередной директивы ОРШ от 31 января 1945 года (250/1). Она же лежала и в основе документа 1301/2, о котором мы говорили выше. Можно понять, какое недовольство эти оценки вызывали в ведомстве Донована, тем более что УСС, являясь органом ОКНШ, в принципе должно было следовать указаниям комитета. С этим враги Рузвельта примириться не могли, зная вдобавок, что здоровье президента ухудшается. Кстати, я не исключаю, что на душевное состояние Рузвельта роковым образом повлиял «бернский инцидент» и возникшая острая переписка с И. В. Сталиным. Ведь Донован намеренно дезинформировал Рузвельта, заставляя его подписывать не соответствующие фактам документы. Все это не могло не расстраивать смертельно больного человека. Ведь далеко не случайно он в своем последнем послании Черчиллю от 11 апреля 1945 года писал, что стремится «по мере возможности свести к минимуму советские проблемы» и что эти проблемы «так или иначе урегулируются»...

13 апреля Франклин Рузвельт скончался. Вскоре идеи Дина стали официальной политикой президента Гарри Трумэна. А в ноябре 1945 года тот же американский объединенный комитет начальников штабов, который планировал второй фронт против Гитлера, составил план открытия нового фронта — фронта против Советского Союза. Это была зловещая директива за номером 329 об атомной бомбежке 20 советских городов.

Но это уже послевоенный период — предмет особого рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истины раскрываются по-разному. Можно подкреплять их прямыми доказательствами, а можно идти от обратного. Логика вполне допускает «доказательство от противного». И если требуются подобные доказательства для обоснования необходимости мирного сосуществования двух систем, необходимости и пользы нормального сотрудничества США и СССР, то этими доказательствами и являются события, о которых шел рассказ.

Мы не идеализируем отношения внутри антигитлеровской коалиции, не замалчиваем печальные страницы задержки второго фронта и еще более печальные страницы коварных действий врагов коалиции. Но если мы об этом говорим, то только для того, чтобы подчеркнуть значимость конечного итога — краха интриг, победы общей идеи, значение Великой Победы народов в 1945 году.

У общего стремления народов к миру, в том числе и у народов СССР и США, есть прошлое, есть традиции, а следовательно, есть исторический опыт сотрудничества, способный сегодня стать базой совместной работы во имя мирного будущего. Об этом выразительно напомнило обращение «К народам, парламентам и правительствам всех стран», с которым по случаю 40-летия окончания второй мировой войны обратились ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР. «Перед лицом смертельной фашистской угрозы в годы второй мировой войны,—говорится в нем,—государства с различным социально-политичес-

ким строем сумели объединиться против общего врага, доказали возможность эффективного политического и военного сотрудничества во имя единой общечеловеческой цели — свободы и мира. И сегодня сплоченность народов способна стать мощной преградой на пути тех, кто толкает мир к ядерной катастрофе. Ныне силы мира и прогресса несравненно могущественнее, чем силы реакции и агрессии»¹.

Исторический опыт — великое богатство. Чем чаще о нем вспоминать, тем лучше. Провал антикоммунистических комбинаций и закулисных сделок — такой же факт истории, как и победа над гитлеризмом. С тем большим возмущением мы говорим о возрождении этих комбинаций в послевоенном мире. Но как бы ни были хитры прежние комбинаторы и дважды хитры комбинаторы нынешние — перед судом истории они стоят голы и босы.

Об этом нельзя забывать.

¹ Коммунист, 1985, № 8, с. 20.

Оглавление

Введение	3
Глава первая. ИСТОКИ	13
Миссия капитана Трумэна Смита	14
Где искать «пятую колонну»?	21
Братство бизнеса	28
Глава вторая. НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ	43
Начало действий на тайном фронте	44
Возвращение Трумэна Смита	50
В году тридцать девятом...	59
Глава третья. ЕВРОПА ВОЮЕТ, А США...	63
Продолжение действий на тайном фронте	64
В году сороковом...	74
Меморандум Альберта Плесмана	79
Глава четвертая. ИСТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС	85
«Не только наша война»	86
Из дипломатической хроники второго фронта (1)	89
Позиция Вашингтона	97
Странная история «Рейнбоу-5»	105
Глава пятая. США ВСТУПАЮТ В ВОЙНУ	113
Из дипломатической хроники второго фронта (2)	114
«Братство» за работой	119
УСС в действии	126

Глава шестая. ЭТО БЫЛО В СОРОК ТРЕТЬЕМ...	139
Тема с вариациями	140
Папка д-ра Шюддекопфа	151
Стамбульский узел	159
Глава седьмая. ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ	173
Меморандум 121	174
Из дипломатической хроники второго фронта (3)	184
Тегеран и его враги	191
Глава восьмая. ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ	195
Еще один «балканский вариант»	196
Что такое план «Рэнкин»	207
«Правда, но не вся правда»	212
Смысл заговора	220
Глава девятая. ДВА «ВТОРЫХ ФРОНТА»?	233
После «Оверлорда»	234
Новый заход?	243
«Санрайз» против Ялты	257
Заключение	274

Лев Александрович Безыменский
ТАЙНЫЙ ФРОНТ ПРОТИВ ВТОРОГО ФРОНТА

Редактор С. Красильщик
Художественный редактор Е. Ковалева
Технический редактор И. Лагутина
Корректоры Е. Карасева, Н. Сапронова
Технолог В. Егорова

ИБ 9663

Сдано в набор 20.11.86 г. Подписано в печать 20.03.87 г. Т 04337
Формат издания 84 × 108/32. Бумага типографская № 1, 70^г/м².

Гарнитура таймс. Офсет. печать.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,97. Тираж 200 000 экз.
(1-й завод 1—100 000 экз.).

Заказ № 2821. Изд. № 7486. Цена 70 к.

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

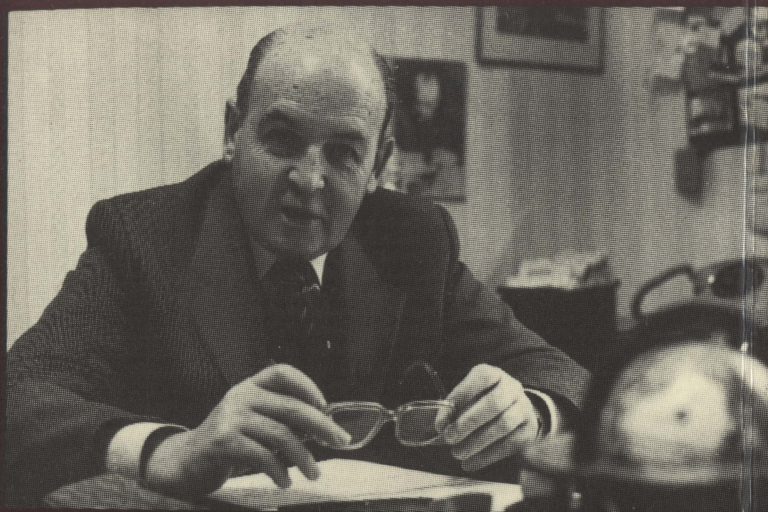
Безыменский Л.

**Тайный фронт против второго фронта.—М.: АПН,
1987.—с., ил.**

В книге известного публициста Л. А. Безыменского рассматривается острая борьба двух линий американской политики в период второй мировой войны: линии поддержки антигитлеровской коалиции и линии на антикоммунистический сговор, на истощение СССР. Пока Запад оттягивал открытие второго фронта, существовал тайный фронт — а именно фронт закулисных переговоров между представителями США и гитлеровской Германии, фактически направленный против Советского Союза. Книга основана на документах, в том числе мало известных.

Б 0504000000
067(02)—87

ББК 63.3(062)
Б 40

Лев Александрович БЕЗЫМЕНСКИЙ — один из советских писателей-документалистов, которые связали свою литературную судьбу с историей второй мировой войны и разоблачением нацизма. Участник Великой Отечественной войны.

Л. А. Безыменский опубликовал в Издательстве АПН ряд книг, основанных на собранных им документах и свидетельствах очевидцев («Особая папка «Барбаросса», «Разгаданные загадки третьего рейха») и раскрывающих закулисную сторону событий военной эпохи.

Новая работа автора, в которой использованы неизвестные доселе материалы из архивов США, посвящена истории создания второго фронта и разоблачению происков врагов антигитлеровской коалиции народов СССР, США и Великобритании.